

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук
(ИИАЭ ДВО РАН)**

На правах рукописи

Маслодудо Сергей Викторович

**МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УСТЬ-МЕНЗА-2
КАК ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК
ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА И ПАЛЕОМЕТАЛЛА
ЮГО-ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ**

ТОМ I

5.6.3 - Археология

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Константинов Михаил Васильевич

Владивосток – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ I

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	2
Введение.....	3
Глава 1. Усть-Менза-2 как уникальный объект культурного наследия и опорный археологический памятник.....	13
1.1. История исследований.....	13
1.2. Региональная историография	26
1.3. Стратегия исследований	35
1.4. Геоморфология, геоархеология, геохронология.....	39
Глава 2. Усть-Менза-2: эпоха верхнего палеолита.....	55
2.1. Принципы и система описания.....	55
2.2. Культурные слои 3-27.....	59
2.3. Жилища и поселения	100
2.4. Каменный и костяной инвентарь.....	111
2.5. Образ жизни: материальное и духовное	119
2.6. Культурная корреляция	126
Глава 3. Усть-Менза-2: эпоха палеометалла	129
3.1. Голоценовая лакуна и её заполнение	129
3.2. Культурные слои 1 и 2.....	130
3.3. Хронология и периодизация.....	149
3.4. Корреляция.....	151
3.5. Использование металла	153
3.6. Индустрия камня.....	155
3.7. Керамические изделия.....	167
3.8. Культурная и стадильная принадлежность	173
Заключение.....	181
Список сокращений.....	186
Список архивных источников и археологических коллекций	187
Список литературы	192
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТАБЛИЦЫ И ДИАГРАММЫ.....	220

ТОМ II

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	2
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. РИСУНКИ.....	3-203

ВВЕДЕНИЕ

Древние многослойные поселения – это особый вид поселенческих памятников археологии. В структурах таких памятников представлены серии культурных слоёв, расположенных друг над другом, что создаёт надёжную основу для относительной хронологии, для выявления традиций и новаций в материальной и духовной культуре. Поскольку культурные слои многослойного поселения всегда включены в конкретное геологическое тело в виде отложений различного генезиса, то появляется возможность для анализа природных процессов и оценки их воздействия на жизнь первобытных общин, а также создаётся основа для формирования природно-исторических схем (Константинов М.В., 1994, с.39-45, Маслодудо, 2023).

Научная литература не содержит ответа на вопрос о том, какое количество культурных слоёв в структуре одного поселения позволяет считать его многослойным. Единственный вариант, который не вызовет возражений, если будет использовано понятие «множество», постоянно применяемое в математике и исторической статистике.

К объекту с множеством культурных слоёв относится древнее поселение Усть-Менза-2 (Константинов М.В., Константинов А.В., Екимова, Разгильдеева, 2011). В процессе планомерных раскопок, проводившихся более сорока лет, на этом поселении открыто и изучено 34 культурных слоя (далее КС). Они заключены в толщу отложений II надпойменной террасы мощностью 9,6 м. В структуре отложений выделяются маркеры, свидетельствующие о тёплых и холодных, влажных и сухих периодах, субаквальных и субаэральных условиях, палеоклиматических рубежах и т.д., отражающих природные обстановки позднего плейстоцена и голоцена.

Особую ценность Усть-Мензе-2 придаёт то, что культурные слои сохраняют первоначальную естественную позицию, имеют чёткую структуру с реально опознаваемой поверхностью обитания; в большинстве своём они разделены стерильными прослоями, обеспечивающими чистоту культурных комплексов.

На поселении раскрыты выразительные планиграфические структуры, включающие в себя жилища, очаги, кострища, жилые площадки и другие культурные элементы. В пространстве поселенческого объекта оказалась серия погребений, увязываемая с конкретными слоями (Маслодудо, 2023).

Большинство культурных слоёв (КС) поселения Усть-Менза-2 относятся к верхнему палеолиту (КС 3 – 27), верхние слои – к палеометаллу или к ранней и поздней бронзе (КС 1, 2).

Первоначально решением Читинской Областной Думы № 20 от 11.07.1996 Усть-Менза-2 определена как объект культурного наследия регионального наследия. В 2003 г. Усть-Менза-2 включена в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации за номером 751440178980006. Полное название памятника «Река Менза. Поселение Усть-Менза-2». Кроме того в данный реестр включены ещё пять памятников из Усть-Мензинского урочища, такие как Усть-Менза-1, -4, -9 (Крапивный Мыс), -11 (Кабаний Ключ), -12 (Звериная тропа), а также поселение Косая Шивера-1 на р. Менза. Отметим, что ранее в общегосударственном реестре объектов культурного наследия было только три памятника из Забайкалья (Хирхириновское городище, Кондуйский городок и Среднеаргунское городище), изученных С.В. Киселёвым (МГУ) в 1950-х годах.

Первый этап исследований Усть-Мензы-2 (1980-1994 гг., раскоп 1-2) отчасти отражён в ряде публикаций и диссертаций (Сёмина, 1986, Константинов М.В., 1994, 1995, Кузнецов О.В., 1996, Константинов А.В., 2001, Мороз, 2008, 2014). В настоящем исследовании представляется полное обобщение результатов раскопок Усть-Мензы-2 с 1980 по 2021 гг. с характеристикой общей структуры памятника и каждого из 34 культурных слоёв.

Цель исследования: концептуальное оформление научных представлений о поселении Усть-Менза-2 с его уникальной

многослойностью и информативностью культурных слоёв, отражающих культурные достижения эпохи верхнего палеолита и палеометалла.

Задачи исследования:

- обобщённая характеристика памятника, основанная на анализе системы отложений, включающей в себя серию постоянных поселений и временных лагерей, последовательно перекрывающих друг друга;

- определение стратиграфической позиции и культурной значимости каждого из культурных слоёв с обоснованием выделения поверхности обитания, её сохранности и насыщенности структурами и артефактами;

- планиграфические разработки отражённых в культурных слоях жилищно-хозяйственных и прочих структур с целью определения их характера и использования;

- обоснование возраста культурных слоёв на основе археологических, геологических, радиоуглеродных и других данных;

- характеристика вещественных источников как базовых для выявления основных черт материальной культуры и образа жителей обитателей поселения;

- выявление места Усть-Мензы-2 в археологических культурах верхнего палеолита и палеометалла Забайкалья.

Географические рамки исследования: Забайкальский край, Красночикойский район, среднее течение р. Чикой (бассейн Селенги), юго-западное Забайкалье. Район исследований относится к юго-западной части Забайкальского края (Рис. 1-2), которое ныне в географическом плане чаще всего определяется как Забайкалье. С запада он граничит с Республикой Бурятия РФ и с юга - с Республикой Монголия. Географически территория исследований принадлежит Хэнтэй-Даурскому нагорью, или, иначе, Зачикойской горной стране. С севера горная страна обрамляется рекой Чикой и правобережным Малханским хребтом, входящем в Селенгинское среднегорье. Южные пределы горной страны приходятся на Монголию, вплоть до рек Тола и Керулен. Горную страну с юга на север пересекает река

Менза – левосторонний, самый крупный приток реки Чикой, который в свою очередь впадает в Селенгу, а Селенга несёт воды в Байкал. Через Ангару и Енисей, бассейн реки Мензы связан с Северным Ледовитым Океаном.

Хронологические рамки определяются эпохой верхнего палеолита, включая заключительную фазу его среднего периода (20-18 тыс. л.н.), поздний (18-10,8 тыс. л.н.) и финальный периоды (10,8-10,3 тыс. л.н.) позднего палеолита и эпоху палеометалла (4-3 тыс. л.н., или 2-1 тыс. до н.э.). В диссертации используется традиционная для археологов и геологов хронология без пересчёта на календарный счёт времени.

Актуальность исследования определяется важностью выявления и изучения полноценных информативных памятников, позволяющих глубже и точнее раскрыть характер культуры и образ жизни древнего населения региона.

Объектом исследования является уникальное многослойное поселение Усть-Менза-2, представленное 34 культурными слоями верхнего палеолита и палеометалла.

Предмет исследования - структура древнего поселения, определяемая сочетанием исторических и природных элементов с детальным анализом каждого культурного слоя и всех его составляющих в виде жилищно-хозяйственных структур и предметного материала.

Методы исследования:

- археологические, включающие в себя полевые, камеральные и аналитические методики;
- историографический, позволяющий восстановить историю исследований во взаимосвязи фактов открытий и взглядов исследователей на научные проблемы;
- геоархеологический, представляющий информацию о генезисе и возрасте отложений изучаемых объектов и формах рельефа, освоенных для обитания;

- корреляционный, основанный на сравнении с многослойными памятниками базового и соседних регионов.

Научная новизна. Впервые в полном виде используется весь объём материала, полученного в результате 42-летнего изучения поселения Усть-Менза-2. С участием автора площадь раскопок на памятнике расширилась в 2,2 раза, состав коллекции – в 10 раз, дополнительно открыто 7 культурных слоёв, обнаружены новые структуры, такие как жилища и хозяйственные конструкции разных типов, очаги, погребения, яма для горячей просушки керамики, ямка с разложившейся до порошка медью, «кладовка рудознатца» и др. Разработана система описания планиграфических сюжетов с использованием термина «структура». Составлено представление о характере и продолжительности использования террасовых площадок для организации постоянных поселений и временных лагерей. Более полно обоснован возраст культурных слоёв и горизонтов, уточнена хронология и периодизация. Проведён корреляционный анализ с однокультурными объектами, позволяющий составить развёрнутое представление о занятиях и образе жизни населения. Раскрыты новые данные об использовании человеком металла. Выделена серия инструментов, предназначенных для добычи и переработки руды.

Методология: общенаучные принципы, основанные на признании познаваемости мира; понимание археологических материалов как исторических источников; отражение взаимодействия природы и общества в археологическом материале; определение хронологии на основе принципов линейности, необратимости и конкретности времени; формирование периодизации как отражения развития культуры в её предметных проявлениях.

Защищаемые положения:

1. Многослойные поселения являются особыми поселенческими объектами, обладающими высокой степенью информативности и

достоверности; их полное изучение в пределах речных долин непременно связано с проникновением в аллювиальные толщи террас. Систематическое планомерное многолетнее изучение древнего поселения, с привлечением данных смежных наук, позволяет сформировать обобщающий образ памятника как археологического и историко-культурного объекта.

2. Комплексное изучение многослойного поселения с проникновением в аллювиальную толщу на предельную глубину и раскрытием обширной, обитаемой на разных культурных уровнях, площади позволяет определить данное исследование как памятниковедческое, позволяющее представить поселение Усть-Менза-2 как уникальный объект историко-культурного наследия и опорный памятник в системе региональных корреляций.

3. В геоархеологической структуре поселения Усть-Менза-2 представлены культурные слои, отражающие два основных типа обитания: постоянного, весьма длительного поселения с традиционной благоприятной локализацией в пространстве с серией жилищ и кратковременного в виде охотничьего лагеря на подходящем месте, что отражает умение максимально адаптироваться к природным условиям и вести результативную охоту на окружающей местности.

4. Углублённый планиграфический анализ обширных площадей поселений позволяет идентифицировать древние жилища разных типов и сопутствующие им структуры.

5. Коллекция палеолитических артефактов с точной раскладкой по 32 культурным слоям позволяет установить появление архаичной микропластинчатой техники в КС 25-27 (20-18 тыс. л.н.) и её постепенное развитие и уверенное использование в КС 3-24 (18-10,3 тыс. л.н.) с постепенным накоплением технических навыков и совершенствованием приёмов расщепления с использованием микронуклеусов.

6. Обитатели древних чикойских поселений обладали практическими знаниями для нахождения и использования различных пород камня, а в

эпоху палеометалла - поиска горной руды и её переработки специальными орудиями, начиная со второй трети II тыс. до н.э.

Теоретическая значимость. Во-первых, разработка региональной истории на базе достоверных многоаспектных археологических источников позволяет полнее раскрыть общую картину этнокультурного процесса в Северной и Центральной Азии. Во-вторых, памятниковедческий аспект исследования обращает внимание на особую значимость многослойного поселения как информационного объекта, позволяющего считать его опорным в изучении соответствующих эпох в исследуемом регионе, и как уникального историко-культурного памятника, заслуживающего всестороннего изучения и сохранения в реальной природной среде.

Практическая значимость. Поселение Усть-Менза-2 является основным памятником для проведения учебных практик студентов-историков ЗабГУ и организации школьных археологических лагерей; материалы Усть-Мензы-2 используются в вузовских курсах «Археология» и «Археология Забайкалья», в школьном преподавании истории древнего мира, кружковой работе, в экспозиционной и экскурсионной деятельности Музея археологии Забайкалья имени И.И. Кириллова, в просветительской работе при сотрудничестве со средствами массовой информации, в деятельности по сохранению и изучению объектов исторического наследия. Поселения Усть-Мензинского комплекса, включая Усть-Мензу-2, нашли отражение в текстах томов «Энциклопедии Забайкалья». Материалы Усть-Мензы-2 приняты на государственное хранение в Забайкальском краевом краеведческом музее имени А.К. Кузнецова (ЗККМ).

Усть-Мензинский археологический комплекс неоднократно посещался учёными в рамках полевых экскурсий научных форумов, таких как всесоюзная научная конференция «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири» (1986), международный симпозиум «Древние культуры Азии и Америки» (2003), международная конференция «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (2013), «300 лет научных

исследований в Забайкалье» (2024). В экскурсиях принимали участие учёные из ведущих научных центров страны (Москва, Петербург, Новосибирск, Якутск, Иркутск, Владивосток и др.) и зарубежья, в т.ч. из США, Японии, Китая, Голландии и др. В 1996, 2003, 2015-2016 гг. в раскопках поселений участвовала группа американских учёных под руководством доктора Й. Буйвита (Университет штата Вашингтон). Большое внимание уделял Усть-Мензе японский археолог Масами Изухо (Токио метрополитен университет).

Усть-Менза-2, как и весь Усть-Мензинский комплекс, является туристическим объектом. Его посещают участники водных сплавов по Мензе и Чикою, авто- и пешие туристы из Читы, Красного Чикоя и других мест. По соседству с Усть-Мензой в местности Шинки создана общероссийская туристическая база, включившая в обязательную программу посещение мест археологических раскопок.

Министерством природных ресурсов Забайкальского края принято решение о создании «Особо охраняемой природной территории Усть-Менза» (ООПТ).

Апробация результатов исследования.

По материалам диссертации опубликованы 13 работ, в т.ч. 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации.

Доклады, представленные на конференциях:

- VI Кузнецовские чтения г. Чита 2017 г. Тема доклада: Древнее поселение Усть-Менза-2: итоги и перспективы исследований;

- LV международная научная студенческая конференция МНСК-2017: Археология. Тема доклада: Техника микронуклеуса эпохи ранней бронзы таежного Забайкалья (по материалам поселения Усть-Менза-2);

- LVIII Российская археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых, Омск -2018. Тема доклада: Усть-Менза-2: крупные каменные орудия эпохи ранней бронзы;

- V Всероссийский археологический съезд-2017 г. Тема доклада: Неолит и бронза таежного Чикоя: природная и культурная стратификация (совместно с Константиновым М.В.);

- LIX Российская археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых, Благовещенск-Хэйхэ – 2019 г. Тема доклада: Поселения эпохи бронзы реки Чикой;

- IV международный конгресс археологии евразийских степей – 2019 г, тема доклада: Таежное закулисье кочевого мира (по памятникам бассейна реки Чикой) (совместно с Константиновым М.В.);

- VI (XXII) Всероссийского археологического съезд - 2020 г. Тема доклада: Палеолитические слои поселения Усть-Менза-2 (Забайкалье);

- LX Российская археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых, Иркутск - 2020 г. Тема доклада: Палеолитические жилищные комплексы Усть-Мензы-2 (культурный слой 4);

- Межрегиональная научно-практическая конференция «Сохранение историко-культурного наследия: опыт, проблемы и перспективы» - 2021 г. Тема доклада: Новый этап исследования поселения Усть-Менза-2 (палеолитический слой 5);

- Международная научная конференция «300 лет научных исследований в Забайкалье» - 2024 г. Тема доклада: Каменные структуры палеолитических слоев поселения Усть-Менза-2;

- Международная научная конференция «Палеоэкология и динамика культуры в плейстоцене Евразии» - 2024 г. Тема доклада: Геологическая стратиграфия и археологическая структура поселения Усть-Менза-2 (Юго-Западное Забайкалье).

Автор участвует в раскопках поселения Усть-Менза-2 ежегодно с 2010 г. Наряду с этим принимал участие в изучении других поселений Усть-Мензинского комплекса, таких как Усть-Менза-1, -5, -6 (Груздёвая), -7 (Овражный край), -9 (Крапивный Мыс), -14 (Лагерная), -15 (Кедровая), в проведении обследований археологических объектов Фомичёво, Волково,

Студёное, Жиндо, Энгорок и др. Автор на правах соисполнителя вёл подготовку отчётов в ОПИ Института археологии РАН о результатах археологических раскопок на Усть-Мензе-2 за 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг. (основной автор отчётов М.В. Константинов). С 2017 года как научный сотрудник ЦОСОКН Забайкальского края на правах держателя Открытого листа проводит археологические разведки, охранные раскопки по территории Забайкальского края.

Объем и структура диссертации. Диссертационная работа состоит из 2 томов. В томе 1 - текст (219 с.): введение, три главы, заключение, список полевых отчётов (34) и археологических коллекций (31 памятник), список литературы (226 наименований), приложение 1 - 12 статистических таблиц и 17 диаграмм (22 с). В томе 2 – приложение 2 с иллюстративным материалом в виде чертежей и фотографий (224 илл., 203 с.).

Глава 1. Усть-Менза-2 как уникальный объект культурного наследия и опорный археологический памятник

1.1. История исследований

Первые десятилетия археологических поисков первобытных древностей в Забайкалье, изначально понимаемым как географическое пространство от Байкала до Амура, были связаны со сбором подъёмного материала в виде каменных изделий и обломков керамической посуды (Константинов М., 1983, 1992, 2002). В 1839 – 1851 гг. декабрист Н.А. Бестужев, поселённый в Селенгинске, собирал коллекции древних вещей, в том числе ножи, копья, стрелы (Бестужев, 1975). В 1865-1867 гг. П.А. Кропоткин и И.С.Поляков выявили стоянки с разрушенным культурным слоем в Тунке и обратили внимание на золотоносные карьеры в Баргузинском округе, где, наряду с костями животных ледниковой эпохи, встречались разные артефакты (Поляков, 1869; Кропоткин, 1873, 1876, 1907, Уваров, 1881). В начале 1880-х гг. И.Д. Черский и Н.И. Витковский проводили осмотр памятников на Селенге, в том числе пещеры Итанца, а также в низовьях Чикоя и Джиды (Черский, 1880, 1881а, 1881б, Уваров, 1881). В 1990-х гг. А.П. Мостиц нашёл около 20 развешанных стоянок в нижнем течении реки Чикой и на реке Селенга (Мостиц, 1894, 1896, 1897). В этих же местах в конце XIX - первых десятилетиях XX вв. открывали такого же типа стоянки П.С. Михно и Ю.Д. Талько-Грынцевич (Михно, Петри, 1928а, 1928б, Талько-Грынцевич, 1905, 2002, Петри, 1928а, 1928б, Попов, 1927а, 1927б, Окладников, 1961, Ларичев, 1969, Константинов, 1983, Маслодудо, 2023).

В восточном Забайкалье, начиная с 1880-х гг., более 30 лет, проводил археологическое обследование А.К. Кузнецов. На берегах рек Онон, Ингода, Иля, Аргунь, на оз. Бальзино, в окрестностях Читы и Нерчинска он открыл 25 стоянок, собирая на поверхности каменные изделия (Кузнецов А., 1893, 1925, Окунцов, 1929, Константинов М., 2002, Патронова, Константинов М., 2011, Маслодудо, 2023).

В 1920-х гг. на Селенге и её притоках исследовали разрушенные стоянки Г.Ф. Дебец, А.П. Окладников, М.М. Герасимов и Г.П. Сосновский (Дебец, 1925а, 1925б, 1930, Окладников, 1927, 1928, Герасимов, 1941, Сосновский, 1928, 1929а, 1929б, 1930, 1932, 1933, 1934).

А.П. Окладников продолжил эти исследования во второй половине 1940-х гг. (Окладников, 1948а, 1948б, 1950а, 1950б, 1951, 1952, 1953, 1955, 1957, 1959).

Итак, с 1860-х и включая начало 1950-х гг. исследователи выявили не менее 50 местонахождений подъёмного материала, составив выразительные музейные и лабораторные коллекции и разработав первые культурно-хронологические классификации. На этом этапе исследований только в единичных случаях удавалось найти артефакты в отложениях (например, в Усть-Кяхте-3, Итанце). Вместе с тем, в этот же период было открыто немало «лапидарных» памятников (петроглифы, надписи, курганы, маяки). В их числе было несколько неолитических погребений (Тултун-Дабан, Фофаново) (Талько-Грынцевич, 1905, Герасимов, 1975).

Первые небольшие раскопки на стоянках, позволившие выявить культурные слои, были проведены А.П. Окладниковым в 1952-1953 гг. на Ошурково. Стационарные работы на Ошурково состоялись в 1958 г. Этот памятник был определён как трёхслойный. В том же году им поставлена результативная траншея на Санном Мысе на р. Уде. А.П. Окладников также исследовал двухслойные поселения, такие как Посольское на Байкале и Нижняя Березовка на Селенге (Окладников, 1951, 1952, 1953, 1957, 1958).

В 1954 г. в восточном Забайкалье А.П. Окладников исследовал Шилкинскую пещеру с неолитическим погребением (Окладников, 1960, Алкин, Смоляков, 2024). В 1959, 1961 гг. В.Е. Ларичев и С.Н. Астахов под руководством А.П. Окладникова начали раскопки палеолитической мастерской на Титовской сопке в Чите (Окладников, 1975). В 1960-70-е годы А.П. Окладников и И.И. Кириллов изучали поселения Сухотино-1, Амогolon, Чиндант, Арын-Жалга и др. (Окладников, Кириллов, 1980). В

1960-х гг. Ю.С. Гришин в составе экспедиции Института археологии АН СССР открыл ряд стоянок в бассейне р. Онон (Будалан и др.) (Гришин, 1975, 1981). В 1966-1971 гг. И.И. Кириллов организовал разведки по рекам Ингоде, Онону, Хилку и Чикою (Кириллов, 1973, 1979, 1981, 2000, Константинов М., 2017, Маслодудо, 2023).

Расширяющаяся практика постановки обширных и глубоких раскопов привела к открытию в 1968 г. первого многослойного поселения в Забайкалье; А.П. Окладникову на Санном Мысе удалось установить 7 культурных слоёв, при этом в слое 6 выявить выразительное палеолитическое жилище (Окладников, 1971). На Санном Мысе замечено, что культурные слои могут быть связаны с аллювием.

Археологические исследования в зоне таёжного Чикоя осуществляются с 1970 г. Чикойской археологической экспедицией Забайкальского государственного университета (первоначально – Читинский пединститут) при поддержке Забайкальского краевого краеведческого музея имени А.К. Кузнецова и Забайкальского отделения Русского географического общества (Константинов М. и др., 2003). Чикойской археологической экспедицией была сделана ставка на обоснование перспективности «аллювиальной археологии» (Константинов М., 2003, 2008, Константинов и др., 2003). На многих объектах были поставлены глубокие шурфы и траншеи, вскрывающие аллювиальные толщи до галечника или цоколя. Это позволило приобрести значительный разведывательный опыт, открыть поселения с множеством культурных слоёв (далее КС) и приступить к планомерным раскопкам. Усилиями экспедиции в науку были введена серия многослойных памятников, расположенных на террасах рек Мензы и Чикоя (Константинов М., 2011, с. 332-333, Константинов М., Константинов А., 2024, с. 65-69).

Необходимость изучения многослойных поселений вытекает из практики организации археологических исследований, имеющих длительную историю и включающую в себя деятельность многих поколений

археологов (Окладников, 1959, 1971, Ларичев, 1969, Константинов М., 1983, 1994, Маслодудо, 2023).

Представление чикойских памятников производится по территориальным группам:

- Усть-Мензинское урочище как географический перекрёсток всей территории;

- река Чикой (от верховьев до границы с Бурятией);

- река Менза (от границы с Монголией до впадения в Чикой).

Полевые исследования сопровождались публикациями руководителей и сотрудников экспедиции, аспирантов и студентов. Ссылки на публикации приводятся совместно с краткой характеристикой памятников.

В пределах урочища Усть-Менза, начиная с 1980 г., выявлена серия археологических памятников, образующих Усть-Мензинский археологический комплекс.

Усть-Менза-1. Поселение связано с высокой поймой (прибрежная часть) и I террасой высотой 5-6 м. Изучено на площади 524 кв.м. Выявлено 25 КС. К эпохе бронзы относятся КС 1 (поздняя бронза) и КС 2 (ранняя бронза). В КС 2 выявлен очаг и две хозяйственные ямы глубиной 1,2 м, заполненные разными бытовыми отходами, а также обнаружена своеобразная «кладовочка древнего мастера», состоящая из 8 крупных скрёбел. Найдены абразивные инструменты. Из керамического материала выделяются обломки плоской плитки. В прибрежной части поселения (зона высокой поймы) единый слой 2 заменяется тонкими дробными чёрными прослойками, обозначенными 2А – 2Д. В КС 2Г найден фрагмент открытой литейной формы с тремя вогнутыми продольными желобками, подходящими для отливки, например, шильев. В КС 1 раскрыта яма глубиной до 1 м, заполненная древесным углем, подготовленного для плавки руды. В этом же слое, а также в КС 2А найдены фрагменты трипода, в т.ч. цельные ножки-подставки. Неолитическим временем датируются КС 3-8 с архаичной керамикой в нижних слоях. Поздний мезолит – КС 9, 10. Уровень

среднего мезолита, в связи с размывом бореальных отложений, не представлен. Ранний мезолит – КС 11, 12 (норильская стадия). Отмечен древнейшими для Забайкалья наконечниками стрел (костяным и вкладышевым). Изучены небольшие жилища с очагами. Поздний палеолит – КС 13 – 24 (позднесартанские интерстадиалы, 12,8-10,8 тыс. л.н.). В КС 16, 18 – одноочажные жилища с дискретными внешними обкладками. КС 25 связан с поверхностью древнего каргинского галечника, являвшегося открытым бечевником от 25-27 до 12,8 тыс. л.н. В этом КС выявлены два одноочажных жилища и самостоятельный очаг. Поселение расположено вплотную к Усть-Мензе-2 (их раскопы стыкуются в верхней части уступа II террасы). (Константинов М. Научный отчет 2015: Т.3; Семина Л.В. Научные отчеты: 1984; 1986; 1992; 1993; Базарова, Семина, Константинов А., 1985; Семина, Пинскер, 1986; Семина, Гребенщикова, 1993; Верещагин, 2011; Шайхутдинова, 2019; Маслодудо, Константинов М., 2017).

Усть-Менза-2. Расположено на II надпойменной террасе. Изучено на площади 1206 кв. м, на глубину до 10 м. Выявлено 34 культурных слоя. КС 1-4/2 связаны с покровными отложениями. КС 4/3 – 27 - с аллювиальными. КС относятся к верхнему палеолиту (3 – 27) и бронзе (КС 1, 2). Развёрнутая характеристика памятника представлена в полном объёме в данной диссертации (Константинов А. Научные отчёты 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1992, 1996; Константинов А. 1986, 1997, 2025; Константинов М. Научные отчёты, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025; Константинов А., Князева, 1986; Константинов А., Шлямов, 1987; Константинов А., Мещерин, Князева, 1988; Князева, Стрелкова 1989; Гребенщикова, Сухопарова, 1989; Константинов А., Мещерин, Князева, 1988; Стрелкова, Константинов А., 1989; Константинов А., Соколова, 1996; Константинов А., Наумцева, 1996; Ковалёва, Наумцева, 2016; Маслодудо, Константинов М., 2017; Константинов М., Константинов А., Маслодудо, 2018; Маслодудо, 2017, 2024; Константинов М., Маслодудо, 2019).

Усть-Менза-3. Расположено на древнем приустьевом мысе Мензы, являющимся II террасой высотой 14 м., раскрытого на всю глубину. Изучено на площади 496 кв.м. Зафиксировано 7 культурных слоёв. В КС 1 найдены кости свиньи, овцы, козы и коровы. Два верхних слоя КС (1 и 2) относятся к эпохе бронзы. В КС 2 выявлена полуземлянка квадратной формы с ямками от столбов по углам, а также 10 очагов и 3 хозяйственные ямы. В каменном инвентаре приметен молоток с круговым желобком, выполненным пикетажем.

В КС 2 выявлены 2 погребения. Первое погребение имело кольцевую обкладку диаметром 3,5 м, выполненную из мелких и средних камней. Несколько камней располагалось над могильной ямой. От костяка остались мелкие истлевшие обломки костей. Из инвентаря представлен шлифованный нефритовый нож. Второе погребение выявлено на уступе террасы. На дне могильной ямы округлой формы, заполненной красно-вишнёвой охрой, оказались останки человека: лицевая часть черепа, челюсти, две бедренные кости, сломанная на две части берцовая кость, ключица. Анатомической последовательности не наблюдается. Погребальный инвентарь отсутствует. Погребение определяется как вторичное.

КС 2а, 3 и 4 связаны со средней частью сартанского аллювия с ориентировкой на 14-16 тыс. л.н. В КС 2а обнаружена «кладовочка» из 3 крупных скрёбел. В КС 3 найдено 5 золистых пятен, 280 артефактов, в т.ч. уплощённый роговой остроконечник. В КС 4 расчищена структура с 4 очагами, втянутыми в одну линию и внешней пунктирной обкладкой из речных камней. В её пределах найдено 322 артефакта, включая микронуклеусы, микропластинки, скребки и др. К редким находкам относится след от деревянного изделия длиной 80 см, похожий на основание шеста, используемого в конструкции жилища (Константинов М. Научный отчет 1988; Базарова, Васильев С., Конюхов, 1986; Мороз, Фатеева, 2007).

Усть-Менза-4. Связано со II террасой р. Чикой высотой 9-10 м. Устанавливается, что изначально терраса располагалась на правом берегу

Чикоя и оказалось на его левом берегу в связи с изменением контура речного русла. Раскопано на площади 292 кв.м. Изучен разрез отложений мощн. 6 м (до галечника) Выявлено 3 КС. КС 1, заключённый в дерново-почвенный слой, относится к эпохе бронзы. Самая интересная находка - бронзовый нож с рукоятью, обушковый, однолезвийный. В КС 2, в нижней палеопочвенной прослойке (кокоревский этап позднесартанского потепления, 12,8 – 12,0 тыс. л.н.) – одноочажное жилище с кострищем в центре и с внешней каменной обкладкой. В КС 3, в верхней части аллювия - жилая площадка с кострищами и массовыми продуктами микропластинчатого расщепления (около 13 тыс. л.н.) (Константинов М. Научный отчет 1989 Часть 1; Шлямов, Филимонов, 1986).

Усть-Менза-5. Расположено на IV террасе высотой 20-22 м в зоне терраса-увала. Изучено двумя раскопами на площади 146 кв.м., на глубину до 6 м. В разрезе отложений представлены норильские клинья, позднесартанские и разрушенные до отдельных прослоек каргинские почвы, муруктинский аллювий, опирающийся на казанцевский галечник. Выявлено 12 КС, из них КС 1 и 2 - неолит-бронза с керамикой и каменными изделиями. С КС 2 связано два грунтовых погребения под каменными кладками. В погребение 1 – скелет женщины среднего возраста с явными монголоидными признаками (заключение Н.Н. Мамоновой), в положении на спине с согнутыми и развёрнутыми набок ногами, головой на юго-восток, без погребального инвентаря. Дата – 6940 ± 160 (ГИН-5000). Погребение 2 – без останков и находок. КС 3 - верхний палеолит с рассеянными артефактами. КС 4-12 – средний палеолит с артефактами, костями мамонта, носорога и лошади (Константинов М.В. Научные отчеты 1989: Часть 1; 2006; 2015: Т.2; Константинов М., 1986, 2009; Константинов М., Пархоменко С., 1986; Родникова, Селин, 1986; Блинов, Филатов, 2014; Ковалёва, Филатов, 2016).

Усть-Менза-6 (Груздёвая). Расположено в тыловой части IV террасы высотой 34 м в зоне терраса-увала. Изучено раскопом на площади 130 кв.м.

и бурением до глубины 16 м, при этом нижние 9 м – озёрные отложения, выше по разрезу - речной аллювий IV террасы. В покровных отложениях выявлено 7 КС. Из них КС 1, 2 – неолит-бронза. С КС 2 связано грунтовое погребение со скелетом пожилой женщины в сильно согнутом положении (заключение Е.В. Веселовской, реконструкция А.В. Рассказовой, ИЭиА РАН). Даты: от 5 до 8 тыс. лет. Вблизи – ритуальное кострище, оконтуренное красной охрой. КС 3-4 в раннесартанских отложениях – ранняя стадия средней поры верхнего палеолита, КС 5-7 в каргинских почвах – ранняя пора верхнего палеолита (Константинов М.В. Научные отчеты: 2014 – Т.1; 2015 - Т. 1; 2020 - Т. 2; Викулова, 2014 а, 2014 б., Викулова, Ротков, 2014,2015а, 2015 б, Сажина, 2025).

Усть-Менза-7 (Овражный край). Расположено на II террасе высотой 8 м реки Менза. Изучалось на площади 38 кв.м. Выявлено 4 КС. К эпохе бронзы относятся КС 1, 2. В КС 2 обнаружен очаг; вплотную к нему кольцо-утяжелитель округлой формы, выполненный техникой пикетажа со сквозным сверлённым двусторонним отверстием. Мог употребляться в процессе добывания огня. КС 3 в бореальной почве – мезолит. КС 4 в кокоревской почве позднесартанского отдела – конец верхнего палеолита (Константинов М. Научный отчет за 2018; Константинов М., 2019).

Усть-Менза-8 (Песчаная тропа). Расположено на I террасе р. Менза высотой 5 м. Изучено на площади 37 кв.м. Выявлено 3 КС. К эпохе бронзы относятся КС 1, 2. В КС 3, в норильском слое – ранний мезолит. Выявлено жилище с пунктирной обкладкой из камней и кострищем в центре. КС 4 – конец верхнего палеолита с единичными изделиями (Константинов А.В. 2001; Семина Л.В. Научный отчет 1993).

Усть-Менза-9 (Крапивный мыс). Расположено на I террасе р. Чикой высотой 6 м., первоначально связанной с правым берегом и оказавшейся на левом берегу в результате изменения русла реки. Изучено на площади 10 кв. м. Выявлено 4 КС с керамикой и артефактами – неолит-бронза (Семина Л.В. Научный отчет 1993).

Усть-Менза-10 (Полевой бугор). Расположено на III (?) террасе островного типа высотой 12 м в зоне конуса выноса ручья Кабаньего. Поставлен шурф 10 кв.м. Выявлено 5 культурных слоёв, содержащих пластинки, отщепы, резцы. Возраст КС уточняется (Семина Л.В. Научный отчет 1993).

Усть-Менза-11 (Кабаний ключ). Расположено в тыловой части II террасы высотой 10-12 м в зоне конуса выноса ручья Кабаньего. Собран материал палеолитического облика. В тыловой части террасы, в шурфе - кости бизона (Семина Л.В. Научный отчет 1993).

Усть-Менза-12 (Звериный ход). Расположено на 40-метровой (V?) террасе по левому борту ручья Кабаньего. В шурфах выявлена керамика и отщепы в поддерновом слое (Семина Л.В. Научный отчет 1993).

Усть-Менза-13 (Увалистая). Расположено на III террасе высотой 14 м в зоне терраса-увала. Изучено на площади 24 кв. м. Выявлено 4 КС, из них два верхних связаны с голоценовыми слоями, два нижних – с позднекаргинскими прослойками, перекрывающих слоистый аллювий (Константинов М., Научный отчет 2008).

Усть-Менза-14 (Лагерная). Расположено на II террасе высотой 10 м с ориентировкой на левый берег древнего русла Чикоя. Изучено на площади 124 кв.м. Верхний подпочвенный слой – ранняя бронза. Нижний слой – в основании перегляциального аллювия, переотложенный архаичный каменный инвентарь предположительно начала верхнего палеолита (Константинов М.В. Научный отчет 2015, Т. 4; Константинов А., Разгильдеева, 2010, 2011, 2012; Разгильдеева, Константинов, 2010; Разгильдеева, 2010, 2015; Власенко, 2023; Власенко, Ячменёв, 2024).

Усть-Менза-15 (Кедровая). Расположено на V террасе (?) высотой 40 м в зоне терраса-увала. Изучено на площади 100 кв м. Выявлено два КС. КС 1 – средняя пора верхнего палеолита. КС 2 – средний палеолит (Константинов М.В. Научный отчет 2014, Т. 4).

Усть-Менза-16 (Воровское). Расположено на правобережной III террасе высотой 14 м в устье ручья Воровского. Изучено на площади 40 кв.м. Выявлено семь КС. Возраст – верхний палеолит – бронза (Викулова, Филатов, 2012; Филатов, Фёдорова, 2013; Филатов, Ковалева, 2016).

В долине р. Чикой выявлена и изучена представительная серия древних поселений.

Фомичёво. Расположено в 90 км от Усть-Мензы выше по течению реки Чикой на III террасе высотой 10 м в зоне впадины. Рассекается оврагом. Изучено на площади 70 кв.м. В верхнем почвенном слое представлена серия очагов эпохи поздней бронзы. С верхним отделом каргинской почвы связаны КС 2-4, относящиеся к верхнему палеолиту (Кириллов, Ковычев, 1970; Константинов М.В. 1994).

Приискское. Расположено в 20 км ниже Усть-Мензы по течению реки Чикой на IV террасе высотой 18 м. Изучено на площади 50 кв.м. В верхнем слое представлена эпоха бронзы с керамикой и артефактами из камня. В нижнем, связанном с каргинской почвой - конец среднего палеолита или начало верхнего палеолита (Константинов М.В. 1994; Цейтлин, Константинов А., Одоев, Дружинина, Золотарёв, 1986; Цейтлин, Константинов А., Одоев, 1986).

Студёное-1. Расположено от Усть-Мензы на 50 км ниже по течению реки Чикой, на правом берегу, в устье р. Студёный, на I террасе высотой 5-6 м. Выявлено 38 культурных слоёв, что повторяет «сибирский рекорд» якутских Белькачей (Мочанов, 1969). Изучено на площади 1060 кв.м. Верхние КС – 1А, 1Б, 1В относятся к эпохе бронзы. В КС 1А обнаружены обломок бронзового однолезвийного ножа и бронзовая проволочная скрепка; здесь же найдены кости овцы и козы. В КС 1Б - 6 прямоугольных очагов, оформленных вертикальными и горизонтальными плитками, и 15 очагов округлой формы, выложенных камнями. Из бронзы – полушарно-выпуклая пуговица, а также капли от литья. КС 2-9 - неолит. КС 10-12 – поздний мезолит. Бореальный уровень с возможными слоями среднего

мезолита отсутствует. КС 13/1, 13/2- ранний мезолит. КС 14-17, 18/1, 18/2, 19/1-19/4 – верхний палеолит (позднесартанские интерстадиалы) с серией одноочажных жилищ с каменными обкладками (Константинов М.В. Научный отчет 2001; Константинов М., Константинов А, Сёмина, Лыцусь, 1977; Константинов М., Иметхенов, Сёмина, Лыцусь, 1977).

Студёное-2. Находится по соседству со Студёном-1, на II террасе высотой 9-10 м. Выявлено 15 культурных слоёв. Раскопки велись на площади 818 кв.м. КС 1А, 1Б - эпоха бронзы. КС 2 – средний мезолит (бореал), КС 3, 4/1 – 4/6, 5, 6, 7/1, 7/2, 8 – верхний (сартанский) палеолит с одно- и многоочажными жилищами с каменными обкладками (Константинов М.В. Научные отчеты 1997; 2001; 2024).

Мельничное-1. Расположено на левобережье Чикоя, напротив Студёного, на III террасе высотой 14 м, в устье ручья Мельничный. Площадь раскопа 128 кв.м. Выявлено грунтовое погребение со скелетом на спине с согнутыми и развёрнутыми набок нижними конечностями, запястье правой руки наложено на череп, ориентированного на север. Скелет пропитан красной охрой. В погребении найдены пирофиллитовые бусы, бляшка с орнаментом, зуб марала. Под бедренной костью – наконечник стрелы. Реконструкция А.В. Рассказовой. Дата по кости – 7480 ± 180 (ГИН-4997). В основании покровных суглинистых отложений на глубине 1,2 м выявлен КС, содержащий 101 артефакт, относимый к средней поре верхнего палеолита (Константинов М.В. Научный отчет 2001).

Читкан. Расположено в 30 км ниже Студёного по течению реки Чикой на III террасе высотой 14 м. Изучено на площади 80 кв.м. Выявлено 7 КС. КС 1 – бронза. В КС 2 – одноочажное жилище и каменная индустрия средней поры верхнего палеолита. КС 3-7 позднекаргинские прослойки с артефактами ранней поры верхнего палеолита (Константинов М.В. 1994).

Жиндо-1, -2. Расположено вблизи Читкана по бортам сухого распадка на отметках 5-8 м. Шурфами вскрыты культурные слои с керамикой и

артефактами эпохи бронзы и раннего железа (Константинов М.В. Научный отчет 2001).

На реке Мензе, от границы с Монголией до впадения в Чикой изучены следующие памятники:

Кристинкина пещера. Особый вид памятника. Находится вблизи границы с Монголией, в окрестностях с. Менза. Изучена в 1980-1981 гг. В пещерной камере выявлено разрушенное погребение с останками двух человек – взрослого и юного в сопровождении богатого погребального инвентаря, в котором преобладают изделия из камня. Вместе с тем найдено 5 металлических орудий; спектральный анализ показал, что изделия являются бронзовыми с содержанием меди 91-92%, олова – 7,1 и 7,7%. Самое крупное изделие – литое 4-гранное шило. Мелкие экземпляры – 2 наконечника и 2 обломка пластинчатых ножей. Выразительной серией из 45 экз. представлены каменные наконечники стрел (Константинов М.В. Научный отчет 1981, Константинов М., Екимова, Верещагин, 2016).

Солонцовое-1. Расположено в 150 км от Усть-Мензы, в левобережном распадке с ручьём, на I террасе высотой 6 м. Изучено на площади 14 кв. м. Выявлено 9 культурных слоёв. КС 1,2 – бронза, КС 3 – неолит, КС 4-9 – конец палеолита – ранний мезолит (Семина Л.В. Научный отчет 1991).

Усть-Буркал. Расположено в 100 км от Усть-Мензы, на левобережной высокой пойме высотой 5 м. Изучено на площади 24 кв. м. Выявлено 4 КС, при этом КС 1 – бронза, КС 2-4 – неолит (Константинов М.В. Научный отчет 2001).

Алтан. Расположен в 90 км от Усть-Мензы, на левобережной I террасе высотой 6 м. Изучено на площади 70 кв. м. Существенная особенность поселения проявляется в том, что в его структуре представлено 8 КС эпохи бронзы. В них выявлены очаги, кострища и скопления находок. В КС 2 – хозяйственная яма с прокалом на дне, в котором сохранились три обугленных шишки. В КС 7 – окислившийся минерал медной руды и оселок со следами заточки металлических инструментов. Существенная лакуна

(размыв) приходится на бореал и нижний отдел атлантического оптимума. Ниже по разрезу располагаются КС 9-15, относящиеся к неолиту, и 15-16 – конец верхнего палеолита (Константинов М.В. Научный отчет 1985).

Нижняя Еловка-2. Расположено в 70 км от Усть-Мензы, в зоне месторождения касситерита (разрабатывалось в середине XX в.), на II левобережной террасе высотой 8 м. Изучено на площади 70 кв.м. Выявлено 4 КС, из них два верхних КС относятся к эпохе бронзы. КС 2 вскрыта зона механической переработки касситерита, содержащего олово. КС 3 – неолит. КС 4 – конец верхнего палеолита (Константинов М.В. 1994).

Косая Шивера-1. Расположено в 30 км от Усть-Мензы, в пади Широкая, на I террасе, высотой 8 м. Раскопки велись на площади 50 кв.м. Выявлено 14 культурных слоёв. КС 1,2 – бронза, КС 3-6 – неолит, КС 7-9 – поздний мезолит, КС 10-12 – ранний мезолит, КС 13-14 – конец верхнего палеолита (Константинов А.В. Научный отчет 1987).

Косая Шивера-2. По соседству с Косой Шиверой-1, по другую сторону ручья, на I террасе р. Мензы, в раскопе площадью 75 кв.м., в аллювиальных отложениях выявлено пятиочажное жилище с внешней каменной обкладкой, относящееся к верхнему палеолиту. В двух верхних слоях – каменный инвентарь и керамика (Константинов А.В. Научный отчет 1987).

Результаты исследований отражены в серии публикаций, охватывающих группу памятников (Семина, 1983, 1985, 1986, Константинов М., 1994, Константинов А., 1992, 2001, Малая энциклопедия..., 2011, Константинов М., Екимова Л.В., Верещагин С.Б., 2016, Константинов М., Константинов А., Васильев, Екимова, Разгильдеева, 2003; Разгильдеева, 2003, 2018).

Всего было открыто 25 многослойных поселений с общим количеством культурных слоёв более 200. В их числе Студёное-1 с 38 культурными слоями, Усть-Менза-2 с 34 культурными слоями, Алтан – 19 КС, Студёное-2 – 15 КС, Косая Шивера-1 – 14 КС, Усть-Менза-3 – 7 КС, Усть-Менза-6 (Груздёвая) – 7 КС. Выразительные комплексы выявлены на поселениях с 3-

4 КС. Например, на Усть-Мензе-4 и Усть-Мензе-8 (Песчаная тропа) изучены палеолитические жилища (Константинов М., 1994, 1995, Константинов А. 2001, Сёмина, 1986). Особый по характеру памятник представляет Крестинкина пещеры.

Каждый из памятников заслуживает всестороннего изучения для введения в основополагающий археологический реестр как ресурс исторических и культурологических реконструкций.

Особое внимание уделялось изучению поселения Усть-Менза-2. В результате многолетних исследований установлено, что в структуре этого поселения представлено 34 культурных слоя, датируемых от верхнего палеолита до бронзы (палеометалл), охватывающих исторический период около 20 тысяч лет (Константинов М. и др., 2011).

Итак, Усть-Менза-2 находится в окружении и в культурной среде представительной группы древних поселений с культурными слоями от палеолита до бронзы.

1.2. Региональная историография

Историография эпохи камня и палеометалла Забайкалья отражена в публикациях А.П. Окладникова (Окладников, 1950, 1955) Н.Н. Дикова (Диков, 1958), В.Е. Ларичева (Ларичев, 1969, 1972), Ю.С. Гришина (Гришин, 1975, 1981), И.И. Кириллова, М.И. Рижского (Кириллов, Рижского, 1973), Л.Г. Ивашиной (Ивашина, 1979), А.Д. Цыбиктирова (Цыбиктиров, 1998, 2006) и др. исследователей. Как правило, более полно освещаются ранние этапы историографии.

На наш взгляд, современный этап региональной историографии открывается монографией А.П. Окладникова и И.И. Кириллова «Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и бронзы» (Окладников, Кириллов, 1980), включающий в себя раздел «Палеолитические стоянки Хилок-Чикойского бассейна». В ней представлены характеристики поселений Амоголон на Ононе, Санный Мыс и Варварина Гора в бассейне р. Уды,

Толбага на р. Хилке и Сухотино-1, -2, -3, -4 на Ингоде. Они отнесены к забайкальской палеолитической культуре, являющейся локальным вариантом сибирского палеолита. В эволюции «единой культуры» (Окладников, Кириллов, 1980, с. 54) выделяются два этапа. Для раннего этапа допускается «определённая оседлость». В поздний период (сартанский) население «переходит к кочевому образу жизни» (Окладников, Кириллов, 1980, с. 57). Эпоха неолита разделяется на три этапа: чиндантский (по памятнику Чиндант), будуланский (Арын-Жалга), амоголонский (Амоголон, слой 2, Мангут, Малая Кулинда, а также «основной материал стоянки Будулан, раскопанной Ю.С. Гришиным» (Окладников, Кириллов, 1980, с.158). Первый этап – охотничий, на втором и третьем – с сохранением важности охоты отмечается зарождение и развитие земледелия и скотоводства. В позднем неолите «разрушаются узы первобытного равенства. Переход к патриархальным родовым отношениям сопровождался выделением родоплеменной знати, зарождением рабства...» (Окладников, Кириллов, 1980, с. 163).

В докторской диссертации И.И. Кириллова «Восточное Забайкалье в древности» (Кириллов, 1981) верхний палеолит разделён на толбагинскую и тангинскую культуры, при этом заключительный этап развития тангинской культуры представляют Ошурково и Нижний Нарым-1 (Студёное-1). (Кириллов, 1981).

По мнению Ю.С. Гришина, анализирующего материалы стоянок и погребений лесостепного Забайкалья, «нельзя уверенно судить об общественном строе обитателей Забайкалья в период неолита и ранней бронзы. Можно лишь допустить, что уже с эпохи бронзы для забайкальских племён становится характерным господство патриархально-родовых отношений» (Гришин, 1981, с.190-191). Ю.С. Гришин оперирует данными о стоянках, разведанных И.И. Кирилловым на Чикое, таких как Фомичёво, Маргинтуй, Нижний Нарым и Читкан (Гришин, 1981, с. 106).

Непосредственно древности чикойского региона анализируются в монографии «Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья», изданной к XI конгрессу INQUA, состоявшемуся в 1982 г. в Москве (Базаров, Константинов, Иметхенов, Базарова, Савинова, 1982). Авторский коллектив, включающий геолога, археолога, геоморфолога, географа и палинолога, представил результаты комплексных исследований чикойских памятников, таких как Студёное-1 и -2, Мельничное, Береговое, Фомичёво, Читкан, а также поселений Толбага, Куналей, Кандабаево и Черёмушки на Хилке, Ошурково на Селенге, Санный Мыс и Варварина Гора на Уде. Определён стратотип нижних террас и палеоклиматические характеристики позднего плейстоцена и ранних этапов голоцена, сформирована региональная археологическая периодизация с выделением позднего палеолита, мезолита, неолита и бронзы с подразделением каждого из периодов на этапы с привязкой каждого из них к конкретным геологическим слоям, эпохам и фазам. Опубликованы описания и чертежи жилищ с каменными обкладками и очагами из аллювиальных позднеплейстоценовых отложений, сведения о возникновении рыболовства, появлении керамики, следах использования металла, проявляющиеся в соответствующих слоях многослойных поселений. В монографию вошли материалы и выводы, изложенные в кандидатской диссертации М.В. Константинова «Палеолит Хилка и Чикоя (юго-западное Забайкалье)» (1979).

В 20-томной «Археологии СССР» изложены итоги исследований в Забайкалье.

В 1984 г. в томе «Палеолит СССР» З.А. Абрамовой представлена серия забайкальских поселений, таких как Санный Мыс, Толбага, Сухотино-4, Куналей, Ошурково, Студёное-1 с анализом каменной индустрии, жилищ и фауны (Абрамова, 1984, с. 317-324). В сибирском отделе книги «Палеолит Кавказа и Северной Азии» З.А. Абрамова более развёрнуто характеризовала забайкальский палеолит на примере тех же памятников (Абрамова, 1989, с. 210-223).

В 1989 г в томе «Мезолит СССР» Л.В. Кольцовым и Г.И. Медведевым изложены, со ссылкой на М.В. Константинова, результаты раскопок поселения Студёное-1, где были выделены мезолитические слои (10 - 13/2) с остатками жилищ, углистыми пятнами, стержнями от рыболовных крючков, костями рыб, а также костями косули, благородного оленя, лося, дзерена (Кольцов, Медведев, 1989, с.184-185).

В 1996 г. в томе «Неолит СССР» выделен раздел «Неолит Забайкалья» под авторством Л. П. Хлобыстина и М.В. Константинова. С учётом времени представления рукописей (1975 г.) в разделе отражены, в основном, результаты исследований 1960-х – первой половины 1970-х годов, построенных на материалах раскопок на реках Ингода, Онон, Селенга и Шилка. Из чикойских памятников упомянуто Студёное-1 (Хлобыстин, Константинов, 1996, с. 306-310).

В 1987 г в томе «Эпоха бронзы лесной полосы СССР» в разделе «Бронзовый век Восточной Сибири» под авторством Л.П. Хлобыстина и С.В. Студзицкой выделены два периода: ранняя и поздняя бронза, определяемые, соответственно, II и I тыс. до н.э. Характеристика ранней бронзы дана по глазковской культуре Прибайкалья, охватывающей также частично Забайкалье, в т.ч. р. Селенгу, р. Уду и Сосново-Еравненские озёра, а также ымяхтахской культуре Якутии, доронинской культуре Восточного Забайкалья. Поздняя бронза освещена как шиверский этап в Прибайкалье и как культура особой этнической группы в Забайкалье и на Верхней Лене, характеризующаяся погребениями в сидячем положении (Хлобыстин, Студзицкая, 1987, с. 327-350). Представлены ссылки на труды исследователей данных культур (Окладников, 1950, 1955, Ивашина, 1979, Кириллов, Рижский, 1973). К этому, наверное, следует добавить Усть-Мильскую культуру Якутии, датируемую XIV – II вв. до н.э. (Федосеева, 1974). Таёжная бронза юго-западного Забайкалья в книге не освещается.

В книге «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время» применительно к Забайкалью представлена характеристика культуры

плиточных могил, классической культуре развитой бронзы, относящейся обобщённо ко второй половине II и I тыс до н.э. (Степная полоса Азиатской части СССР..., 1992, с. 247-254). Она полноценно представлена в степных районах Забайкалья. Приведены ссылки на работы Н.Н. Дикова и других авторов (Диков, 1958). Погребения дворцового типа рассматриваются в этой книге как разновидность плиточных могил. От себя отметим, что плиточные погребения в единичном виде выявлены на пойменных уровнях долины р. Чикой. Массовому расселению их создателей по среднему и верхнему Чикой препятствовали снежные зимы, перекрывающие плотными сезонными осадками пойменные пастбища, что не позволяло осуществлять зимний выпас скота. Тем не менее устанавливаются контакты таёжников со степняками, что отражается в отдельных элементах материальной культуры. По нашим наблюдениям, дворцовая культура с её погребениями курганного типа, датируемыми XVI – III вв. до н.э., уверенно выделяемая в лесостепной зоне Ингоды и Шилки (Кириллов И., 1981, Кириллов О., 1994) в юго-западном Забайкалье себя не проявляет.

Археологические памятники юго-западного Забайкалья целенаправленно анализировались сотрудниками Чикойской археологической экспедиции, что нашло отражение в диссертациях и монографиях.

Естественно-научная тема получила развитие в кандидатской диссертации Л.Д. Базаровой «Палеогеографические реконструкции эпохи пребывания первобытного человека в юго-западном Забайкалье (по материалам исследования археологических памятников)». В числе опорных разрезов - поселения Студёное-1, Усть-Менза-1 и Усть-Менза-2. На последнем из указанных памятников на то время было известно 10 культурных слоёв (Базарова, 1985). В монографии Д.Б. Базарова «Кайнозой Прибайкалья и Западного Забайкалья нашли отражения результаты изучения разрезов археологических памятников рек Хилка и Чикоя (Базаров, 1986).

Л.В. Сёмина (Екимова) в 1986 г. в рамках диссертационного исследования «Эпоха неолита и палеометалла юго-западного Забайкалья»

анализировала памятники Усть-Менза-1, -3, Студёное-1, Алтан, Кристинкина и Егоркина пещеры. Л.В. Сёмина опиралась также на верхние слои Усть-Мензы-2 по результатам раскопок 1982-1985 гг. с площади 240 кв. м. В диссертации, а затем в монографии Л.В. Сёмина уделила значительное внимание классификации керамики, технологии формовки, характеру орнаментации и развитию керамики от раннего неолита к поздней бронзе. (Сёмина, 1986, Константинов, Екимова, Верещагин, 2016).

В 1992 и 2003 гг. А.В. Константинов, соответственно в кандидатской и докторской диссертациях, представил характеристику жилищ чикойских поселений Студёное-1, -2, Усть-Мензы-1, -2, -3, Косой Шиверы-1, -2, поселений других районов Забайкалья (Толбаги, Варвариной горы, Санного Мыса, Каменки и др.) (Константинов А., 1992, 2003). Им опубликована монография «Древние жилища Забайкалья (Палеолит, мезолит)» (Константинов А., 2001), где раскрыты принципы выделения и описания одно- и многоочажных жилищ, строительная техника и архитектурная форма, сохранность жилищ и их реконструкция на основе этнографических аналогий и экспериментальных работ. Одна из глав исследования посвящена древним жилищам Сибири в свете забайкальских исследований. В монографии анализируются планиграфические сюжеты из культурных слоёв 17, 20-22 поселения Усть-Менза-2.

В 1994 г. М.В. Константинов опубликовал монографию «Каменный век восточного региона Байкальской Азии», в которой оперировал материалами Усть-Мензы-2 в рамках палеолитических корреляций и создания обобщённой историко-природной хронологической схемы, построенной на соотношении геологической и археологической стратиграфии (Константинов М., 1994). В 1995 г. им защищена докторская диссертация по указанной теме (Константинов М., 1995). Исследователь выделил ранний, средний и поздний этапы в верхнем палеолите, мезолите и неолите.

В 1996 г. О.В. Кузнецов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья

(технологический, типологический и функциональный анализ)». В диссертации анализируется каменная индустрия палеолитических слоёв поселений Студёное-1, Усть-Менза-1, -2 -3, Косой Шиверы-1. Исследователь использовал методы экспериментального моделирования, функционального анализа, изучал системы организации культурного слоя и внутреннего пространства жилых комплексов. Он оперировал материалами начального раскопа Усть-Мензы-2. По приведённой исследователем статистики коллекция состояла из 3448 артефактов, из них 91,8% относились к ощепам и чешуйкам. Орудия труда оформлялись, в основном, из отщепов и микропластин, реже из галек и пластин. Согласно функциональным определениям, большинство орудий связано с обработкой продуктов охоты, кости, рога и дерева (Кузнецов, 1996). В дальнейшем О.В. Кузнецов изучал на забайкальском севере этнографические жилища эвенков и сравнивал их с палеолитическими жилищами, выявленными на памятниках Чикоя (Кузнецов, 2003, 2006).

П.В. Мороз защитил диссертацию, а затем опубликовал одноимённую монографию по теме «Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района)». В ней анализировались палеолитические каменные индустрии с опорой на трасологические и петрографические методы в соотношении с минерально-сырьевой базой района исследования. Из материалов поселения Усть-Менза-2 (раскоп 1-2, КС 7, 10, 12, 13, 17, 19-24) автор изучил 67 артефактов. Из них на 43 изделиях выявлены следы использования. Эти изделия имеют небольшие размеры и изготовлены преимущественно из празёма, халцедона, кремня и яшмы, принесённого издалека. Крупные орудия оформлялись из микросланца, микрокварцита и роговика, происходящего из местного галечника, почти не сохраняющего микроследов от работы (Мороз, 2008, 2014, Юргенсон, Мороз, 2007).

Планиграфические разработки по палеолитическим жилищам поселений Студёное-1 и -2 выполнены И.И. Разгильдеевой в диссертации

«Планиграфия палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса (Западное Забайкалье)» и монографии «Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья» (Разгильдеева, 2002, 2018).

Памятники археологии таёжного Чикоя нашли отражение в научно-справочном издании «Малая энциклопедия Забайкалья: Археология», опубликованном значительным тиражом издательством «Наука» (Новосибирск, 2011). Алфавитную часть с понятийными статьями, а также статьями, посвящёнными персоналиям, предваряет очерк «Историческое наследие в археологических открытиях и эпохах» (Константинов М., Константинов А., 2011). В энциклопедии представлена цветная карта-вклейка «Археологические памятники» Забайкальского края, в т.ч. на ней отмечено 42 объекта в бассейне реки Чикой.

К результатам исследований памятников соседних районов Забайкальского края заинтересовано относятся археологи Бурятии. В первом томе 3-томной «Истории Бурятии» (2011) в порядке корреляции анализируются поселения Толбага, Студёное-1 и -2, Усть-Менза-1, погребения Усть-Менза-5 и Мельничное. Авторы материалов соглашаются с правоммерностью выделения толбагинской и куналейской культур раннего этапа верхнего палеолита, основными характеристиками эпох мезолита, неолита и таёжной бронзы. Палеолитические материалы с Хилка и Чикоя фигурируют также в монографиях Л.В. Лбовой и В.И. Ташака, построенных на материалах памятников Бурятии (Лбова, 2000. Ташак, 2005, 2016). В монографии Л.В. Лбовой, Е.Д. Жамбалтаровой, В.П. Конева, посвящённой погребальным комплексам неолита-ранней бронзы Забайкалья, приводится характеристика погребений Усть-Мензы-2, -5, Жиндо, Токуй, Мельничное. В монографии А.Д. Цыбиктарова выделяется восточная лесная культурная область Центральной Азии, определяемая как хэнтэйская культура. Её основными памятниками являются Студёное-1, Нижняя Еловка, Усть-

Менза-1, -2, -3, Алтан, Кристинкина пещера, Шаман-гора (Цыбиктаров, 2006).

В новейшей «Истории Сибири» (2022), впервые в обобщающей литературе академического уровня, представлены объекты среднего палеолита Чикоя – Усть-Менза-5, Коврижка и Приисковое (Истории Сибири Т.1, 2022, с. 87-88). К наиболее ранней верхнепалеолитической стадии отнесены памятники р. Хилок - Толбага и, предположительно, Мастерова Гора (Истории Сибири Т.1, 2022, с. 122-123). Из памятников средней поры верхнего палеолита Чикоя отмечено Мельничное (Истории Сибири Т.1, 2022, с. 142), а также представлено в описании и фотографии жилище из культурного слоя 6 поселения Санний Мыс на Уде (Истории Сибири Т.1, 2022, с. 141, 144). Поздняя стадия верхнего палеолита освещена по многослойным поселениям Студёное -1, -2 и Усть-Менза -1, -2, в том числе приведены данные об одно- и многоочажных жилищах с каменными обкладками (Истории Сибири Т.1, 2022, с. 163-165) и орнаментированном жезле (Истории Сибири Т.1, 2022, с. 179-180). В разделе «Переходный период от палеолита к неолиту в Сибири» вновь приводятся сведения о Студёном-1 и Усть-Мензе-1 с характеристикой соответствующих культурных слоёв (Истории Сибири Т.1, 2022, с. 200-201). Непосредственный исследователь указанных памятников М.В. Константинов определяет данное время как мезолит (Константинов, 1994). Неолит юго-западного Забайкалья (Истории Сибири Т.1, 2022, с. 220-221, 288-290) с подразделением на три этапа характеризуется по тем же многослойным поселениям (согласно исследованиям Л.В. Сёминой, 1986). Определяется, что в неолите, также как в «переходный период», основными занятиями были охота и рыболовство (Истории Сибири Т.1, 2022, с. 349). В отношении юго-восточного Забайкалья подчёркивается, что изложенная А.П. Окладниковым и И.И. Кирилловым идея о зарождении производящей экономики в развитом неолите прямых свидетельств не имеет и может рассматриваться как гипотеза (Истории Сибири Т.1, 2022, с. 382). Таёжная

бронза юго-западного Забайкалья характеризуется как хэнтэйская культура, выделенная А.Д. Цыбиктаровым на материалах памятников, исследованных М.В. Константиновым и Л.В.Сёминой (Екимовой). К обозначенным выше памятникам, но уже к их верхним культурным слоям, дополняется Алтан и несколько погребений. Выделяются два этапа – ранний и поздний, позволяющие зафиксировать определённое развитие в материальной культуре и хозяйстве, но при сохранении традиционного уклада жизни, тогда как в степных районах происходят существенные изменения в рамках культуры плиточных могил с её кочевым скотоводством и развитым бронзолитейным производством (Истории Сибири Т.1, 2022, с. 501-503).

В целом, освещение древних этапов истории Забайкалья и его юго-западной части представлено авторами академических трудов с вниманием к выводам и системе доказательств непосредственных исследователей региональных территорий, получивших большую весомость в рамках общероссийской и общесибирской картины археологических достижений.

Отметим, что применительно к поселению Усть-Менза-2 все ранее выполненные исследования основаны на результатах действий, связанных с раскопом 1-2, при этом материалы этого раскопа использованы не в полном объёме, поскольку его постепенно расширяли и углубляли. Так, например, культурные слои эпохи бронзы представлены материалами с площади 240 кв.м., а культурные слои палеолита анализировались выборочно в соответствии с обозначенными темами. В обобщающих трудах, таких как «Археология СССР», «История Сибири», «История Бурятии», чаще всего, Усть-Менза-2 только упоминается. Результаты предшествующих исследований и теоретических оценок по всем направлениям в полной мере учитываются в представленной работе.

1.3. Стратегия исследований

Древнее поселение Усть-Менза-2 открыто в 1980 г в результате водной разведки по р. Менза, охватившей реку от государственной границы с

Монголией до её устья (220 км). В 1981 г. разведка была повторена по тому же маршруту, при этом на Усть-Мензе-2 поставлен пробный шурф глубиной 1,5 м, позволивший выявить серию культурных слоёв. С 1982 г. на поселении ведутся стационарные работы.

Как уже отмечалось, поселение Усть-Менза-2 связано со II надпойменной террасой. Места раскопок были определены по подъёмному материалу. Опыт раскопок, приобретённый на поселении Студёное-1 и -2 в 1970-х - начале 1980-х годов, ориентировал на то, что для полноты картины необходимо изучать аллювиальные отложения. В связи с этим был поставлен достаточно представительный раскоп 1 размерами 14×10 м, что позволило в 1985 г. довести число открытых культурных слоёв до 17, но при этом аллювиальные отложения ещё не были вскрыты полностью. Поскольку далее углублять раскоп, не имеющий прямого выхода к реке и представляющий собой замкнутое пространство с четырьмя высокими стенками, было небезопасно, он был существенно расширен. Сначала к нему со стороны р. Менза (с юго-запада) примкнул раскоп 2 размерами 14×6 м. В последующие годы к раскопам 1 и 2 выполнялись прирезки шириной по 5 м с остальных трёх сторон (северо-восточной, юго-восточной и северо-западной). Раскоп приобрёл размеры 24×21 м. Он стал объединённым и стал обозначаться как раскоп 1-2. Данный раскоп имеет наклонную в сторону Мензы дневную и (в меньшей степени) древние поверхности. Верхняя фронтальная (северо-восточная) бровка стыкуется с подошвой терраса-увала, представляющего систему террас высотой от 14 до 100 м. От горы Крестовой его отделяет лог. Противоположная сторона (северо-западная) терраса-увала обращена к Чикою и опираются на тыловую кромку II террасы.

Раскоп 1-2 размечен по квадратной сетке 1х1 м. Он приходится на квадраты 36-59, 3-Ю. Фронтальная цифровая линия длиной 24 м вытянута вдоль бровки II террасы по направлению юго-восток – северо-запад. Точный азимут – 345 градусов. Латеральная буквенная линия длиной 21 м имеет

ориентировку юго-запад – северо-восток. Площадь раскопа – 504 кв.м. Углы раскопа ориентированы по сторонам света.

При последовательном изучении культурных слоёв раскоп постепенно углублялся, при этом со всех сторон вдоль стенок оставались компрессионные ступени, позволяющие защищать стенки раскопа от обвалов. За счёт ступеней раскоп приобрёл форму перевернутой пирамиды (Рис. 18,20-21). Максимальная глубина раскопа от дневной поверхности до галечника составила 9,57 м. В раскопе 1-2 выявлено 27 культурных слоёв, а после дополнительных работ по углублению одной из внутренних площадок общий счёт культурных слоёв (КС) достиг 31. Поскольку некоторые КС были открыты после создания общей нумерации, то они получили дополнительные цифровые или буквенные обозначения.

Несмотря на весьма представительные размеры раскопа (504 кв.м.), нижние культурные слои удалось раскрыть только на небольшой площади (до 30 кв.м.). В связи с этим раскоп 1-2 был дополнен новыми раскопами по той же разметке и ориентировке, с направлением вниз по течению р. Менза.

Раскоп 2А примыкает к раскопу 1-2 с северо-запада (Рис.25). С этой стороны происходит расширение поверхности террасы. Площадь раскопа равна 200 кв.м. Обозначение по квадратам – 60-79 З-С. Глубина раскопа до 1,5 м. Изучены КС 1 – 5. Между КС 4 и 5 выделены новые слои – КС 4/2, 4/3, 4/4. Общее число культурных слоёв на поселении стало равняться 34.

Раскоп 2Б является дальнейшим развитием исследуемого поля в том же северо-западном направлении. Площадь раскопа 130 кв. м. Раскоп занял кв. 80-90, Е-Р. Глубина раскопа до 1,5 м. В раскопе изучено восемь культурных слоёв (1-4, 4/2, 4/3, 5, 6). Благодаря данному раскопу удалось соединить систему раскопов поселения Усть-Менза-2, связанных со II террасой, с системой раскопов многослойного поселения Усть-Менза-1, расположенных на I террасе, вскрытых до галечника, что позволило открыть 25 культурных слоёв. Соединение Усть-Мензы-1 и Усть-Мензы-2 в единую систему

раскопов создаёт надёжную основу для понимания характера соотношения террас и возраста отложений (Рис. 6, 8).

Для раскопа 3 выбран новый участок, расположенный в 25 м к северу от раскопа 2Б и в 32 м от бровки террасы. Этот участок II террасы по простиранию более широкий и практически горизонтальный в сравнении с первым участком, зауженным и наклонным в сторону реки Менза. Раскоп 3 приходится на кв. 116 – 146, И/ – Ф/. (Появление в обозначении букв с дополнительным штрихом связано с тем, что буквы используются повторно, так как начало буквенной линии изначально увязано с бровкой террасы.). Площадь раскопа 372 кв.м. В раскопе изучены КС 1-3. Вскрытие нижележащих отложений показало наличие только единичных находок.

Общая площадь раскопов на поселении Усть-Менза-2 составила 1206 кв.м. (Рис. 9-10). Верхние слои – КС 1-3 - изучены на всей площади. Площадь вскрытия нижележащих слоёв постепенно сокращалась, поскольку, как уже отмечалось, вдоль высоких стен по необходимости, вызванной заботой об участниках раскопок, а вместе с тем и о сохранности памятника, формировались компрессионные ступени, по характеру песчаные, шириной не менее 1,0 м. В итоге КС 4 – 27 изучены на следующих площадях: КС 4-5 – 834; КС 6- 624; КС 7, 8, 9А, 9Б, 9В, 9Г – 410; КС 10А, 10Б – 368; КС 11 – 224; КС 12,13 – 145; КС 14-20 – 113; КС 21-24 – 76; КС 25 – 47; КС 26- 24; КС 27 – 20 кв. м. (Таб. 1). Нижние 1,5 м отложений, опирающиеся на галечник, культурных проявлений не содержат.

Полевые результаты раскопок нашли изложены в Научных отчётах руководителей экспедиции М.В. Константинова и А.В. Константинова (Константинов А.В. Научные отчеты: 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1992, 1996, Константинов М.В. Научные отчеты: 1981, 2017, 2020, 2021, 2022, 2024, 2025).

Систематическое изучение Усть-Мензы-2 в 2010-х годах привело к открытию серии культурных слоёв (4/2, 4/3, 4/4, 9Б, 9В, 9Г, 10Б), новых хозяйственных структур в культурных слоях 1-6 (жилища, очаги и т.д.) и

погребений в слоях бронзы, а также к многократному увеличению состава и разнообразия артефактов, выявлению ярких свидетельств использования металла.

Первый этап исследований Усть-Мензы-2 (1980-1994 гг., раскоп 1-2) отчасти отражён в ряде публикаций и диссертаций (Сёмина, 1986, Константинов М.В., 1996, Кузнецов О.В., 1996, Константинов А.В., 2001, Мороз, 2014а). В настоящем исследовании представляется полное обобщение результатов раскопок Усть-Мензы-2 с 1980 по 2021 гг. с характеристикой общей структуры памятника и каждого из 34 культурных слоёв.

1.4. Геоморфология, геоархеология, геохронология

Усть-Мензинское урочище представляет собой локальный участок горно-таёжной местности, расположенной у северных пределов Зачикойской горной страны или Хэнтэй-Даурского нагорья (Юргенсон, Константинов М., 2009, Константинов А.М., 2009, Полинтова, 2009. Кулаков, 2009). Границы урочища определены левым берегом реки Чикой в его среднем течении и правым берегом реки Менза, образующей в устье дельту с несколькими речными рукавами и с островами между ними. Вдоль левого берега Чикоя представлен пойменный уровень высотой 2-3 м. Вдоль правого берега Мензы тянется узкая полоска берегового галечного пляжа и пойменных уровней высотой 3-5 м. Над поймой поднимаются террасовые поверхности. I терраса имеет высоту 5-6 м. Наиболее полно представлена II терраса высотой 8-10 м. В юго-восточной части урочища тыловая часть II террасы упирается в уступ терраса-увала, представляющего собой гряду с поверхностью высотой от 14 до 100 метров. Терраса-увал сформирован под воздействием Чикоя, перемещающегося в пределах долины. Специальными работами установлено, что терраса-увал составлен последовательным сочетанием III (14 м), IV (20-34 м), V? (40 м) террас, а также более высоких уровней (60, 80 и 100 м). Терраса-увал отделён логом от крутого склона

Крестовой горы, входящей в Асинский хребет (Рис. 6) (Рыжов, Кобылкин, Голубцов, Константинов М., Викулова, 2014; Рыжов, Константинов М., 2017, Рыжов, Константинов М., Голубцов, 2018, Константинов М., 2020).

С отложениями древних террас связаны археологические объекты (Рис. 3-6) (Константинов М., Константинова А., Васильев, Екимова, Разгильдеева, 2003, Константинов М., Рыжов, Верещагин, Викулова, Филатов, 2014).

Высокая пойма - Усть-Менза-1 (прибрежная часть поселения);

I терраса – Усть-Менза-1, -8, -9;

II терраса – Усть-Менза-2, -3, -4, -7, -11, -14;

III терраса – Усть-Менза-10, -13, -16;

IV терраса – Усть-Менза-5, -6;

V терраса – Усть-Менза-12, -15.

Высота уровней, заселяемых человеком, от высокой поймы по V террасу (включительно), находится в пределах от 5 до 40 м над уровнем реки Менза. Абсолютные отметки (над уровнем моря) позиции памятников находятся в пределах 730-770 м. Древесная растительность Усть-Мензинского урочища характеризуется смешанным лесом с сосной, березой, осиной и густым подлеском (Рис. 4-6).

На левом берегу Мензы находится Мензинский бор. По рассказам местных жителей в 1930-50-х гг. здесь размещался филиал Гутайского гугаговского лагеря, заключенные которого вели заготовку леса для молибденового рудника, расположенного ниже по Чикюю на 60 км. Этот лагерь использовал для хозяйственных нужд и правый берег Мензы.

На правом берегу Чикоя, напротив Усть-Мензинского урочища, находилось (ныне отсутствует) с. Волково. Его жители, начиная со второй половины XVII в., раскорчёвывали лес по обоим берегам Чикоя и распахивали освобождённые от леса площади. Разработка пахотных угодий в пределах Усть-Мензы на отметках выше 13 м. над уровнем реки прекращена в 1930-х г., на нижележащих отметках - в 1984 г. Происходит

активное восстановление таёжной растительности по обоим берегам Мензы и Чикоя.

Из Усть-Мензинского урочища единственная полевая дорога в северо-восточном направлении, по правобережью Чикоя выводит к ручью Воровскому, а затем к местности с ручьём Станки (5 км). Отсюда грунтовая дорога следует к с. Архангельское (12 км). Напротив его, на правом берегу Чикоя, через обширную пойму, расположен районный центр Красночикойского района – с. Красный Чикой (Соловова, 2009, Гурова, 2009, Хроника..., 2013). От него до краевого центра г. Чита по дорогам регионального и федерального значения расстояние 600 км.

В географическом отношении Красночикойский район определяется как таёжный Чикой (Малых, 2009). Этот район имеет весьма значительную территорию. Так, его можно сопоставить с Бельгией. Усть-Мензинское урочище находится в центре Чикойской горной таёжной территории. Современный культурный ландшафт в окрестностях урочища фактически отсутствует. До ближайших сёл по долине Чикоя не менее 20 км и они скрыты горным рельефом. По реке Менза до ближайшего села - около 170 км.

Геоархеологический метод является одним из важнейших при изучении многослойных памятников с культурными слоями эпохи камня и раннего металла. Представление о стратиграфии поселения формировались с учётом научных разработок и полевых консультаций геологов Д.Б. Базарова (1968, 1976, 1982, 1986), Л.Д. Базаровой (1985), И.Н. Резанова (1986), А.Б. Иметхенова (1986), С.М. Цейтлина (1979), А.Ф. Ямских (1992, 1993а, 1993б), Ю.В. Рыжова (2014). Указанные геологи сотрудничали с археологической экспедицией, неоднократно работали на Усть-Мензе, изучая геоморфологию местности и разрезы отложений древних поселений. Кроме того, во время полевых экскурсий научных конференций и по самостоятельным программам на Усть-Мензе побывали, приняли участие в обсуждениях и представили свои соображения геологи И.А. Волков, В.В.

Колпаков, Л.Д. Сулержицкий, А.Н. Рудой, А.С. Едрихинский, Ю.В. Кобылкин, палеопочвоведы и палинологи Г.А. Воробьёва, А.И. Томская, В.С. Зыкина, В.М. Остроумов, М.И.Дергачёва, В.А. Голубцов, С.А. Решетова, палеонтологи Н.Д. Оводов, А.А. Хамзина, Н.П. Калмыков, А.М. Клементьев, археологи А.Д. Столяр, С.Н. Астахов, М.П. Аксёнов, Ю.А. Мочанов, А.Г. Мацкевой, В.И. Дьяков, О.В. Дьякова, А.А. Орехов, А.М. Кузнецов, С.В. Алкин, Н.И. Дроздов, Н.Ф. Лисицын, С.А. Васильев, С.Н. Пержаков. О.И. Горюнова, М.Н. Мещерин, П.Б. Коновалов, Л.Г. Ивашина, Л.В. Лбова, В.И. Ташак и др.; зарубежные учёные – Р. Аккерман, Й. Бувит, К.Терри (США), М. Изухо (Япония), У. Грюн (Дания) и др.

Первым представил геоморфологическую и геологическую оценку Усть-Мензы Д.Б. Базаров (1982 г.), в том числе он выделил серию разновозрастных аллювиальных террас и обосновал перспективность геоархеологических исследований урочища у впадения Мензы в Чикой. В 1982-1986 гг. Л.Д. Базарова по результатам раскопок Усть-Мензы-1, -2, -3 выполнила анализ покровных и аллювиальных отложений. В 1985-86 гг. С.М. Цейтлин составил описание полного разреза Усть-Мензы-2, от современной почвы до галечника, выделил серию литологических слоёв, установил наличие криогенных нарушений в виде мерзлотных клиньев, определил позиции культурных слоёв в литологических слоях. В 1989 г. А.Ф. Ямских установил наличие зоны с палеопочвами позднесартанских потеплений, расположенной в основании покровных отложений. Такие же отложения в тот же год были выделены на поселении Приисковое - С.М. Цейтлиным, И.Н. Резановым – на Студёном-2, М.В. Константиновым, с подтверждением от С.М. Цейтина в 1990 г. – на Куналее.

В результате многолетних исследований было составлено полное представление о характере разреза отложений поселения Усть-Мензы-2. Ниже приводится его описание (рис. 11-21, 34).

<i>Литологические слои / культурные слои</i>	<i>мощн.в м.</i>
1. Дерново-почвенный слой, тёмно-серый гумусированный песок, пронизанный древесными и травянистыми корнями; нижняя граница чёткая, волнистая. На большей части поселения являлся пахотным. Культурный слой 1.	0,2
2. Супесь песчанистая, каштановая (красно-коричневая); нижняя часть с угасающей цветностью, граница постепенная. Культурный слой 2.	0,2-0,25
3. Супесь палево-серая, однородная, вертикально-трещиноватая, нижняя граница едва уловимая. На отдельных участках профилей в нижней половине слоя замечено затемнение основного цвета до тёмно-серого цвета с включением отдельных чёрных полосок и размытых пятен, связанное с гумусированием. Данный слой является стерильным.	0,2
4. Супесь серая карбонатизированная; границы слоя чётко определяются по мере его высыхания. С подошвы слоя уходят вниз узкие пседоморфозы по ледяной жиле. Они рассекают нижележащие слои вплоть до лит. слоя 11. Культурный слой 3.	0,2
5. Педокомплекс, представленный двумя палеопочвенными супесчаными, слегка затемнёнными и более плотными прослойками (5А и 5В) и разделяющей их осветлённой песчаной прослойкой (5Б); все прослойки имеют мощность по 6-8 см. Со средней прослойкой (5Б) связан культурный слой 4. С нижней прослойкой связан культурный слой 4/2.	0,25
6. Пески слоистые в виде волнистых лент, серые и белесые, с включением тонких илистых прослоек мощн. 2-3 см. С илистыми прослойками связаны культурные слои 4/3, 4/4, 5, 6, 7, 8, 9А, 9Б, 9В, 9Г, 10А, 10Б. Они располагаются ниже кровли слоя на глубинах, соответственно, 0,1; 0,15; 0,2; 0,25, 0,3; 0,5; 0,7; 0,8;	1,67

1,0; 1,35; 1,5; 1,6; 1,67 м	
<p>7. Переслаивание горизонтальных лент песков различного оттенка с тонкими прослойками светлых слабоволнистых песков. В нижней половине слоя заглиненные пески редки, основная масса – светлые пески. Мощн. слоёв песков от 3 до 70 см, а заглиненных слоёв, в основном, 2-5 см. С последними связаны культурные слои 11-13; они располагаются ниже кровли слоя, соответственно, на 0,5; 0,6; 0,71 м.</p>	1,3
<p>8. Переслаивание пачек волнисто-слоистых песков общего светло-коричневого и светло-серого тонов. Они включают в себя тонкие илистые прослойки. С ними связаны культурные слои 14-16. Они располагаются ниже кровли слоя соответственно на 0,12; 0,37; 0,5 м.</p>	1,3
<p>9. Переслаивание прослоев серых заглиненных песков и песков более светлых. В нижней трети слоя заглиненных прослоев меньше, песчанистость усиливается. В подошве слоя тонкие линзы песка мощн. до 2 см и длиной до 2 м. С глинистыми прослоями связаны культурные слои 17-24. Они располагаются ниже кровли слоя на 0,19; 0,29; 0,48; 0,55; 0,62; 0,79; 0,91, 1,0 м</p>	1,16
<p>10. Пески серые хорошо промытые, слоистые, частью обохренные, с включением тонких илистых прослоев. С последними связаны культурные слои 25-27. Они располагаются ниже кровли слоя на 0,1; 0,17; 0,3м</p>	0,35
<p>11. Скрытая смятая слоистость из плотных заглиненных песков коричневых и светло-коричневых цветов</p>	1,16
<p>12. Галечник с заполнителем в виде гравия и песка</p>	0,2 видимая

Разрез обладает высокой информативностью. Верхние слои (ЛС 1-5) относятся к покровным террасовым отложениям, по генезису они делювиальные с частичной эоловой переработкой, обогащённые педологическими (почвогенными) процессами (ЛС 1 и ЛС 5). Нижележащие ЛС 6-10 – аллювиальные супеси, сформировавшиеся в условиях пойменного режима, т.е. чередующихся затоплений во время паводков (аквальная стадия) и весьма продолжительных ситуаций, связанных с осушением поверхностей (аэральная стадия), позволяющих осваивать их для организации поселений; формировались в перегляциальных условиях. ЛС 11 - старичный аллювий. ЛС 12 - галечный аллювий.

Одним из определяющих моментов является заключение о том, что поселение Усть-Менза-2 связано со II надпойменной террасой. Террасовая позиция установлена по стратотипу террасы с учётом положения её в террасовом ряду. Террасовый ряд, начиная от пойменных уровней, включая изученные террасы с I по V, и далее до террасового уровня высотой 100 м., устанавливается непосредственно в Усть-Мензинском урочище. Сохранность террас в немалой степени обеспечена горой Крестовой со скалистыми бортом, оформляющим правый берег реки Менза на подступах к урочищу. Согласно сибирской геоархеологической схеме (Цейтлин, 1979, Кинд, 1974), подтверждённой забайкальскими исследованиями (Базаров, 1976, Базаров и др., 1982, Карасёв, 2002), основание II террасы представляет мощный плотный галечник, который формировался в поздний период каргинской межледниковой эпохи; её хронологические рамки приходятся на период от 30 до 25 тыс. л.н. Перекрывающие его заглиненные пески (ЛС 11), отражают строение притыловой террасовой западины, нередко заполняемой старичной водой и соответствующими отложениями. Археологический материал в нём не представлен, поскольку отсутствуют условия для организации поселения. Этот слой приходится на начальный период сартанского оледенения - 25,0 – 20,0 тыс. л.н.

Выше по разрезу – аллювий, аккумулярованный рекой Мензой во время подъёма воды в латеральной зоне, т.е. вне струевого потока. Аллювиальные отложения формировались ритмично, без размывов. Так по подсчетам М.В. Константинова скорость накопления определяется следующими параметрами (с округлением для наглядности и простоты подсчёта): 580 см аллювия за 7,2 тыс. лет, т.е. 8 мм в год. Периодически аллювиальные поверхности обсыхали и становились пригодными для обитания людей. Это происходило 29 раз (по числу КС в аллювии) за 7200 лет (в период от 20 тыс. л.н. до 12,8 тыс. л.н.), т.е., примерно, через 250 лет. Разумеется, эти цифры ориентировочные, но в любом случае они свидетельствуют о дискретном по времени, но ритмичном и систематическом заселении формирующейся усть-мензинской террасы (с медленно приподнимающимися поверхностями) в период сартанской эпохи. Количество и частотность культурных слоёв, заключённых в системе отложений сартанской эпохи, не имеет повторений на палеолитических памятниках Сибири.

Аллювиальные отложения сохраняют следы длительного большого холода и насыщенности водного потока песчаной массой (смятость, обрывистость, нерасчленённость, «мутность» прослоек), образовавшийся в период от 20 до 12,8 тыс. л.н. (ЛС 6 – 10). В них включены культурные слои 4/3 – 27, связанные с тонкими илистыми или глинистыми прослойками, сформировавшимися в финальной аквальной стадии и, после осушения и уплотнения, ставшие пригодными для обитания. В геологическом плане это эпоха наиболее холодных стадий перегляциальной зоны сартанского оледенения с безлесыми горными склонами, мёрзлыми грунтами, поставляющими в реки при летнем оттаивании массу песчано-глинистого материала.

Кровлей аллювия является отчётливый (с учётом приобретённого опыта работы на забайкальских объектах, и в том числе на Усть-Мензе-2) слой делювиального характера (ЛС 5), демонстрирующий ритмику

позднесартанских потеплений и похолоданий: кокоревский тёплый, 12,8 – 12,0 тыс. л.н. (КС 4/2); безымянный холодный, 12,0 – 11,8 тыс. л.н. (КС 4); таймырский, тёплый, 11,8 – 10,8 тыс. л.н. Мощность слоя не более 25 см, при этом составляющие его прослойки имеют мощность 6-10 см. Сами по себе прослойки устойчивые, ленточные, по мехсоставу супесчаные (верхняя и нижняя) и песчаная (средняя). В верхней и нижней прослойках наблюдаются мелкие пятна и линзы более тёмного цвета, отражающие педоседименты. Вероятно, обесцвечивание «тёплых» прослоек с потерей гумусодержащего вещества связано с влиянием сильного холода, отражённого в вышележащем слое (ЛС 4), который сформировался в норильский период, обозначенный в подошве устьями мерзлотных клиньев, увязанных между собой в полигональную сеть - 10,8- 10,3 тыс. л.н. (КС 3).

Голоценовый разрез отложений Усть-Мензы-2 менее представительный, чем плейстоценовый, тем не менее содержащий основные стратиграфические подразделения, раскрывающие изменения климата и ландшафта. Норильский слой перекрывается слоем песка бореального времени уже не несущего следы большого холода в виде карбонатизации и клиньев. На отдельных участках в верхней части этого слоя сохранились линзы и прослой чёрной почвы; по характеру и позиции они могут быть определены как седименты атлантической почвы (ЛС 3). В этом слое находок не обнаружено. Выше по разрезу располагается слой супеси без следов прямого почвообразования, но испытывающий геохимическое влияние чёрной почвенной кровли, за счёт чего он приобретает яркий каштановый цвет. Почвоведы определяют его как слой В. Этот слой соответствует суббореальному времени, а слой почвы – субатлантическому времени. Применительно к Северной Азии хронология голоценовых периодов следующая: бореал – 10,3-8,0 тыс. л.н., атлантика – 8,0-4,0 тыс. л.н., суббореал – 4,0- 2,8 тыс. л.н., субатлантика – 2,8- 2,0 тыс. л.н. (Хотинский, 1977).

Пробы на палинологию и фитологию неоднократно отбирались из разреза отложений Усть-Мензы-2, но их информативность оказалась незначительной. По заключению Гольевой А.А. (Институт Географии РАН) в пробах из «культурной» части разреза (КС 1-27) единично встречаются кутикулярные слепки трав и деформированные пыльцевые зёрна; нет морфологически чётких и диагностируемых фитоцитов, присутствуют крупные неправильные пластинчатые формы разного размера. Напротив, в ЛС 11 (нижний «стерильный» слой, перекрывающий галечник) выявлено огромное количество панцирей диамитовых водорослей и немного спикул губок; они идеальной сохранности, т.е. не переотложены. Это подтверждает, что ЛС 11 возможно определить, как озёрно-старичный сапропель или аллювий с небольшим течением. В этом же слое выявлены единичные фитоциты, такие как мох, хвойные, луговые травы, то, что росло по берегам реки и было принесено сточными водами.

По результатам палинологических анализов сартанских аллювиальных отложений поселения Студёное-2 (также связанного со II террасой), выполненных В.В. Савиновой, «получен споро-пыльцевой спектр, указывающий на распространение лесостепных группировок с берёзовыми колками, ольховником и ивой в понижениях» (Базаров и др., 1882, с. 68).

В культурных слоях поселения Усть-Менза-2 выявлены палеонтологические материалы, изученные Н.Д. Оводовым и А.М. Клементьевым. В палеолитических слоях определены останки бизона (*Bisonpriscus*), быка (*Bovinaegen*), сибирского горного козла (*Caprasibirika*), горного барана (*Ovisammon*), лошади (*Equussp.*), благородного оленя (*Cervuselaphus*), лося (*Alcesalces*) косули (*Capreoluscapreolus*). По предварительному определению А.М. Клементьева в КС 20 найден обломок верхней части плюсневой кости редкой формы антилопы – оронго (*Pantholopshodsoni*), близкой к сайгаку. По составу фауна устойчива на протяжении всего сартана, что для всего Забайкалья неоднократно отмечалось ведущими исследователями (Вангенгейм, 1977, Ермолова, 1977,

1978, Константинов М., Оводов, Карасёв, 1985). Фаунистический список явно не является полным, что объясняется плохой сохранностью костей, а также тем, что основная масса костей использовалась в качестве топлива. Так, на соседних с Усть-Мензой памятниках, таких как Студёное-1 и -2, в слоях сартана найдены кости носорога (*Coelodonta*), байкальского яка (*Procapra scabra baicalensis*), винторогой антилопы (*Spirocerus*), дзерена (*Procapra gutturosa*) (Константинов М., 1994). В целом состав фауны позднеплейстоценовый с включением североазиатских и центральноазиатских видов. Отсутствие костей мамонта не удивляет, поскольку этот вид занимает в позднеплейстоценовой фауне Забайкалья одно из последних мест, что связано с сугубо аридным климатом, бесснежьем и неразвитым травяным покровом. Оскудение и изменение фауны происходит только в финальной фазе плейстоцена. Так, в КС 3 на Усть-Мензе-2 (норильское время) найдены только кости косули (*Capreolus capreolus*), хотя, вполне понятно, что и здесь представительство фауны в то время было более полное. В КС 1 и 2 (поздний голоцен) найдены кости косули (*Capreolus capreolus*), благородного оленя (*Cervus elaphus*), что также не соответствует, судя по современной ситуации, разнообразию голоценовой фауны.

По данным Д.Б. Базарова, в сартанскую эпоху в Забайкалье преобладали перегляциальные ландшафты типа холодной степи; склоны хребтов южной экспозиции были остепнены, а для северных склонов характерна лесостепь; происходило развитие многолетней мерзлоты, преобладал сухой холодный климат с незначительным потеплением в период поздних интерстадиалов; в целом, климат был аридным и резко континентальным (Базаров и др., 1982, с. 124-125, Базаров, 1986, с. 119-120).

В голоцене, судя по совокупности геологических, палинологических и палеонтологических данных, полученных при изучении чикойских памятников, происходят существенные изменения природных условий. Первая волна потепления приходится на бореальное время. Существенное

потепление с увеличением водности рек и массовым распространением лесных древесных форм (прежде всего сосны, лиственницы и березы) в сочетании со степными участками наступает в атлантическое время, обозначенное формированием чёрных почв. Верхние два литологических слоя, относящихся к суббореальному и субатлантическому времени (ЛС 1 и 2; соответственно КС1 и 2), характеризуются дальнейшим распространением лесов, усилением аридности и некоторым снижением плюсовых температур в сравнении с атлантическим временем (Базаров и др., 1982, Базарова, 1985, Решетова, 2017). Такая оценка природных условий голоцена на Чикое вполне соответствует голоцену Северной Евразии (Хотинский, 1977).

Для некоторых плейстоценовых литологических слоёв (пробы взяты из палеолитических культурных слоёв) получены радиоуглеродные даты, адекватные геологической позиции и археологическому наполнению, соотносимые друг с другом в вертикальной хронологической колонке и, значит, взаимопроверяющие:

КС 11 – 14830 ± 390 (ГИН – 6116);

КС 17 – 15400 ± 400 (ГИН – 5478); 16900 ± 500 (ГИН – 6117);

КС 20 – 16980 ± 150 (ГИН – 5465);

КС 21 – 17190 ± 120 (ГИН – 5464); 17600 ± 250 (ГИН – 6119).

Для КС не обеспеченных датами по C^{14} возможно применить ориентировочные (расчётные) даты с ритмикой в 50 – 500 лет в зависимости от позиции в разрезе отложений и в конкретных литологических слоях.

Существенное значение имеет корреляция с забайкальскими памятниками археологии с культурными слоями, связанными с отложениями речных террас, прежде всего II надпойменной террасы, например:

Ошурково (р. Селенга). КС 3, расположенный в основании делювиальных отложений, на границе грубых песков холодного (норильского) времени и зоны со следами гумусации позднесартанских

интерстадиалов: 9700±700 (ГИН-5788), 11230±80 (ГИН-5787), 11630±140 (ГИН-6121) (Цейтлин. 1979; Константинов М, 1994);

Сухотино-4 (р. Ингода). КС, связанный со слоем, характеризующим позднесартанские потепления – 11900±130 (СОАН-841). Средняя часть пойменных аллювиальных отложений: КС 6 - 15820±300 (ЛЕ-3652), КС 7 - 16810±390 (ЛЕ-3647), КС 8 – 16870±700 (ЛЕ-3653) (Окладников, Кириллов, 1980, с. 51; Черенщиков О.Ю., 1998, с. 13-14; Филатов, 2016, с. 14);

Студёное-2 (р. Чикой). Средняя часть пойменных аллювиальных отложений: КС 4/5 – 17885-В1120 (АА-23653), 17225- В1115 (АА-23655), 17165-В23657 (АА23657), 18700±80 (Beta-241403); 16880±80 (Beta-241404); 18830±300 (АА-26739); КС 5 - 17165±115 (АА-23657). Основание пойменных аллювиальных отложений: КС 8 - 20600±90 (СAMS-90971) (Константинов А., 2001, Разгильдеева, 2018).

Приведённые данные подтверждают определение возраста позднеплейстоценовых отложений и конкретизируют возраст палеолитических культурных слоёв поселения Усть-Менза-2.

Для голоценовых слоёв древних поселений Чикоя получены следующие даты по C^{14} :

Усть-Менза-1, КС 1, субатлантика, поздняя бронза, 2080±140 (ГИН-4578);

Усть-Менза-1, КС 2, суббореал, ранняя бронза, 4065±30 (ГИН-5505);

Студёное-1, КС 1а, субатлантика, поздняя бронза, 2240±40 (ЛЕ-1845); 2635 ±75 (СОАН-1646).

Алтан, КС 2, субатлантика, поздняя бронза, 2360±40 (ЛЕ-2400);

Алтан, КС 4, суббореал, ранняя бронза, 2770±40 (ЛЕ-2401).

С некоторыми допусками они подтверждают принадлежность указанных слоёв к суббореалу и субатлантике, позволяя соотнести их возраст с литологическими и культурными слоями Усть-Мензы-2.

С учётом геологической позиции, характера археологического материала (см. следующие разделы) и радиоуглеродных датировок установлена периодизация культурных отложений (сверху вниз):

КС 1 – поздняя бронза (2,8-2,0 тыс. л.н.);

КС 2 – ранняя бронза (3,8-2,8 тыс. л.н.);

КС 3 – финальный палеолит (10,8-10,3 тыс. л.н.);

КС 4 - 24 – поздняя пора верхнего палеолита (18,0-10,8 тыс. л.н.);

КС 25-27 – поздняя стадия средней поры верхнего палеолита (20,0-18,0 тыс. л.н.) (Маслодудо, 2024б).

В целом, археологический объект Усть-Менза-2 с его 34 культурными слоями относится к категории поселений с высокой степенью культурной многослойности и достаточно высокой точностью определения возраста культурных слоёв. В Сибири есть только два памятника с превышающим числом культурных слоёв. Это поселение Студёное-1 с 38 культурными слоями, расположенное на Чикое (Константинов М., Константинов А., Екимова, Разгильдеева, 2011) и поселение Белькачи в Якутии с таким же числом слоёв (Мочанов, 1969).

В сравнении с этими уникальными памятниками Усть-Менза-2 имеет существенную позитивную особенность, поскольку охватывает более продолжительный промежуток времени – с превышением на 8-12 тысяч лет. Показательное отличие Усть-Мензы-2 от указанных «многослоек» состоит в том, что она связана со II террасой, тогда как Усть-Менза-1 - с I террасой, а Белькачи – с высокой поймой.

Достойной чертой Усть-Мензы-2 является строгая расчленённость культурных слоёв между собой, обеспеченная стерильными слоями, что характерно для всего разреза отложений. Исключение составляют два верхних культурных слоя (КС 1 и 2), непосредственно соприкасающихся подошвой верхнего и кровлей нижнего слоёв, но в данном случае имеется резкая граница по цветовой гамме отложений, позволяющая уверенно разделить эти культурные слои. Непосредственное соприкосновение имеют

также прослойки 5Б и 5В из ЛС 5 с культурными слоями, соответственно, 4 и 4/2, но их поверхности обитания, обозначенные основаниями жилищных камней, располагаются с разрывом, примерно, в 6-8 см.; к тому же цветность и плотность включающих литологических прослоек (5Б и 5В) вполне различима (Маслодудо, 2024б).

Особенностью памятника является наличие значительного хронологического разрыва между двумя периодами освоения человеком террасовой поверхности. Ранний период относится к сартанской эпохе позднего плейстоцена, от 20,0 до 10,3 тыс. л.н. Он представлен культурными слоями от 3 до 27. Поздний период относится к суббореальному и субатлантическому периодам голоцена с общим началом не ранее 4 тыс. л.н. и включающий в себя КС 1 и 2, отсюда становится понятно, что более 6 тысяч лет – между 10,3 - 4,0 тыс. л.н. – террасовые поверхности не заселялись: они были необитаемы в мезолите и на всём протяжении неолита.

Возникает вопрос: почему удобная для палеолитических людей террасовая поверхность перестала устраивать их в ранние периоды голоцена? Причины определяются природными процессами. Так, в конце плейстоцена, с началом поздне-сартанских потеплений, т.е. 12,8 тыс. л.н., в связи с климатическими изменениями, произошёл врез, сопровождаемый углублением дна реки и началом формирования отложений I террасы. Эта терраса находилась совсем рядом, под уступом II террасы, ниже по гипсометрической позиции на несколько метров. Новая терраса была удобнее тем, что была ближе к берегу реки. К тому же отложения II террасы были насквозь промерзшими в плейстоценовое время с устойчивой температурой грунта равной -5, -6 градусов, при этом вечная мерзлота в аллювиальных слоях сохранялась и в раннем - среднем голоцене (и до сих пор ещё существует в остаточном варианте на глубине 4-5 м.) Холод от грунтовых поверхностей ощущался (и сохраняется ныне) даже в летнее время. Освоение древними людьми мезолита и неолита древних поверхностей I террасы – реальный факт, поскольку выявлены культурные

слои, входящие в структуру многослойного поселения Усть-Менза-1. Только спустя 6 тысяч лет, за которые в зоне II террасы произошло перекрытие плейстоценовых отложений супесчаными отложениями мощн. 1,0-1,5 м, уже в эпоху ранней бронзы (палеометалла) терраса вновь стала привлекательна для обитания людей.

В итоге следует отметить, что естественное геологическое тело, сохранившее индикаторы тепла и холода, аридности и гумидности, даёт возможность определить стратотип данной террасы и природно-климатические условия её формирования, установить высокую сохранность большинства культурных слоёв, выявить важнейшие черты хозяйственной и поселенческой деятельности в их историческом развитии. Соотношение с другими террасами, а в равной степени и с памятниками Мензы и Чикоя, раскрывает причины возникновения хронологических лакун в освоении террас, предпочтительный выбор пространственных локаций и установить примерную длительность обитания на аллювиальных и покровных поверхностях.

Глава 2. Усть-Менза-2: эпоха верхнего палеолита

2.1. Принципы и система описания

На поселении Усть-Менза-2 выявлено 32 палеолитических слоя. Они обозначены следующим образом: 3, 4, 4/2, 4/3, 4/4, 5, 6, 7, 8, 9А, 9Б, 9В, 9Г, 10А, 10Б, 11-27. Данные культурные слои приходятся на хронологический период от 20 до 10,3 тыс. л.н. КС 3, 4, 4/2 связаны с делювиальными отложениями. КС 4/3-27 – с аллювиальными отложениями. В геологическом отношении все КС относятся к эпохе сартанского оледенения. Существенной чертой в характере культурных слоёв является безусловно точное определение в каждом из них позиции поверхности обитания. Она устанавливается по уровню основания искусственных сооружений из многочисленных речных камней. Они выявлены во многих палеолитических слоях (3, 4, 4/2, 5, 6, 17, 20, 21, 22). Камни использовались как строительный материал. Они приносились с берега реки Мензы. Берег был рядом, под уступом террасы. Он был галечно-валунный с заполнителем из гравия и разнозернистого песка. Это известно по реальному древнему галечному слою, вскрытом в основании II террасы и на соседней I террасе. Такой же характер имеет современный галечник по левому берегу Мензы в районе расположения древнего поселения. С берегового пляжа приносились на поселение хорошо окатанные валуны, при этом подбирались валуны определённых размеров и пропорций. Класс окатанности валунов (по Хабакову) можно определить как 4 или 5. Длина валунов - от 20 до 65 см. Предпочтение отдавалось валунам размерами 30-45 см. Ширина валуна была в 1,5-2 раза меньше длины, так что валуны по пропорциям были удлинённые и, как правило, с ровными, оглаженными водой поверхностями. Высота валунов была не более их ширины, поэтому валуны были приземистые и устойчивые. Небольшая часть принесённых с реки камней была угловатой, со следами слабой окатанности. Они происходили из нетранзитных, т.е. местных горных пород, подхваченных речным

водным потоком или льдом у ближайшей скалы и её курумного свала, т.е. в 100-200 м. от древнего поселения. Преимущественный отбор валунов в сравнении с глыбами связан не только с удобством их перемещения, но и с большей прочностью и с характером назначения в качестве особого строительного элемента. Валун, или речной камень, является первичным строительным элементом. Из них создаются все строительные связки, которые образуют необходимые комбинации без каких-либо связующих звеньев (креплений или раствора).

В культурных слоях валуны располагаются в один ярус и не перекрывают друг друга (за исключением редких особых случаев). В каждом культурном слое они связаны с одной и той же поверхностью и обозначают её как поверхность обитания. Эта поверхность может быть илистая, глинистая или супесчаная. Предметный материал (артефакты и кости животных) также связан с этой поверхностью или поднимается выше или же опускается ниже на 5-7 см.

Валуны расположены в определённых комбинациях – кольцевых, полукольцевых (дугообразных) и линейных кладках, в чём, несомненно, проявляется искусственность их происхождения, т.е. воля человека. Есть ситуации, при которых камни расположены с нарушением системы, но это также имеет своё объяснение как природное, так и антропогенное.

Речные камни использовались для сооружения жилищ, очагов и иных хозяйственных конструкций. Насыщенность КС различными элементами определяет важность планиграфического анализа (Маслодудо, 2024а).

Планиграфическая картина каждого КС сложна для понимания и описания. Для систематизации и классификации нами используется понятие «структура». Под структурами понимается жилище в виде его основания с очагом или очагами внутри его, отдельно взятый очаг, а также комбинации из камней особого назначения. Выбор слова «структура» не случаен. По словарю русского языка О.И. Ожегова, структура – это «строение, внутреннее устройство» (Ожегов, 1968, с. 765). По толковому словарю В.И.

Даля – это слово означает «устройство, строение, состав, строй, склад» (Даль, т. 4, 1998, с. 343). В нашем исследовании слово «структура» используется как терминологическое понятие. Данное объяснение необходимо в связи с тем, что в сибирской научной литературе чаще используется термин «комплекс». Отметим, что, по Ожегову, комплекс – это «совокупность, сочетание каких-нибудь явлений, действий» (Ожегов, 1968, с. 281). Словарь В.И. Даля этого слова не включает (Даль, 1998). В «Словаре иностранных слов» приводятся два определения: «1) совокупность предметов или, составляющих одно целое явлений; 2) архит.-совокупность построек, связанных общим назначением...» (Словарь..., 1954, с. 345). Такое определение позволяет использовать понятие «комплекс» как совокупность структур, применяя его, например, для характеристики планиграфических ситуаций в культурных слоях.

Планиграфические характеристики каждого КС требуют большой скрупулёзности в процессе раскопок и фиксации. Не менее важен анализ планов, неоднократно повторяемый с учётом раскрытия новых площадей, накопления опыта и знаний применительно к конкретному памятнику.

Планиграфическое поле представляет собой сочетание различных структур и свободных пространств. Первые возможно определять как комплекс структур. Вторые полезны уже тем, что разделяют структуры или обрамляют их, показывая, что структура не вышла за пределы раскопа и, значит, полностью раскрыта.

При описании и классификации всех видов структур даётся характеристика каменной индустрии с определением типа изделий и особенностей их морфологии. Не остаются без внимания редкие костяные изделия, а также – экофакты, т.е. охотничьи фаунистические остатки.

Большинство костей разбито и неопределимо по принадлежности к виду. В целом кости немногочисленны в силу геохимических особенностей несущих отложений, а также в связи с тем, что кости использовались как

топливо. Незначительная часть предметного материала находится вне структур.

Структуры возможно разделить на следующие типы:

- кольцевые и полукольцевые (дугообразные) кладки, образующие основания жилищ с внешней контурной обкладкой и очагом или очагами во внутреннем пространстве жилища; внутри жилища, между очагом (очагами) и внешней обкладкой, могут находиться интерьерные камни, используемые для производственных и бытовых целей; между жилищами находятся пространства, отмеченные рассеянными или единичными находками или же полностью лишённые находок; межжилищные пространства позволяют точнее определить границы жилищ;

- жилые площадки (вне жилищ), отмеченные (в разном сочетании) очагами, кострищами, зольными пятнами (зольниками), артефактами и экофактами;

- каменные линейные выкладки, различные по хозяйственному назначению, например, основания защитных заплотов или жердевых конструкций;

- группировки (скопления) камней с компактным, но бессистемным расположением, своего рода зимние запасы, склад камней (Маслодудо, 2024а).

Полная интерпретация структур дана в последующих разделах.

Для отчётливости и лучшего восприятия описания напомним, что река Менза находится с юго-западной стороны от раскопов. С этой же стороны проходит бровка террасы и ближняя фронтальная стенка раскопа. Дальняя фронтальная стенка является северо-восточной. Если расположиться спиной к реке, то справа будет латеральная юго-восточная стенка раскопа, а слева – северо-западная. Ориентировке в пространстве планиграфического поля помогают указания на номера камней (для каждого слоя они начинаются с единицы; даны в скобках) и (в некоторых случаях)

обозначения квадратов. Описание структур указанием их номеров представлено по раскопам.

2.2. Культурные слои 3 - 27

В этом разделе представлена последовательная характеристика (сверху вниз) всех палеолитических культурных слоёв (КС), при этом указывается геологическая позиция каждого слоя, степень изученности, возраст, культурное содержание в виде структур, артефактов и экофактов.

Культурный слой 3 изучен в раскопах 1-2, 2А, 2Б, 3 на площади 1206 кв.м. Заключён в литологический слой 4, представляющий собой серую карбонатизированную супесь мощностью 10-15 см. Мощность слоя уменьшается в юго-западную сторону, т.е. по направлению к бровке террасы, где становится равна 5-7 см. Данный культурный слой отделён от подошвы вышележащего КС 2 литологическим слоем 3 (ЛС 3), который является стерильным. Мощность стерильной прослойки (ЛС 3) всегда достаточна для обеспечения полной самостоятельности и «чистоты» КС 3. Подошвой для КС 3 служит верхняя (5А) палеопочвенная прослойка ЛС 5. Мощность этой прослойки 6-8 см. Она достаточно плотная, более тёмная и полностью стерильная. Это означает, что КС 3 имеет защиту как с кровли, так и подошвы. Особо отметим, что по поверхности палеопочвенной прослойки расчищается полигональная система мерзлотных клиньев с шириной полос 10-12 см. Они заложены с подошвы КС 3 (или ЛС 4) и надёжно маркируют границу между слоями (Рис. 11-12). В слое выявлен археологический материал в общей сложности 742 артефакта (Таб. 8; Рис. 90-93).

В целом, КС 3 имеет чёткую геологическую позицию с яркими стратиграфическими маркерами, такими как карбонатизация супеси и мерзлотные клинья, берущие начало с его основания, свидетельствующие о сильном холоде. С учётом характера самого слоя, а также подстилающих и перекрывающих слоёв, КС 3 отнесён к норильской стадии сартанского оледенения. Возраст - около 10800 л.н.

Литологический уровень, соответствующий КС 3, изучен, как уже отмечалось, во всех раскопах на общей площади 1206 кв.м. Культурные останки размещаются по раскопам следующим образом:

- раскоп 1-2; в основном, в его юго-западной части, т.е. ближней к бровке террасы; северо-восточная часть раскопа, прижатая к уступу III террасы и имеющая более наклонную поверхность, не устраивала, вероятно, древних обитателей;

- раскопы 2А, 2Б; поверхность обитания слегка наклонна в сторону реки; культурные проявления полностью занимают площади раскопов;

- раскоп 3; находки встречаются только в центральной и юго-восточной частях. Они немногочисленны и рассеяны по разным квадратам (в 21 из 372 кв.). Всего выявлен 51 артефакт. Большинство находок – отщепы. Немногочисленны – пластинки и микропластинки, 2 микронуклеуса, скребок, фрагмент пластины с ретушью. Скорее всего, в раскопе 3 выявлена окраинная, или локальная часть пространства КС 3.

Планиграфию КС 3 определяют многочисленные речные камни в виде валунов и крупных галек, явно принесённых человеком с берега реки, поскольку сам по себе литологический слой является по генезису делювиальным и паводковым затоплениям не подверженным. Камни имеют чаще всего продолговатые формы длиной от 20 до 65 см, их ширина и высота, примерно, в 2-3 раза меньше длины. Камни базируются на широких устойчивых поверхностях. Их основания связаны с подошвой КС 3 (ЛС 4), а тело камней занимает весь объём слоя. Более того, верхние части крупных камней приподнимаются над кровлей слоя и входят в вышележащий ЛС 3, а верхушки самых крупных камней (в раскопе 2Б) проникают в КС 2 (что потребовало особого контроля и анализа).

Следует отметить, что в КС 3 на всей площади раскопок (1206 кв.м.) не выявлено очагов, кострищ, даже в остаточном виде. Скорее всего, это связано с длительным нахождением слоя в открытом (непогребённом) состоянии, его маломощностью, ветровой и дождевой переработкой.

Отсутствие маркирующих, смысловых элементов в виде очагов и кострищ затрудняет планиграфический анализ. Не помогает в этом вопросе и размещение предметного материала. Отметим, что предметный материал в виде каменных артефактов и редких обломков костей располагается на поверхности обитания и выше её на 5-6 см, а иногда -ниже на 2-3 см., что совершенно объяснимо в силу неровностей микрорельефа, а также действием природных и антропогенных причин. К тому же период накопления артефактного материала был весьма длительным, поскольку сам слой (ЛС 4) формировался порядка 500 лет (Рис. 43-46).

Тем не менее, опыт изучения такого рода объектов, позволяет ориентировочно наметить ряд структур, выраженных двумя вариантами каменных конфигураций, которые определяются нами как кольцевые и линейные.

Наиболее выразительная кольцевая *структура (№6)*, выявленная в раскопе 2Б (кв. 84-90, Е-М). Она выполнена из 39 камней, образующих кольцевую линию, обрамляющую пространство диаметром 5,1 м. Все камни располагаются на одной обитаемой поверхности, т.е. в один ярус. С северо-восточной стороны структуры существует линия из 10 камней - однорядовая, и только на её окончаниях отмечено по 2 камня (кв. 65-66 и 67-68), как бы расширяющих каменную кладку. С юго-западной стороны камни образуют двухрядовую кладку длиной 2,5 м и шириной до 1 м. В кладку входит 20 камней, при этом 4 камня отчасти сместились с первоначальных угадываемых позиций. Возможно, что утолщение кладки связано с тем, что она примыкает к бровке террасы, за которой находится наклонный уступ. Остальной периметр обозначают камни, расположенные одиночно или с группировкой по 2-3. В периметре кладки существуют незаполненные камнями разрывы длиной от 1 до 2 м. Структура 6 вполне соответствует характеру основания жилища, известных по нижележащим слоям этого памятника, а также по другим памятникам Усть-Мензы, но отличается от них отсутствием очага. Предположительно, данную структуру возможно

определить как *основание хозяйственного чума (без отопления)*. Во внутреннем пространстве найдены рассеянные артефакты, в т.ч. 21 отщеп, 4 пластинки, 4 фрагмента микропластинок. Эти находки нейтральны и не позволяют уточнить направление хозяйственного использования чума (Рис. 29-30).

Серия речных камней выявлена также на других участках этого же раскопа. Так, 20 разноразмерных камней образуют условную линию длиной 6,75 м в северной части раскопа 2Б (камни 56-70). Она определена *как линейная структура (№7)* (Рис. 29-30).

В зоне структур 6 и 7 найдены рассеянные артефакты. Преобладают отщепы разных размеров – 64 экз. и фрагменты микропластинок – 25 экз.

Найдены также выразительные артефакты: призматический нуклеус с круговым снятием пластинок, овальный в сечении, площадка горизонтальная, прямая, оббитая; сработанный подпризматический нуклеус; заготовка микронуклеуса; обушковое скребло из крупного пластинчатого скола с уплощённым дорсалом и выпуклым рабочим краем; концевой скребок из отщепа; провёртка из пластинки с оформленным подтреугольным остриём, оформление дорсальное с ретушью по одному и выемкой по другому краю; нож обушковый, унифасиальный, дорсальный из отщепа с 3 рабочими краями; массивная первичная пластина с вентральной мелкой краевой ретушью, длина – 10,5, ширина – 3,7 см; 7 оббитых галек.

В юго-восточной части раскопа 2Б, где нет структур и находок, отмечено 4 отдельных камня (1-4).

Ещё одна кольцевая *структура (№ 5)* выделена в раскопе 2А (кв. 71-76, К-Р), но она менее выразительна по характеру кладки и не столь чётко выделяется на фоне окружающих камней, образующих разные пространственные сочетания. К периметру структуры 5 возможно отнести 31 камень (112-145). Диаметр структуры – около 5,0 м. Внутри пространства (ближе к краям) найдено несколько отщепов (Рис. 23-24, 43, 45).

В этом же раскопе выделена линейная *структура (№4)* (кв. 60 З – 70 Л). Представляет собой полосу из 37 камней (148-184) длиной 9,5 м, шириной до 1,2 м; камни располагаются пунктирно, группами и одиночно. Ещё 9 камней сползло из этой полосы в сторону бровки на 1,0 – 1,5 м. Между камнями – единичные отщепы и мелкие обломки костей (Рис. 23, 29, 31).

Вдоль северо-восточной границы раскопа отмечены скопления небольших галек, что позволяет предположить наличие какой-то структуры за пределами раскопа (Рис. 43, 45).

В раскопе 2А в КС 3 обнаружено 268 артефактов. Они располагаются в рассеянном виде по раскопу (в 52 из 200 квадратов, т.е. в одном из 4-х квадратах). Находок совершенно нет в юго-западной части раскопа. Больше всего артефактов встречается вдоль его северо-восточной границы.

Основная часть находок представлена отщепами разных размеров (183 экз.). На втором месте – микропластинки и их фрагменты (61 экз.) (Рис. 91-3, 4, 11, 13). Выявлена серия выразительных изделий: подпризматический двуплощадочный однофронтальный нуклеус с встречным снятием пластинок; 7 торцовых клиновидных микронуклеусов и их заготовок (Рис. 93-1-4), долотовидное орудие из сработанного микронуклеуса (Рис. 93; 2), 5 концевых и округлый скребок из отщепов с дорсальным краевым оформлением, скрёбло из массивного первичного отщепа с ретушью по трём краям, резец на боковом сколе, боковой, двуфасеточный; 5 средних пластинок, одна из них с мелкой ретушью, массивная первичная пластина с дорсальной краевой приостряющей мелкой ретушью (7,2x1,7x0,8 см); боковой скол с вогнутым вентралом с крупного торцового нуклеуса (7,8x2,1x2,0 см); остриё из 4-х гранной утолщённой микропластинки миндалевидной формы с оформлением ретушью острия и полукруглой базы.

В раскопе 1-2 в КС 3 выделено три линейные структуры (Рис. 43, 46).

Структура 1 (раскоп 1-2, кв. 36-40, М-С). Представляет собой линейную структуру в виде пунктирной полосы из 31 камня (241-271),

вытянутой по направлению восток-запад, с перепадом отметок на 70 см; длина линии 5 м., ширина - 0,8 м. Из этой полосы в сторону бровки террасы сползло по слою ещё 11 камней (272-283). Артефактов нет.

Структура 2 (раскоп 1-2, кв. 41-48, К-3). *Линейная структура* из 21 камня (219-239), образующих полосу из 3 групп по 4-5 шт. в каждой. Длина – 7,2 м., ширина – 1,0-1,5 м. Некоторые камни сползли в сторону бровки террасы. Среди камней – 2 отщепа, 2 микропластинки с ретушью. В структуру входит грунтовое *погребение* с остатками скелета в погребальной яме на уровне КС 6. Один из камней (221) лежит на краю могильного пятна, а 7 камней с юго-восточной (220, 222-227) стороны образуют дугу на расстоянии 0,5 – 1,0 м от контура пятна (открытую в западную сторону). Вместе с тем, возможно, что указанные камни к погребению отношения не имеют.

Структура 3 (раскоп 1-2, кв. 44-54, М, Н). *Линейная структура* в виде полосы из камней длиной 8,0 м, шириной – до 1,0 м. Состоит из 31 камня (187-218); они располагаются группами по 4-6 шт. Направление северо-запад – юго-восток. С позицией камней увязываются 34 отщепа, 11 микропластин, микронуклеус, скребок, 2 мелких обломка костей.

На площадках вокруг описанных структур выявлены выразительные артефакты. Особо выделяется крупный подпризматический нуклеус, двуфронтальный, двуплощадочный; фронты располагаются под углом 90 градусов друг к другу; площадки наклонные оббитые; на фронтах фасетки удлинённые, пластинчатые; частичная подтёска с контфронта. Рядом оказался скол с этого нуклеуса. Второй подпризматический нуклеус - однофронтальный, одноплощадочный, скошенная ударная площадка с сильно забитой кромкой; фронт с удлинёнными неправильными сколами; форма грубая с заломами, достаточно истощённая. Этим нуклеусам соответствуют 8 пластинчатых неправильных, атипичных снятий.

Микронуклеусы представлены серией из 9 экз. Все они торцовые клиновидные, но с разной позицией клина и разной степени сработанности.

Фронты отмечены микропластинчатыми фасетками длиной до 4 см. Их дополняют 10 микропластин такой же длины, слегка согнутые с вентрала, и 35 фрагментов микропластинок.

Из орудий выделяются чоппер из речной гальки, 3 скребла из первичных отщепов с краевым оформлением рабочего края; 16 скребков из небольших отщепов с краевым дорсальным оформлением рабочего края; 2 долотовидных орудия из отщепов. Найдено также 5 оббитых галек и 200 отщепов.

Из немногочисленных обломков костей выделены остатки косули.

Итак, в КС 3 выявлено *пять линейных и две кольцевые структуры*, но без очагов и с небольшим количеством находок во внутреннем пространстве.

Данный слой датируется финальным палеолитом (10,3 – 10,8 тыс. л.н.).

Культурный слой 4 (раскопы 1-2, 2А, 2Б, общая площадь 834 кв. м) связан со средней прослойкой мощностью 6-8 см., входящей в ЛС 5, представляющий собой педокомплекс позднесартанского времени (общей мощн. до 0,25 м). Возраст - около 12000 л.н. Данная прослойка песчаная (ЛС 5Б). Она характеризует кратковременное похолодание, разделяющее два позднесартанских потепления. Перекрывается палеопочвенной прослойкой, примерно, такой же мощности, являющейся стерильной (ЛС 5А). Подстиляется такого же рода прослойкой (5В). В раскопе 1-2 и большей части площади раскопа 2А (95%) она также является стерильной. В северном углу раскопа 2А (5% площади этого раскопа) и полностью в раскопе 2Б она включает в себя КС 4/2. Там, где КС 4/2 не представлен, КС 4 подстиляет стерильный прослой мощностью не менее 30 см (Рис. 11-12).

В КС 4 выявлены планиграфические структуры, выполненные, в основном, из речных валунов и крупных галек длиной 20 – 60 см. Речные камни - монолитные, цельные, естественной конфигурации. Камни располагаются устойчиво, на широких плоскостях. Они явно принесены человеком, в основном, от берега реки, при этом отбирались по подходящим

параметрам (удлинённые и относительно уплощённые) и размещены по определённой системе. Основания камней связаны с подошвой песчаной прослойки, при этом по высоте они превышают мощность прослойки. В связи с этим верхние части камней внедряются в вышележащую палеопочвенную прослойку (ЛС 5А). Аккуратная разборка этой прослойки, образующей кровлю культурного слоя и не содержащей артефактов, позволило выявить позиции нескольких десятков камней. Окончательно эти камни расчищались в процессе изучения КС 4, включающего в себя также углисто-золистые проявления, артефакты и кости животных. Благодаря позиции камней и находок отчётливо устанавливается поверхность обитания. В слое выявлен археологический материал в общей сложности 822 артефакта (Таб. 8; Рис. 94-104).

Установлено, что древние люди поселились на поверхности формирующейся палеопочвенной прослойки кокоревского интерстадиала, или бёллинга (около 12 тыс. л.н.). Созданные ими структуры и предметный материал включались в тонкую песчаную прослойку (холодный безымянный интерстадиал – 12,0 - 11,8 тыс. л.н.). Культурный слой имеет незначительный наклон (8-10 см на один метр) в юго-западную сторону, т.е. в сторону бровки террасы. С юго-востока к северо-западу (по направлению течения Мензы) поверхность слоя устойчивая, слабоволнистая, без существенных перепадов. Такая позиция КС соответствует конфигурации в пространстве дневной поверхности.

По группировке камней, очагов и артефактов выделено 10 структур (Рис. 47-52).

Структура 1 (раскоп 1-2). В юго-западной части раскопа выявлено три очага, расположенных вплотную друг к другу по принципу треугольника, что составляет существенную особенность, в других ситуациях не отмеченную. Расстояние между краями очагов всего 50-60 см. Диаметр очагов – 70 – 90 м (Рис. 47, 51). Очаги имеют краевые обкладки из камней и золистое заполнение серо-чёрного цвета мощн. 1-4 см. У двух очагов форма

обкладок дугообразная, у третьего очага – близкая к дугообразной, но для её превращения в кольцевую обкладку достаточно одного камня. С северной и северо-восточной сторон, в 1,5-2,0 м от очагов находятся две группы камней длиной по 2,5 м, по 9 и 15 камней в каждой из них, с разрывом между этими группами до 2 м. Эти камни обрамляют зону очагов. Вокруг очагов и ближе к бровке террасы, как бы смещённые в связи с наклоном слоя, выявлены артефакты: 2 скребла из отщепов, 3 скребка из отщепов, 5 торцовых микронуклеусов, 14 микропластинок, 2 микропластинки с ретушью, пластинка с ретушью, 2 отщепов с ретушью, 4 оббитых гальки, 124 отщепов, обломки зубов лошади.

Предположительно, данная структура (1-77) относится к жилой площадке с очажной зоной под открытым небом (или жечастично вскрытое и деформированное жилище).

Структура 2 (раскоп 1-2). На 4-5 м ближе к юго-западу, выявлена *линейная кладка* из 15 камней длиной 4,1 м, без сопровождения артефактов. Она могла представлять основание ветрового заслона, защищающего жилище от прямых потоков воздуха со стороны реки (85-100) (Рис. 47, 52).

Структура 3 (раскоп 1-2). Определена как структура общим размером 14x11 м (Рис. 47, 51). Отчётливо сохранилась линия из 3 очагов длиной 7,05 м. Очаги округлой формы диаметром около 1 м. Исходная форма обкладок очагов кольцевая или дугообразная. Расстояния между очагами 1,55 м и 2,5 м. Вокруг очажной зоны находятся многочисленные камни (около 142), которые располагаются группами или одиночно, но без строгой системы, скорее всего, нарушенной. Не исключается, что изначально они составляли внешнюю обкладку *жилища удлинённой формы с тремя очагами по центральной линии* (101-243). В зоне очагов найдены чоппер, 2 скребка из отщепов, пластина с ретушью, микронуклеус, микропластина.

Структура 4 (раскоп 1-2). На 1-2 м ближе к юго-западной бровке террасы (кв. 42-53 3-Н) площадка заполнена 62 камнями, очагов нет (камни 246-307) (Рис. 47, 52). Из артефактов заметны скребло с подтёской вентрала,

крупный остроконечник с формирующейся ретушью, 2 обломка остроконечников, 2 долотовидных орудия - из отщепа и пластинки, 3 острия из пластинок, 4 микронуклеуса, скребок из отщепа, пластинка с дорсальной краевой ретушью, 2 кварцитовых желвака, несколько микропластинок и отщепов. Данное бессистемное скопление камней можно представлять как *склад-запаскамней*.

Структура 5 (на стыке раскопов 1-2 и 2А). Представлена очагом с полукольцевой обкладкой из камней (315-316, 318-319) (Рис. 26, 47, 50). Камни опалены огнём. Пространство между очажными камнями затянуто тонкой золистой прослойкой мощн. не более 3 см., частично повреждённой норой грызуна. Диаметр золистого проявления – 40 см. Диаметр очага вместе с обкладочными камнями - до 1,0 м. Возможно, к обкладке очага первоначально относился камень 317, сдвинутый в сторону. Жилое пространство с юго-западной стороны обрамляет полукольцевая кладка из 9 камней (320, 323-333). Камни располагаются по одному и группами, образуя общую линию длиной 7,0 м. Плотная группа из 8 камней (308-313, 321-322), расположенная с юго-восточной стороны от очага, является интерьерной, т.е. используемой во внутреннем пространстве. Расстояние между крайними камнями (308 и 330), с промером через очаг - 5,43 м. Все использованные камни – крупные, по длине от 23 до 50 см, по ширине – 12 – 30 см. В очаге найдена микропластинка с ретушью. По соседству с очагом найдены микропластинка и 2 скребка из отщепов. В зоне камней 20 – 23 – микронуклеус, 2 микропластинки, скребок из отщепа, 3 отщепа и кусочек красной охры (Рис. 50).

В целом, структуру 5 можно характеризовать как *деформированное жилище*. По типу это жилище – наземное, одноочажное, малых размеров, с внешней одноярусной, дискретной, точно – групповой обкладкой из камней.

Структура 6 (на стыке раскопов 1-2 и 2А) (Рис. 26-27, 47, 50). От структуры 5 её отделяет зона без находок шириной до 2 м. Центральную

часть занимает очаг овальной формы размерами 175 x 106 см. Золистое пятно обрамляют 8 камней (332-411) со смещёнными по внешним границам конструктивными элементами. 4 камня находятся в центре золистого пятна, хотя первоначально они могли занимать позицию в северо-западной части обкладки. Заполнение представляет собой серую золистую прослойку мощн. не более 4 см. Углистых вкраплений не замечено. На некоторых камнях сохранились следы огня. На западном краю очага на золистой поверхности найден небольшой красный камешек. Не исключено, что это своеобразный символ огня.

Внешнюю границу этой структуры формирует кольцевая обкладка, представленная 67 камнями (332-398). С северо-восточной стороны обкладка выполнена отдельными или парными камнями (386-391). С юго-западной и северо-западной сторон обкладка наиболее плотная (332-366). С северной стороны намечается разворот камней по двум параллельным линиям (363 -378 и 380 -385). Некоторые камни (небольшие глыбы) развалились на части. Данная зона похожа на вход -тамбур в жилище. Его длина до 2 м и ширина (вместе с камнями обкладки) до 1,8 м. Диаметр структуры с включением камней обкладки: от 430 до 525 см; внутренний – от 400 до 468 см.

Между очагом и юго-западной частью обкладки – рабочая зона с крупными камнями, из которых 3 наковальни с забитостями на верхней поверхности, отбойник и чоппер. Между крупными инструментами найдены 17 отщепов, 2 микронуклеуса, микропластинка с ретушью. Рядом, обнаружены костяное шило, зуб лошади, 3 микропластинки и отщеп. Ближе к внешней обкладке найдены: долотовидное орудие из отщепа, 4 микропластинки, 2 отщепа, 2 микронуклеуса, острое из отщепа, микропластинка, кусочек красной охры. В зоне юго-западной обкладки - серия микропластинок и отщепов. Юго-восточнее и северо-восточнее очага – находки единичны. Приметны скребок из отщепа и микропластинка с ретушью. С внешней стороны обкладки жилища найдены 3 острия из

отщепов, резец из микропластинки, отщепы и микропластинки. Они могли «покинуть» контур жилища постфактум.

Структуру 6 весьма уверенно можно характеризовать как *жилище*. Оно вошло в пределы раскопа полностью. Жилище является наземным, одноочажным, с каменной обкладкой округлой формы, предположительно с тамбуром – входом; обкладка является одноярусной, дискретной, с точечным, парным или групповым размещением камней. Очаг располагается в центре жилища. В юго-западной части жилища находится зона с чётко выраженной рабочей площадкой, где производилось расщепление камня, оформление орудий и другие операции.

Структура 7 (раскоп 2А) (Рис. 26, 47, 50). Отделена от структуры 5 свободным пространством шириной не менее 3,0 м. Представлена слабонаклонной площадкой размерами 5,5х1,8 м с 14 камнями на её поверхности (412-425). Камни размерами 35-45 см. размещаются по одному или по два. Площадка, заполненная камнями, прижата к юго-западной бровке раскопа, за пределами которого, возможно, находилась остальная часть структуры, при этом, скорее всего, она ушла под обрыв террасы. Артефактов не выявлено. В целом, структура представляется искусственным скоплением камней, являющийся склад – запасом, или же разрушенной линейной конструкцией.

Структура 8 (раскоп 2А) (Рис. 26, 47, 50). Системообразующим является очаг, занимающий центральную позицию. Очаг оформлен 8 камнями (449-456), уложенными так, что их длинные оси совпадают с периметром окружности. Очажные камни, примерно, одинаковы по высоте. Размеры очага 125х70 см. Внутренний диаметр – 70 см. Заполнение – темно-серое, золистое, линзовидное, мощн. до 5 см. В очажном заполнении найдены 2 микропластинки с ретушью и 2 отщепа. В приочажном пространстве обнаружены: скребок, 9 отщепов, 2 микропластинки, обломок зуба лошади?, чоппер, 3 микронуклеуса.

Жилое пространство вокруг очага обрамлено кладкой из камней. Обкладка имеет полукольцевую форму (426-448). Она представлена одиночными или попарно расположенными валунами средних и крупных размеров. Отсутствует обкладка с северо-западной стороны (между камнями 426 и 448), на расстоянии, примерно, 3,0 м. Общие размеры 3,5х4,7 м. микронуклеус, чоппер, 4 отщепа. Во внутреннем пространстве находки единичны: микропластинки, микронуклеус, чоппер, 4 отщепа, обломки косточек. Вдоль внешней каменной обкладки найдены рассеянные находки: чоппер, 13 микропластинок, микропластинка с ретушью, 3 скребка, долотовидное орудие, 2 микронуклеуса, 32 отщепа.

Структура 8 отделена от структур 5, 6, 7, 9 свободными зонами шириной 2-5 м., где выявлены только рассеянные находки, в числе которых острия, долотовидные орудия, микропластинки, микронуклеусы, отщепы

В целом, структуру 8 возможно определить как наземное, *одноочажное жилище* с внешней каменной обкладкой; обкладка является одноярусной, полукольцевой, пунктирной (дискретной) по позиции камней.

Структура 9 (раскоп 2А) (459-500) (Рис. 28-29, 47, 49). Центральную позицию занимает очаг. Кладка имеет полукольцевую форму, оформленную обожженными камнями (494-500). Размеры камней – 30-35 см. Заполнение – серый костный налёт, перекрывающий красноватый от прокала прослой, мощн. до 8 см. Очажная ямка была заглублена на 10 см. по отношению к песчаному полу жилища и вошла в нижнюю палеопочвенную прослойку (ЛС 5В). Очажные краевые камни просели вниз на 4-5 см. Золистая масса расплылась из очага в юго-западную сторону в соответствии с небольшим (на 18 см) наклоном слоя, образуя прослойку серого цвета мощн. 1-2 см. Общая форма очажного пятна овальная, размеры 190х127 см. В очажном заполнении и припросеивании выявлено 90 мелких отщепов и чешуек, 13 отщепов средних размеров, фрагмент пластинки с ретушью, 3 фрагмента пластинок, 4 неправильные пластинки, 8 микропластинок, концевой скребок.

В 1,0 м к западу от очага, овальное золистое пятно (зольник) размерами 70x65 см. Мощность заполнения – 2-3 см. Возможно, это выброс золы, образовавшийся при очистке очага. В его пределах - маленькое, до 10 см, пятно красной охры. Ещё одно маленькое охристое пятно – у камня 464.

Внешняя каменная обкладка наиболее отчётливо представлена с юго-восточной стороны, на расстоянии 1,5 м от очага. Линию длиной 1,2 м. образуют 4 камня (462-465). С северо-восточной стороны выявлена большая серия камней (466-481), при этом отчётливо выделяется внешняя дуга (466-468, 473-481), другая часть камней сползла ближе к очагу (469-483). С западной стороны – дугообразная пунктирная линия из 5 камней (482, 484, 487, 489) с разрывом друг от друга от 0,8 до 1 м. С юго-западной стороны кладка деформирована, часть камней, возможно, сползли по слегка наклонной поверхности (461, 464, 490-493). Предположительно, первоначальные размеры основания жилища равнялись 6,0 x 5,30 м.

Во внутреннем пространстве найдены 2 микронуклеуса, 3 микропластинки, фрагмент пластинки с ретушью по краям со спинки, угловой резец из микропластинки, резец из отщепа, 2 скребка, 2 неправильные пластинки, 11 отщепов. Вплотную к внешней обкладке (по линии 79) – 2 торцовых микронуклеуса, подпризматический нуклеус, 2 чоппера, микропластинка, отщеп.

В целом, структуру 9 можно определить как *жилище наземное, одноочажное*, с каменной частично деформированной обкладкой, одноярусной, с точечной и групповой позицией камней.

С северо-восточной стороны от структуры 9 найдены мелкие обломки костей, отщепы и микропластинки.

С северо-западной стороны от структуры 9 – свободное пространство шириной 5,5 м. На некоторых квадратах – рассеянные находки, такие как отщепы и микропластинки, единичные микронуклеусы, округлые и концевые скребки, долотовидные орудия, пластинки с ретушью, скрёбла из отщепов, чопперы. Наиболее интересной находкой является маленькая (1,5 x

0,6 см) зашлифованная косточка с 5 отчётливыми поперечными штрихами длиной по 3 мм.

Структура 10 (раскоп 2Б) занимает срединную часть раскопа (Рис. 38, 47, 48). Размеры 9х6 м. Линия из 3 очагов соответствуют длинной оси площадки с направлением юго-запад – северо-восток. Все очаги по форме округлые; очаги 1 и 2 – диаметром по 75 см, очаг 3 – 95 см. В обкладке по периметру от 5 до 7 камней. Заполнение очагов – серый золистый песок мощн. 3-5 см. Расстояние между очагами 1 и 2 – 1,83 м, между очагами 2 и 3 – 2 м. Площадку с очагами обрамлена камнями длиной, в основном, от 20 до 35 см. 31 камень (549-579) образует отчётливую кладку длиной 3 м в обрамлении площадки с юго-западной стороны. Кладка одноярусная, камни располагаются в устойчивой позиции, на широких плоскостях, в 4-5 рядов, в группировке или по отдельности. В центре кладки - разрыв до 90 см. Ещё одна кладка обрамляет площадку с северо-восточной, стороны. В неё входит 14 камней. Камни образуют волнистую линию длиной 467 см. Края обеих кладок находятся на расстоянии 70-80 см от ближних очагов. Кладки обрамляют площадку с узких сторон, тогда как с длинных сторон выраженных кладок нет, но есть отдельные камни. Серия таких же камней находится во внутреннем пространстве площадки.

В зоне очага 1 найдены микропластинка с ретушью, чоппер, скребок из отщепов, торцовый клиновидный микронуклеус, заготовка микронуклеуса, 60 отщепов, 40 микропластинок, обломок челюсти благородного оленя. В зоне очага 2 найдено 96 отщепов, 35 микропластинок. Орудия представлены остроконечником из крупной пластины и 4 скребками из отщепов. В зоне очага 3– 46 отщепов, 42 микропластинки, заготовка микронуклеуса. Из орудий – скребок из отщепов, 4 чоппера.

В целом, в трёх очажном жилище велась деятельность по обработке камня и использовались орудия, в том числе чопперы, скребки, остроконечник. Выразительность и ценность структуры подчёркивается тем,

что она полностью вошла в пределы раскопа, имеет достаточно точные границы и обрамляющие «свободные» пространства по всему периметру.

Обломки костей рассеяны по разным структурам и между ними. Определены такие виды животных как лось, сибирский горный козёл, горный баран, лошадь, благородный олень, лошадь и бычьи.

Итак, в КС 4 на площади 834 кв. м. раскрыто десять структур. Наиболее полно сохранилось округлое жилище (структура 6) с очагом в центре и с входом в виде тамбура. Внутри жилища отчётливо выделяется рабочая зона по расщеплению камня. У трёх одноочажных жилищ (структуры 5, 8, 9) внешняя обкладка полукольцевая, в большей или меньшей степени деформированная. Два жилища (структуры 3 и 10) – трёхочажные. Очаги вытянуты в одну линию. Расстояние между очагами недостаточны для разграничения каждой из этих структур на три самостоятельных одноочажных жилища. Две структуры (2 и 7) – линейные; структура 4 – похожая на линейную, но, по основному варианту, складская. Выделяется жилая площадка с тремя сближенными очагами (структура 1).

Культурный слой 4/2 выявлен на заключительном этапе изучения поселения в раскопах 2А, 2Б. Слою дано обозначение КС 4/2 в связи с тем, чтобы не изменять сложившуюся нумерацию нижележащих КС (вышележащий слой остался с тем же обозначением – КС 4, т.е. без введения дополнительного литеры, поскольку он известен по ряду публикаций). КС 4/2 связан с нижней палеопочвенной прослойкой в ЛС 5 мощн. 8-10 см. (обозначена как ЛС 5В). Возраст около 12800 л.н. Перекрыт сверху КС 4 без стерильной прослойки; тем не менее, разделение между КС 4 и КС 4/2 проводится уверенно, на основании цветовой разницы, плотности и мехсостава несущих прослоек (Рис. 11-12). Существенное значение имеет позиции структур из камня, отчётливо располагающихся на двух разных литологических уровнях. Так, в процессе изучения КС 4 в северном углу раскопа 2А, северо-восточней структуры 7 (кв. 74-79, П-С), появились верхушки камней, уходящих своими основаниями к подошве нижележащей

палеопочвенной прослойки, относящейся к кокоревскому интерстадиалу (бёллинг) (ЛС 5В). Полная расчистка камней и выявление серии находок (см. ниже: структура 1) подтвердила правомерность выделения КС 4/2. В слое выявлен археологический материал в общей сложности 530 артефакта (Таб. 8; Рис. 105).

Итак, КС 4/2, прослеживается в северном углу раскопа 2А и на всей площади раскопа 2Б, в совокупности на площади 144 кв.м. КС 4/2 имеет небольшой наклон в сторону бровки террасы, примерно, 8-10 см на один метр. Подошвой для КС 4/2 служит кровля аллювиальных отложений, которая является стерильной.

Структура 1 (раскоп 2А). Как уже отмечалось, в северном углу раскопа выявлена каменная кладка на площади 18 кв.м. (Рис. 53-54). Она представлена 19 валунами (1-25). Их длина – 35-45 см, ширина – 15-20 см, высота 10-12 см. Камни образуют полосу, занимающую, в основном, линию Р-П (кв. 74-79). Её длина 515 см, ширина – до 90 см. Длинная ось ориентирована по направлению северо-восток–юго-запад. Кладка располагается горизонтально, без перепада по высоте. Внутри полосы камни компонуются в 4 группы (1-3; 4-12, 13-15, 17-25). Расстояние между группами 60-90 см. Внутри групп камни или соприкасаются краями, или же между соседними расстояние 10-30 см. Вне групп – один камень (16). Между камнями и рядом с ними найдены артефакты: 2 пластинки с ретушью со спинки, 2 пластинки, неправильная пластинка, 11 микропластинок, 8 отщепов, 4 обломка костей, кусочек красной охры.

Данная кладка из камней явно намеренная. Камни соразмерные, уложены устойчиво. В основном, состоит из валунов, принесённых с берега реки. Находки связаны по позиции с кладкой. Назначение кладки на данном этапе исследования непонятно, она отнесена к *линейным*, но, не исключено, что при расширении раскопа в северо-восточную сторону выявится продолжение изученной части структуры.

Структура 2 (раскоп 2Б). Находится в западной части раскопа (Рис. 37, 53-54). Представлена серией речных валунов, расположенных в единой плоскости и образующих определённую систему. Большинство валунов имеют размеры 30-40 см. Они образуют полукруг в диам. 4,3 м (45-87). Всего камней 43. Камни располагаются, преимущественно, в один ряд с небольшим смещением от осевой линии. Заметно, что длинные оси большинства камней совпадают с общей осью кладки. Кроме того, серия камней находится внутри полукольцевого пространства. Особо приметен камень 71 - слабоокатанный валун размерами 75 x 30 см с верхней плоской трещиноватой поверхностью (граница кв. 88-89, Ж-3). Камень, скорее всего, использовался как наковальня. Рядом с ним расчищена рабочая зона с большим количеством отходов расщепления камня в виде отщепов (332 экз.), фрагментов микропластин (79 экз.) и неправильных пластинок (15 экз.). По соседству находятся речные камни (69, 72). Они в 2-3 раза меньших размеров, чем камень-наковальня. Их можно отнести к категории интерьерных, т.е. используемых в бытовых или производственных целях. Найдено только одно орудие – скребок из отщепа.

Структура входит в раскоп частично. Предварительно определяется как *жилая площадка* с рабочей зоной по расщеплению камня. Обращает на себя внимание отсутствие очага. Полная картина может проясниться только при расширении раскопа в северо-западную сторону.

Структура 3 (раскоп 2Б). Расположена в южной части раскопа (Рис. 53-54). Представлена дугообразной кладкой из речных камней общей длиной 10 м. В кладку входит 52 камня (88-139), расположенных группами по 3-4 камня или одиночно, на расстоянии 10-30 см друг от друга. Ширина кладки 60 - 80 см. Основная часть кладки ориентирована запад – восток, её длина 6 м. Боковые отвороты продлевают кладку на 1 и 3 м. В зоне кладки микропластинки, отщепы, скребок из отщепа и чоппер из речной гальки.

Кладка с южной стороны обрамляет площадку с тремя зольными пятнами, артефактами и отдельными «интерьерными» камнями. Зольные

пятна №№ 2-4 имеют округлую форму и малые размеры в пределах 10-12 см., при этом пятно № 4 частично прикрыто камнем 122 со следами нагара. Рядом находится ещё несколько камней. Зольное пятно №1 - овальной формы - 90 x 35 см. Все пятна заполнения не имеют. Скорее всего, они являются остатками разрушенного очага, первоначально находящегося в центре площадки и обрамлённого 7 небольшими камнями (122-124, 127-130). В зоне разрушенного очага найдено 22 фрагмента микропластинок, 17 отщепов и скребок из отщепа. На остальной части структуры – разрозненные отщепы, микропластинки. Структуру 3 возможно определить как *частично сохранившееся жилище* с усиленной кладкой по бровке террасы и неполной кладкой по остальному контуру и разрушенным очагом.

Структура 4 (раскоп 2Б). Расположена в восточной части раскопа (Рис. 53-54). Представлена очагом округлой формы диам. 105 см. Очаг обрамлён 8 камнями (29-36). Ещё 2 камня отстранились от очага в восточную сторону (27, 28). Пространство внутри очага затянуто серой золистой плёнкой. В разрезе очага видна золистая масса мощн. 3 см. Площадка вокруг очага обозначена по периметру 7 камнями. Наиболее выразительны 3 камня с северной стороны (37, 39). Остальные 4 камня - одиночные (23, 26, 40, 41). Обозначенная камнями площадка имеет размеры 3x2 м. с очагом в центре. Особенность данной структуры состоит в полном отсутствии артефактов на данной площади. Её возможно, определить как небольшое по размерам *одноочажное жилище* с точечным использованием камней во внешней обкладке.

В северной части раскопа найдено три отдельно лежащих камня, без находок (кв. 86, 89, 90 Н).

Итак, в 4/2 полностью выявлено два жилища, в одном из них полностью сохранился очаг (структура 4), в другом – очаг и внешняя обкладка нарушены (структура 3). В слое представлена линейная кладка (структура 1). Структура 2 определяется как жилая площадка с зоной расщепления камня; в пределы раскопа вошла частично.

Культурный слой 4/3. Выявлен только в раскопе 2А. Обозначен с дополнительным литером как вновь выделенный с учётом имеющейся устойчивой нумерации. В отличие от вышележащих слоёв связан не с покровными отложениями, а с аллювием, с его самой верхней илистой прослойкой (из ЛС 6), по проявлению локальной, расположенной ниже КС 4/2 на 15 см и явно выше КС 5, примерно на 20 см. Представлен только в западном углу раскопа 2А. Ориентировочный возраст – 12950 л.н. (Рис. 11-12).

Выявлена единственная структура (№ 1) в виде очага округлой формы диаметром 115 см. По периметру очага располагаются 7 камней длиной до 25 см. Камни несут следы огня. Пространство между камнями затянуто тонкой серой плёнкой без заполнения. В центре очага – небольшой камень. При разборке найдено 2 отщеп. С юго-западной стороны от очага находится две группы камней – с 3 и 4 камнями. С северо-востока – 2 камня. Данная структура определена как *жилая площадка*.

Культурный слой 4/4. Выявлен только в раскопе 2А. Располагается ниже КС 4/3 на 8-10 см. Связан со второй илистой прослойкой мощн. 2-4 см. из ЛС 6 (Рис. 11-12). Ориентировочный возраст – 13000 л.н. Представлен единственной структурой (1) в виде кострища. Кострище находится явно ниже и прямо под очагами с КС 4/3 (кв. 76 К), что подчёркивает его принадлежность к более древнему КС. Кострище имеет округлую форму диаметром до 115 см. Противоположные края обозначены двумя камнями длиной до 10 см. Пространство между камнями затянуто тонкой серой золистой плёнкой; заполнение отсутствует. В центре кострища найден отщеп. Данная структура определена как *жилая площадка*.

Культурный слой 5. Изучен в раскопе 1-2, 2А, 2Б. Общая площадь 834 кв.м. Занимает позицию в верхней части ЛС 6. Связан с тонкой илистой прослойкой мощн. 4-5 см, расположенной ниже кровли аллювия в среднем на 45-50 см. (Рис. 11-12). Ориентировочный возраст – 13200 л.н. Отделён от КС 4/2 стерильной песчаной прослойкой. На локальном участке раскопа 2А,

где представлены КС 4/3 и КС 4/4, отделён от нижней из них стерильной прослойкой в 10-15 см. КС 5 имеет незначительный наклон в юго-западную сторону (т.е. в сторону р. Мензы) на 60 см, т.е. по 6 см на один метр. Он более выположенный, чем КС 4. По направлению юго-восток – северо-запад этот слой по позиции горизонтальный, слабоволнистый. Общая планиграфическая картина КС 5 представляет собой сочетание выделенных структур и свободных от находок пространств. В слое выявлен археологический материал в общей сложности 985 артефактов (Таб. 9; Рис. 106-112).

Структура 1 (раскоп 1-2). В юго-западной половине раскопа наблюдается *линейная* структура в виде каменной кладки длиной 13 м (Рис. 57, 61). Ориентирована северо-запад - юго-восток, т.е. параллельно бровке террасы. Всего камней 97 (3-6, 45-73, 86-147). Камни размещены точно или группами. В средней части кладка расширена до 3-4 камней. Некоторые камни отстранились от общего контура до 1 м. К востоку от структуры 1 разместились полукольцевая кладка небольших размеров - 2 x 1,5 м (74-85). С юго-запада от основной кладки располагается зона с рассеянными камнями (7-29, 36-44) и артефактами, но нет следов огня, т.е. очагов и золистых проявлений. Артефактный набор состоит из следующих элементов: 400 отщепов, 155 микропластинок, 25 микронуклеусов. В северном углу раскопа отмечены рассеянные мелкие камни (без номеров, 49 шт). Возможна следующая интерпретация: *разрушенные жилые структуры, используемые как запасы речного камня.*

Структура 2 (раскопы 1-2, 2А). На стыке указанных раскопов выделен сильно разрушенный очаг в виде обожженных камней (160-162) (Рис. 57, 60). Размеры камней от 10 до 43 см. Под камнями и рядом с ними – мелкие угольки и золистые примазки. Севернее очажных камней, на расстоянии от 1,5 до 1,7 м расположена дугообразная линия, состоящая из 11 камней, длиной 8,88 м (149-159). Размеры камней от 15 до 53 см. Камни

расположены 4 группами. В пределах структуры найдено 7 отщепов. В целом, представляет собой *жилище*, частично сохранившееся.

Структура 3 (раскоп 2А). В южной части раскопа выявлена *жилая площадка* с кострищем округлой формы размерами 117х90 см. На его поверхности и рядом – 5 камней (163-166) (Рис. 57, 59-60). К северо-востоку, на удалении 1,1-1,4 м - три камня «цепочкой» (167-169). Рядом с ними микронуклеус, микропластинка, отщеп с резцовым сколом (?), 2 отщепов. Структура уходит под юго-западную бровку за пределы раскопа.

Структура 4 (раскоп 2А). Выявлена в середине раскопа (кв. 61-67, М – П) (Рис. 57, 60). В её центре находится группа из 4 камней (179-182), опалённых и с примазками сажи на нижних поверхностях. Размеры камней – 8-22 см. Представляет собой разрушенный очаг. С юго-западной стороны от очага – полукольцевая дуга из 23 камней, расположенных дискретно, примерно, на равных расстояниях (171-194). Размеры камней – 10-55 см. Длина дуги – 855 см. Расстояние между крайними камнями (177 и 194) с промером через очаг – 6 м. Расстояние от очага до камней из внешней обкладки – от 185 до 235 см. Во внутреннем пространстве, между очагом и внешней обкладкой, обнаружены рассеянные находки – 13 отщепов, долотовидное орудие, остриё, микронуклеус (Маслодудо, 2021).

В целом, структура представляет собой *жилище* с элементами разрушенного очага и полукольцевой деформированной внешней обкладкой.

Структура 5 (раскоп 2А). Системообразующим является очаг (кв. 69-71 М-О) (Рис. 30-33, 57, 59). Выложен из крупных, соразмерно подобранных валунов. Всего в конструкцию входит 27 камней (212-232). Они составляют контурную обкладку овальной формы. Размеры 2х1,3 м. Обкладка одноярусная, однорядовая, но в некоторых местах удвоенная по ширине. Возможно, допустить, что часть камней (216, 217, 219, 229) образовывала путём наложения второй ярус, благодаря чему высота бортиков очага выросла в 2 раза. Такая конструкция могла быть полезной при приготовлении пищи. Камни могли также нагреваться для того, чтобы

можно было их использовать как «грелки». На многих камнях заметны следы огня. Обкладка плотная, с небольшими разрывами в северо-восточной части. В западной части обкладки обращает на себя внимание кварцитовый валун (221), который имеет яркий, белый с красным, цвет, чем выделяется среди других тёмных по цвету очажных камней. Длинная ось очага ориентирована по направлению северо-восток - юго-запад. Заполнение темно-серое, обожжённое, золистое, уплотнённое, в виде прослойки мощн. 3-4 см. К западной части очага примыкает хозяйственная конструкция из серии камней (222, 237-239, 260, 261), таких же как очажные, обрамляющие округлую площадку диаметром 1 м.

Очаг с примыкающей конструкцией устроен на практически горизонтальной площадке. Поскольку поверхность КС 5 в зоне данного комплекса имеет равномерный наклон в сторону р. Мензы, то становится понятным, что она создана искусственно за счёт подсыпки с юго-западной стороны, где за краем очага образовался уступ высотой не менее 20 см.

Очаг находится в центре площадки, отмеченной находками. Зона с находками ограничена камнями, одиночными или образующими группу. Очевидную кладку длиной 2,66 м по направлению с юга на север, образуют 6 камней (195, 197, 207 – 211). Эту линию продолжает группа из 4 камней (204-206), близко лежащих друг к другу. С северо-западной стороны невозможной линии обкладки – 2 камня (262, 263). С юго-западной стороны – серия камней (241-259), не образующих точной линии, возможно, повреждённой в результате сползания камней на более низкие отметки по слабонаклонной поверхности. Примерные размеры площади, ограниченной указанной обкладкой - 6,0 м (по линии 70) на 5,27 м (по линии Н). Расстояние между очагом и внешними обкладочными камнями – до 2 м. Во внутреннем пространстве найдены артефакты, представленные, в основном, отщепами и мелкими обломками костей. Из орудий: скребок из отщепа, 2 скребла, 2 скребка, долотовидное орудие (Маслодудо, 2021).

В целом, структуру 5 можно оценить, как наземное жилище, с выразительным очагом на специально устроенной площадке, и внешней разреженной, в дальнейшем деформированной обкладкой. Структура 5 примыкает к северо-восточному краю структуры 4, что затрудняет разграничение между ними обкладочных камней.

Структура 6 (раскоп 2А) (кв. 74 – 76, К – М) (Рис. 57, 59). В северо-западной половине раскопа выявлено углисто-золистое пятно с прерывистой цветностью в виде тонкой плёнки, без заполнения, с 2 камнями (269, 270). Скорее всего, оно размыто и потеряло первоначальную форму. В пределах пятна найдены неправильная пластинка и скребло из отщепа, заготовка скребла из отщепа, микропластинка, серия мелких чешуек. Определена как *жилая площадка*. Возможно пятно, возникло в результате очистки очага из структуры 5.

С северо-восточной стороны от структуры 6 (линии 74 – 79) находится почти полностью свободное пространство (Маслодудо, 2021).

Структура 7 (раскоп 2Б). В западной части раскопа выявлен очаг с тремя обкладочными камнями (313-315) (Рис. 35, 57-58). Между ними - серое золистое пятно диаметром 70 см. Очажное заполнение - мощн. 8-20 см. Отмечается большая примесь охры, отчего серый золистый песок приобретает красноватый оттенок. Золистое заполнение расплылось в северо-западную сторону на 150 см. Кроме того зафиксирована серия из 11 золистых пятен размерами от 15 до 150 см., сопровождаемая отдельными камнями.

С юго-западной стороны в 2 м от очага расчищена плотная кладка из 24 речных камней, в основном, крупных (273-293). Её длина 230 см., максимальная ширина 75 см. Камни уложены на одной плоскости в 2-3 ряда, плотно друг к другу. Некоторые крупные камни налегают краями на соседние камни. Небольшие камни заполняют пустоты между крупными камнями или подпирают их края. Кладка ориентирована северо-запад – юго-

восток. Длинные оси камней ориентированы также. От края кладки на 150 см. к юго-востоку – ещё 2 крупных камня (271, 272).

С северо-восточной стороны от очага представлена группировка из 25 камней (316-340). Позиция камней в кладке разреженная, общее направление такое же как у очага. Скорее всего, структура кладки нарушена. Обе описанные кладки достаточно симметрично ограничивают пространство вокруг очага.

Структуру возможно условно определить, как *разрушенное жилище*, вошедшее в раскоп не полностью. В нём выявлено большое количество артефактов в виде многочисленных отщепов и микропластинок; из орудий найдены скребки и долотовидные орудия из отщепов, острия и резцы из микропластинок, микронуклеусы в разной степени подготовленности и сработанности. Особо отметим, что частичный размыв очага и появление золистых пятен вне очагов, вероятнее всего, связано с действием воды, вышедшей на уровень КС 5 во время паводка, что соответствует аллювиальному характеру несущих отложений.

Структура 8 (раскоп 2Б). В восточной части раскопа обнаружен очаг. Он выложен по поверхности 11 камнями со следами огня на поверхностях (351-362) (рис. 57-58). Из них 5 камней представляют собой крупные валуны длиной до 45 см. Размеры очага 110 x 80 см. В центре очага свободное пространство диаметром 40 см. При выполнении разреза очага выявлен заглубленный на 10 см. плоский камень 18x10 см. Следы очажного заполнения отсутствуют. С западного края очага находится крупный камень с 5 фасетками по краю (351). В зоне очага выявлено несколько мелких обломков костей. На расстоянии 70 см к северо-востоку находится группа из 6 камней (363-368); в 50 см к западу находится ещё один камень. Эти камни могли использоваться для различных целей, определяя зону приочажной площадки. Здесь найдены 2 микронуклеуса, скребок из отщепа, оббитая галька и единичные отщепы и микропластинки. Очаг можно считать индикатором *жилища*, уходящего за пределы раскопа.

Структура 9 (раскоп 2Б). Выявлена в северо-восточной части раскопа (Рис. 35, 57-58). Представляет собой линейную кладку длиной 6,2 м, вытянутую с северо-запада к юго-востоку. В кладку входит 7 камней, расположенных пунктирно (369-375).

Остеологические останки в слое немногочисленны. Определены зуб лошади, неполный роговой стержень сибирского горного козла, фрагменты нижней челюсти с зубами горного барана, обломки костей оленя и козых.

Итак, КС 5 отражает сложную планиграфическую ситуацию. Наиболее выразительная структура 5 – одноочажное жилище. Ряд структур (2,4,6,7,8,9) определены как частично разрушенные и предполагаемые жилища. Есть жилая площадка с кострищем (структура 3) и линейная конструкция (структура 1).

Культурный слой 6 изучен двумя участками, а конкретно в раскопах 1-2 и в раскопе 2Б, разделённых раскопом 2А, где этот слой пока не изучался. Общая раскопанная площадь 634 кв.м. КС 6 связан с тонкой иловатой прослойкой в ЛС 6. Мощность прослойки 3-4 см (Рис. 11-12). Отделен от КС 5 и 7 (сверху и снизу) песчаными прослойками мощностью по 15-20 см. Ориентировочный возраст -13400 л.н. В слое выявлен археологический материал в общей сложности 469 артефактов (Таб. 9; Рис. 113-114).

Выделено три структуры.

Структура 1 (раскоп 1-2). Представлена линейной каменной кладкой длиной 12 м, шириной до 1 м., состоящей из 79 камней (1-79) (кв. 36-46 Н-П) (Рис. 62, 64). В северо-западной части кладки выделяются три группы камней (48-79) с разрывами между ними до 1 м. В юго-восточной части – единая линия камней (1-45) длиной 5,5 м упирается в стенку раскопа. Между кладкой и юго-западной границей раскопа ещё 3 группы камней (80-110). От основной кладки в северную сторону на 8 м тянется «шлейф» из рассеянных камней (111-133). Со всей указанной зоной размерами, примерно, 13 на 8 м связана серия артефактов, в том числе 2 массивных скребла из речных галек чоппер, нуклеус из гальки с фасетками от сбитых отщепов, 106 отщепов и

чешуек, 2 микронуклеуса, 8 микропластинок, 7 атипичных пластинок, 3 пластинки с краевой ретушью, 10 скребков из отщепов, 11 долотовидных орудий, проколка из отщепа, кусочки охры, 7 обломков костей и фрагмент нижней челюсти среднеразмерного копытного и фрагмент моляра горного барана.

Описанная *линейная кладка* деформирована. Не исключено, что первоначальные планиграфические конфигурации были иные.

Структура 2 (раскоп 1-2). В северо-западной части раскопа (кв. 56-59 О,П) расположено углистое пятно овальной формы, размерами 4х2 м с заполнением мощн. 2-3 см (Рис. 62, 64). В пятне и рядом с ним найдены 272 отщепа и чешуйки, 7 микропластинок, 3 пластинки, пластинка с ретушью, отбойник и чоппер. Определяется как *жилая площадка*, на которой велось расщепление камня.

Структура 3 (раскоп 2Б). В северо-восточной части раскопа выявлен выразительный очаг (Рис. 36, 62-63). Представляет собой плотную каменную выкладку. Её параметры составляют 2,45 х 1,45 м. Если учесть деформацию, то размеры уменьшатся до 2,2 х 1,15 м. Форма подпрямоугольная. Использовано 23 камня (153-178) – это валуны и глыбы длиной от 20 до 50 см, ширина камней в 2 раза меньше длины. Высота, примерно, равна высоте. Верхушки камней выходят за пределы несущей иловатой прослойки. Камни располагаются вплотную друг к другу или с зазором в 10-20 см. Они уложены устойчиво с опорой на широкие поверхности, в один ярус. Верхние поверхности камней ребристые или угловатые. С северной стороны один камень «отсел» в сторону, примерно, на 30 см. С юго-западной стороны 2 камня сместились на 20 см в сторону реки в соответствии с небольшим наклоном слоя, отчего в кладке образовались свободные места. Боковые поверхности камней опалены огнём. В северной части кладки выявлен небольшой гранитный камень, прокалённый в огне, имеющий красноватый цвет. Золистое заполнение не установлено; скорее всего, оно было вымыто водой в процессе

последующего аллювиального накопления. Очаг базировался на не нарушенных аллювиальных отложениях с чёткой слоистостью.

По соседству с очагом найдено 14 отщепов, чоппер, 2 микронуклеуса, 5 микропластинок, долотовидное орудие, 2 обломка кости, скребок из отщепа. Вокруг очага, на расстоянии от него 1,5 -2,8 м расположено 13 камней (134-143, 150-152). Очаг образует центр *жилой площадки*, сам очаг сооружён основательно, но при этом интенсивность его использования незначительная, равно как окружающей его площадки.

Итак, в КС 6 изучена линейная структура (1) и две жилые площадки, при этом одна из них со скромным углистым пятном (2), а вторая – с весьма выразительным очагом со сплошной прямоугольной выкладкой.

Культурный слой 7. Изучен в раскопе 1-2 на площади 410 кв.м. Связан с тонкой илистой прослойкой мощн. 2-3 см, входящей в ЛС 6 и залегающей на 0,5 м ниже его кровли. Отделён от КС 6 и 8 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 20 см (Рис. 11-12). Ориентировочный возраст - 13600л.н. Представлен двумя структурами (Рис. 65). В слое выявлен археологический материал в общей сложности 69 артефактов (Таб. 9; Рис. 115).

Структура 1. В северной части раскопа расчищено углистое пятно, распавшееся на три части. Общие размеры 2,7x1,45 м. Найдены 2 косточки. Определена как *жилая площадка*.

Структура 2. В центральной части раскопа выявлены рассеянные находки, включающие в себя 7 микронуклеусов, 2 пластинки с ретушью, 5 микропластинок, 16 отщепов, отщеп с ретушью, трансверсальный резец, долотовидное орудие, 2 костяных шила. Фауна представлена 34 обломками костей, в т.ч. тазовой, плечевой и позвоночной, костями крупных и среднеразмерных (козьих) животных и фрагментом нижнего моляра сибирского горного козла. Из крупных животных, предположительно, выделяется бизон. Определена как *жилая площадка*.

Итак, КС 7 представлен 2 жилыми площадками, из них первая – с углистым пятном, вторая – с рассеянными находками.

Культурный слой 8 изучен в раскопе 1-2 на площади 410 кв.м. Связан с тонкой илистой прослойкой мощн. 2-3 см, входящей в ЛС 6 и залегающей на 0,7 м ниже его кровли. Ориентировочный возраст -13800 л.н. Отделён от КС 7 и 9А (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. 20-30 см (Рис. 11-12). Выделено 2 структуры (Рис. 39-40, 66). В слое выявлен археологический материал в общей сложности 323 артефакта (Таб. 9; Рис. 115-6-14; 116-117).

Структура 1 (раскоп 1-2). В южной части раскопа выявлено золистое пятно с углистыми вкраплениями мощн. до 4 см. Видимые размеры 2,84x1,82 м. Уходит под стенки раскопа. Контур раскрытой части золистого пятна имеет дугообразную форму. Представляет собой размытое кострище. С ним связаны микропластинка, микропластинка с ретушью, скребок из отщепя, концевой скребок из пластинки, микронуклеус, 32 мелких отщепя, 13 косточек. На площадке рядом с размытым кострищем найдены: 3 долотовидных орудия, 2 концевых скребка из пластинок, пластинка, 2 микронуклеуса, 7 микропластинок, проколка из отщепя с тонким жальцем, остроконечник из подтреугольной пластины, 27 отщепов, 11 косточек. Определена как *жилая площадка*.

Структура 2 (раскоп 1-2). В центре раскопа выявлено серое золисто - сажистое пятно фигурной формы. Его длина 8 м при ширине от 2 до 5,4 м. Размытая и растоптанная зола образует плёнку толщиной не более 1 см. В пятне и вокруг него найдены артефакты, в том числе 2 подпризматических нуклеуса, 2 нуклевидных желвака, 6 микронуклесов, 9 долотовидных орудий и 5 скребков из отщепов, 155 отщепов, костяное шило из ребра животного длиной 13,6 см, обломок ребра с пришлифованной поверхностью, 28 мелких обломков костей и зубов благородного оленя и бычьих. С южной стороны примыкает золистое пятно округлой формы диаметром 1,2 м с обрамлением из 3 камней. Найдены 4 микропластинки и 4 отщепя. Определена как *жилая площадка*.

Итак, в КС 8 выделены 2 структуры в виде жилых площадок с золистыми пятнами.

Культурный слой 9А изучен в раскопе 1-2 на площади 410 кв.м. Связан с тонкой илистой прослойкой мощн. 2-3 см, входящей в ЛС 6 и залегающей на 0,8 м ниже его кровли (Рис. 11-12). Возраст – 14300 л.н. Отделён от КС 8 и 9Б (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 30 см. Представлена единственной структурой, обозначенной линией длиной 132 см из 5 камней. Камни – 15-40 см. Ориентировка – восток-запад. Кроме того – отдельные камни в свободном положении. Из артефактов – долотовидное орудие из отщепа, 6 мелких отщепов, 28 обломков костей, в т.ч. крупных и среднеразмерных копытных. Структура определена как *жилая площадка* с артефактами и экофактами. В слое выявлен археологический материал в общей сложности 49 артефактов (Таб. 9; Рис. 118-8, 14).

В северной части раскопа – единичные рассеянные находки: скребло из плоской расколотовой гальки с вентральной ретушью по овальному периметру и дорсальными подтёсками; здесь же косточка и 14 отщепов (Рис. 67).

Культурный слой 9Б изучен в раскопе 1-2 на площади 410 кв.м. Связан с тонкой илистой прослойкой мощн. 2-3 см, входящей в ЛС 6 и залегающей на 1,0 м ниже его кровли (Рис. 11-12). Отделён от КС 9А и 9В (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. 20 и 35 см. Возраст – 14350 л.н. В южной части раскопа выявлена структура, отмеченная дугообразной кладкой из 21 камня (рис 68). Размеры камней 10-30 см. Параметры площадки с находками внутри кладки 3,1x1,75 см. На этой площадке и с ней по соседству – проколка и скребок из отщепов, 3 микропластинки, 19 отщепов, 4 костяных орудия из обломков трубчатых костей, которые использовались (прочные края и острые концы) как шилья и скобели, мелкий обломок костяного изделия, 6 фрагментов верхнего моляра козых. В слое выявлен археологический материал в общей сложности 35 артефактов (Таб. 9; Рис. 118-9-13).

Итак, в КС 9Б выявлена *жилая площадка* с дугообразной кладкой неясного назначения.

Культурный слой 9В изучен в раскопе 1-2 на площади 368 кв.м. Связан с тонкой илистой прослойкой мощн. 1 см, входящей в ЛС 6 и залегающей на 1,35 м ниже его кровли (Рис. 11-12). Отделён от КС9Б и 9Г (сверху и снизу) стерильными прослойками по 35 и 25 см. Возраст – 14400 л.н. В южной части раскопа найдены долотовидное орудие, трансверсальный резец, 6 отщепов, 2 обломка ребра (Рис. 69).

Итак, в КС 9Б выявлена структура в *виде жилой площадки* с находками.

Культурный слой 9Г изучен в раскопе 1-2 на площади 368 кв.м. Связан с тонкой илистой прослойкой мощн. 1 см, входящей в ЛС 6 и залегающей на 1,5 м ниже его кровли. Отделён от КС 9В и 10А (сверху и снизу) стерильными прослойками по 15 и 10 см (Рис. 11-12). Возраст – 14450 л.н. На кв. 41-42 Л-Ц найдены обломок микроорудия и 7 косточек (Рис. 70).

Итак, в КС 9Г *выделена жилая площадка* с единичными находками. Ориентировочный возраст – 14600 л.н.

Культурный слой 10А изучен в раскопе 1-2 на площади 368 кв.м. Связан с тонкой илистой прослойкой мощн. 1 см, входящей в ЛС 6 и залегающей на 1,6 м ниже его кровли. Отделён от КС 9Г и 10Б (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 10 и 15 см (Рис. 11-12). Возраст – 14650 л.н. Выявлены рассеянные артефакты в центральной части раскопа, в том числе: заготовка подпризматического нуклеуса, 4 микронуклеуса и ещё 3 заготовки, отбойник, 2 расколотые гальки, чоппер, 5 скребков, долото и резец (все из отщепов), 15 отщепов с ретушью, 10 микропластинок, 17 атипичных пластинок, 96 отщепов, 2 шила и отжимник из кости. Фауна представлена 64 обломками костей и 25 зубами, принадлежащие горному барану, лисице обыкновенной, крупным и среднеразмерным копытным, в т.ч. бычьим и козьим (Рис. 71). В слое выявлен археологический материал в общей сложности 184 артефакта (Таб. 9; Рис. 119-1-8).

Итак, в КС 10А *выявлена жилая площадка* с рассеянными находками.

Культурный слой 10Б изучен в раскопе 1-2 на площади 368 кв.м. Связан с тонкой илистой прослойкой мощн. 1 см, входящей в ЛС 6 и залегающей на 1,75 м ниже его кровли. Отделён от КС 10А и 11 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн., соответственно, по 15 и 60 см (Рис. 11-12). Возраст – 14750 л.н. В южной части раскопа выявлены 22 отщепа и косточка (Рис. 72).

Итак, в КС 10Б выделена *жилая площадка* с рассеянными находками.

Культурный слой 11 изучен в раскопе 1-2 на площади 224 кв.м. Связан с заглиненной прослойкой песка мощн. 2-5 см., входящей в ЛС 7 и залегающей на глубине 0,5 м от его кровли. Отделён от КС 10Б и 12 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 60 и 10 см (Рис. 11-12). Дата по углю – 14830±390 (ГИН – 6116). В северо-восточной части раскопа выявлена *жилая площадка* с углисто-сажистым пятном, уходящая под бровку. На её поверхности - 28 камней без определённой системы. Размеры площадки 9,0х3,15 см. С площадкой связаны крупная пластина (длина 13,8 см.), 2 скребка из отщепов, 54 отщепа, 20 неопределимых обломков костей (Рис. 73).

Итак, в КС 11 выявлена *жилая площадка* с углистым пятном и находками.

Культурный слой 12 изучен в раскопе 1-2 на площади 145 кв.м. Связан с заглиненной прослойкой песка мощн. 2-5 см., входящей в ЛС 7 и залегающей на глубине 0,6 м от его кровли. Отделён от КС 11 и 13 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 10 см (Рис. 11-12). Возраст – 14900 л.н. Находки единичны и рассеяны на кв. 45-50 И-П. Приметно массивное скребло из отщепа с дорсальным оформлением. Найдены 3 пластины, 2 микронуклеуса, 2 долота, микроскребок, 51 отщеп, небольшой обломок костяного орудия с пришлифованной поверхностью и 3 фрагмента трубчатых костей. Один из отщепов имеет заполировку вдоль ретушированного края (скребок по шкуре) (Рис. 92).

Итак, в КС 12 выделена *жилая площадка* с находками.

Культурный слой 13 изучен в раскопе 1-2 на площади 145 кв.м. Связан с заглиненной прослойкой песка мощн. 2-5 см., входящей в ЛС 7 и залегающей на 0,7 м ниже его кровли. Отделён от КС 12 и 14 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 10 см (Рис. 11-12). Ориентировочный возраст- 15200 л.н. Находки единичны и рассеяны в центре раскопа. Найдены 4 микронуклеуса, пластинка, резец из пластинки, долото и остриё из отщепов, микропластинка с ретушью, 21 отщеп, 3 обитые гальки, отбойник, фрагмент нижней челюсти сибирского горного козла и 18 фрагментов костей мелкого млекопитающего (Рис. 75). В слое выявлен археологический материал в общей сложности 54 артефакта (Таб. 10; Рис. 119-9-18).

Итак, в КС 13 выделена жилая площадка с находками.

Культурный слой 14 изучен в раскопе 1-2 на площади 113 кв.м. Связан с тонкой илистой прослойкой песка мощн. 1-2 см., входящей в ЛС 8 и залегающей на 0,12 м. ниже его кровли. Отделён от КС 13 и 15 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 30 см (Рис. 11-12). Ориентировочный возраст- 15250 л.н. Единичные находки рассеяны в центре раскопа. Найдены 21 отщеп, фрагмент тазовой кости горного барана, вторая фаланга лошади, 4 неопределимые кости (Рис. 76).

Итак, в КС 14 выделена жилая площадка с находками.

Культурный слой 15 изучен в раскопе 1-2 на площади 113 кв.м. Связан с тонкой илистой прослойкой песка мощн. 1-2 см., входящей в ЛС 8 и залегающей на глубине 0,38 м от его кровли. Отделён от КС 14 и 16 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 26 и 12 см (Рис. 11-12). Находки единичны и рассеяны, в центре раскопа найдены 2 отщепа, крупная оббитая речная галька, 4 мелких косточки (Рис. 77).

Итак, в КС 15 выделена жилая площадка с находками. Ориентировочный возраст – 15300 л.н.

Культурный слой 16 изучен в раскопе 1-2 на площади 113 кв.м. Связан с тонкой илистой прослойкой песка мощн. 1-2 см., входящей в ЛС 8 и

залегающей на глубине 0,5 м от его кровли. Отделён от КС 15 и 17 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 12 и 40 см (Рис. 11-12). Находки единичны. В центре раскопа найдены 16 отщепов, 3 атипичные пластинки, 14 обломков костей (Рис. 78).

Итак, в КС 16 выделена *жилая площадка* с находками. Ориентировочный возраст – 15350 л.н.

Культурный слой 17 изучен в раскопе 1-2 на площади 113 кв.м. Связан с прослойкой глинистого песка мощн. 3-5 см., входящей в ЛС 9 и залегающей на 0,19 м. ниже его кровли. Отделён от КС 16 и 18 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 10 - 30 см (Рис. 11-12). Даты по углю – 15400±400 (ГИН-5478) и 16900±500 (ГИН-6117). По общей системе датировок первая дата предпочтительнее. Выделено две структуры (Рис. 41-42, 79). Их характеристика (под названием комплексы) представлена в публикации А.В. Константинова (Константинов А., 2001, с. 111-113). За счёт расширения раскопанного поля уточняются параметры, а также смысловая характеристика обеих структур.

Структура 1 (раскоп 1-2). Углистое пятно с заполнением мощн. до 2 см. Видимые размеры 3,8x2,4 м. В пределах пятна установлено 44 камня в виде мелких и средних галек и скальных обломков размерами от 5 до 28 см (41-84), расположенных бессистемно. Из 332 находок половина приходится на раздробленные обломки костей. Здесь же найдены микронуклеус, крупный подпризматический нуклеус, резец из бокового скола, 2 фрагмента пластинок с рабочей ретушью, 69 микропластинок, 5 неправильных пластинок, отщепы. Структура определена как *жилая площадка*.

Структура 2 (раскоп 1-2). Отделена от структуры 1 свободной полосой шириной 5 м. Представлена выразительным очагом овальной формы размерами 1,55x1,0 м. Очаг ориентирован по длинной оси восток-запад. В обкладку входит 13 камней удлинённой формы (7,13, 19, 21, 27, 29, 31, 35-37, 18, 19). Основная часть камней – монолитные речные валуны. Их длина от 20 до 55 см. Камни специально подобраны и аккуратно уложены с

ориентировкой длинных осей по контуру кладки. Камни стыкуются друг с другом. Иногда разъем между камнями заполняется небольшим камнем. По высоте камни, примерно, одинаковы и имеют ровные верхние поверхности. Заполнение очага – углистая масса мощн. до 4 см с серыми вкраплениями от пережжённой кости. Во внутреннем пространстве очага – несколько мелких камней (13-17, 26-28). Вокруг очага - углистое пятно в виде плёнки мощн. до 1 см размерами (вместе с очагом) 2,5x2,4 м. В пределах указанного пятна – ещё 16 камней (4-6, 8-12, 20-22, 24, 30, 32-34). По размерам, они заметно меньше очажных. За пределами пятна – 2 камня (2, 3). В южной части углистого пятна – 150 обломков костей, в т.ч. сибирского горного козла, бизона и козы. Здесь же найдены несколько микропластинок и отщепов. Капитально устроенный очаг свидетельствует о намерении его длительного использования. В связи с этим нельзя исключить, что он являлся центром *жилища*. Для оформления внешней обкладки этого жилища могли использоваться камни, оставшиеся вне контура очага, но с явной потерей предназначенных для них позиций. Очаг был, вероятно, достаточно быстро перекрыт аллювиальным песком и потому сохранился без повреждений.

По определению А.В. Константинова, отсутствие основательной обкладки жилого пространства вокруг очага ставит под сомнение правомерность выделения жилища и позволяет считать, что «очаг находился вне жилищного пространства и использовался для приготовления пищи, возможно, целой туши животного» (Константинов А, 2025, с. 160).

Итак, в КС 17 выделено 2 структуры: *жилая площадка с углистым пятном* и, предположительно, *жилище* или ещё одна *жилая площадка* с капитально устроенным очагом.

Культурный слой 18 изучен в раскопе 1-2 на площади 113 кв.м. Связан с прослойкой глинистого песка мощн. 3-5 см., входящей в ЛС 9 и залегающей на 0,29 м ниже его кровли. Отделён от КС 17 и 19 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 10 - 30 см (Рис. 11-12). Найдены атипичная пластина, микронуклеус, 18 обломков костей крупных копытных

и фрагмент лопаточной кости горного барана, обломок бедра лошади, предположительно, бизона (Рис. 80). В слое выявлен археологический материал в общей сложности 22 артефакта (Таб. 10; Рис. 120-1). Ориентировочный возраст – 15900 л.н.

Итак, в КС 18 выделена *жилая площадка* с находками.

Культурный слой 19 изучен в раскопе 1-2 на площади 113 кв.м. Связан с прослойкой глинистого песка мощн. 3-5 см., входящей в ЛС 9 и залегающей ниже его кровли на 0,48 м. Отделён от КС 18 и 20 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 20-10 см (Рис. 11-12). Выявлена *жилая площадка*. Её размеры 3x2,5 м. Уходит за пределы вскрытой площади в юго-западную сторону. Найдены микронуклеус, заготовка микронуклеуса, 5 микропластинок, микроскребок, 39 отщепов, 89 обломков костей от крупных копытных. Косточки и отщепы найдены также в соседних квадратах (Рис. 81). В слое выявлен археологический материал в общей сложности 148 артефактов (Таб. 10; Рис. 120-3-12). Ориентировочный возраст – 16950 л.н.

Итак, в КС 19 выделена *жилая площадка* с находками.

Культурный слой 20 изучен в раскопе 1-2 на площади 113 кв.м. Связан с прослойкой глинистого песка мощн. 1-3 см., входящей в ЛС 9 и залегающей ниже его кровли на 0,55 м. Отделён от КС 19 и 21 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. до 10 см. (Рис. 11-12). В слое выявлен археологический материал в общей сложности 315 артефактов (Таб. 10; Рис. 120-13-24; 121). Возраст -16980±150 (ГИН-5465) Выделено две структуры (Рис. 41-42, 82). Первоначальное описание выполнено А.В. Константиновым с использованием терминов «дальний и ближний комплексы» с ориентировкой на позицию по отношению к реке (Константинов А., 2001, с. 91- 96).

Структура 1 (раскоп 1-2). (Дальний комплекс). Структура располагается в северо-восточной части раскопа. Представлена 3 очагами, расположенными на одной линии. Общее углистое пятно, охватывающее

зону с очагами, образует овал, края которого уходят за пределы вскрытой площади. Видимые размеры 8x3 м. Вокруг очагов углистые пятна более интенсивные по цвету. Очаги по форме округлые с камнями по краям. Обкладки отчасти деформированы. Рядом с очагом № 1 – 93 находки, в т.ч. лыжевидный скол с микронуклеуса, 18 отщепов, 5 микропластинок, 69 косточек. В зоне очага № 2 – 21 отщеп, микропластинка, 23 косточки. В зоне очага № 3 – отщеп и 20 косточек. Очаги по заполнению двухслойные с мощностью прослоек 1-2 см. Отмечается явное сожжение костей.

Структура 2 (раскоп 1-2). (Ближний комплекс). Структура располагается в центральной части раскопа. Представлена 3 очагами, расположенными на одной линии, при этом один из очагов расчищен наполовину. По его краю – обкладочные камни. Видимые размеры 9,5x3 м. Средний очаг имеет обкладку из 68 камней. Скорее всего, первоначально камни определяли края, но отчасти сместились внутрь поверхности очага. Вокруг очагов – 83 находки, в том числе 3 торцовых микронуклеуса, 2 долотовидных орудия из отщепов, 2 концевых скребка на пластинчатых основах, 3 пластины с дорсальной краевой ретушью, угловой резец и проколка из пластинок, 6 микропластинок, 56 отщепов. Очаг с юго-восточной стороны по форме овальный, с отдельными камнями по краю. Заполнение – черная масса с серыми вкраплениями. Рядом с ним – 3 микронуклеуса, проколка, 24 микропластинки, угловой резец и концевой скребок, 62 отщепов.

Более 30 камней в зоне углистого пятна (вне очагов) могли изначально относиться к внешней обкладке жилища или же быть интерьерными внутри жилища.

Фауна представлена обломками костей бычьих, благородного оленя, лошади, горного барана (фрагмент первой фаланги), крупных и среднеразмерных копытных, сурка - тарбагана (локтевая, плюсовая и локтевая кости) и птицы.

Итак, в КС 20 выделено две структуры *в виде трёхочажных жилищ*.

Культурный слой 21 изучен в раскопе 1-2 на площади 72 кв.м. Связан с прослойкой глинистого песка мощн. 1-3 см., входящей в ЛС 9 и залегающей на глубине 0,62 м от его кровли. Отделён от КС 20 и 22 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. до 10 см. (Рис. 11-12). Возраст – 17190±120 (ГИН – 5456) и 17600±250 (ГИН – 6119). По общей системе датировок первая дата предпочтительнее. Выявлена выразительная *структура* в восточной части раскопа (Рис. 83). Форма полуовальная в виде углистого пятна, уходящего за пределы изученной зоны. Его размеры 4,0х2,6 м. В центре – округлый очаг с обкладкой из 5 камней, при этом один из камней сместился в центр очага. По углю из очага получено две даты – 17190±120 (ГИН-5464) и 17600±250 (ГИН- 6119). Под одним из очажных камней найдена костяная игла длиной 7,3 см, с ушком и обломанным остриём, а также косточка с 5 насечками по краю. Здесь же найдена проколка из отщеп. Вокруг очага найдено порядка 30 костей, в т.ч. бычьих, оленьих, в т.ч. благородного оленя и др. По линии контура структуры и близко к нему располагается 15 камней размерами до 40 см., входивших во внешнюю обкладку. За пределами структуры, с тяготением к ней, - 11 косточек и отщеп. В слое выявлен археологический материал в общей сложности 60 артефактов (Таб. 10; Рис. 122-1-3).

Итак, в КС 21 выявлена структура, которую можно определить как частично раскопанное *жилище*; по видимой части – *одноочажное*.

Культурный слой 22 изучен в раскопе 1-2 на площади 64 кв.м. Связан с прослойкой глинистого песка мощн. 1-3 - см., входящей в ЛС 9 и залегающей ниже его кровли на 0,62 м (Рис. 11-12). Отделён от КС 21 и 23 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн., соответственно, 10 и 30 см. Выявлена *структура*, описанная А.В. Константиновым (Константинов, 2001, с. 120-122). Отличается чётким контуром углисто-золистого пятна полуовальной формы размерами 6х4 м (Рис. 84). Пятно уходит за пределы раскопа, в северо-западную сторону. Пятно представлено плёнкой мощн. 1-4 см. Поверхность пятна обозначена 84 камнями в виде речных валунов и

галеk и 16 скальными обломками размерами от 5 до 40 см. В середине расширенной части структуры выделяется очажная зона с явно обожженными камнями и более насыщенная углисто-золистой массой. Здесь можно выделить один большой или, скорее всего, два малых очага. Вариантность в оценке возникает в связи с нарушенностью очажных кладок. Остальные камни достаточно свободно располагаются во внутреннем пространстве структуры со смещением от изначальных позиций. С тяготением к очажной зоне размещались артефакты, в том числе три проколки, скребок, долото, резец, комбинированное изделие, 2 микропластинки, 19 отщепов. Найдено 50 разбитых костей, в т.ч. эпифиз второй фаланги бычьих, фрагмент диафиза бедренной кости горного барана, пястная кость бизона (?) фрагменты подъязычного комплекса и трубчатых костей крупного копытного животного. С юго-западной стороны от структуры в полуметре от него замечено 7 камней, которые, скорее всего, сместились с внешнего контура. В слое выявлен археологический материал в общей сложности 77 артефактов (Таб. 10; Рис. 122-4-13).

Итак, выделена структура, предположительно, частично вскрытое *многоочажное (?) жилище* с нарушенным внешним контуром. Ориентировочная дата -17500 л.н.

Культурный слой 23 изучен в раскопе 1-2 на площади 54 кв.м. Связан с прослойкой глинистого песка мощн. 1-3 см., входящей в ЛС 9 и залегающей ниже его кровли на 0,91 м. Отделён от КС 22 и 24 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн., соответственно, 30 и 10 см (Рис. 11-12). Возраст – 17800 л.н. Поверхность КС отмечена 15 угловатыми камнями, расположенными бессистемно (Рис. 85). В стороне от них найдены 6 отщепов, 32 обломка костей, в т.ч. обломок нижней челюсти бизона, фрагмент диафиз лучевой кости крупного копытного, фрагмент ребра и других костей среднеразмерного копытного, а также фрагмент симфиза нижней челюсти и изолированный третий резец *Bovinaegen. indet.* В слое

выявлен археологический материал в общей сложности 38 артефактов (Таб. 10; Рис. 123-1-2).

Итак, в КС 23 найдена *жилая площадка* с запасом строительных камней. Ориентировочная дата -17800 л.н.

Культурный слой 24 изучен в раскопе 1-2 на площади 54 кв.м. Связан с прослойкой глинистого песка мощн. 1-3 см., входящей в ЛС 9 и залегающей ниже его кровли на 1,0 м. Отделён от КС 23 и 25 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн. по 10 см (Рис. 11-12). Возраст – 18000 л.н. Выявлено 2 структуры (Рис. 86). В слое выявлен археологический материал в общей сложности 338 артефактов (Таб. 10; Рис. 123-3-4).

Структура 1. В западной части раскопа выявлено углисто-золистое пятно в виде тонкой плёнки диаметром 3,5 м, площадью 8,5 кв.м, уходящее за пределы вскрытой части раскопа. Вероятно, в центральной части пятна, находилось кострище с утолщённой до 3 см углисто-золистой прослойкой. Поверхность площадки отмечена 9 обломками гнейса. В пределах жилой площадки найдены 40 обломков костей, единственный отщеп. Уникальным для этого слоя является обломок костяной иголки с ушком.

Структура 2. В западной части раскопа, в 4 м. от структуры 1, расположена зона площадью около 10 кв.м., отмеченная 17 камнями, бессистемно расположенными. Между ними найдены 136 отщепов, 19 микропластинок, 4 пластинки, 136 обломков костей, особая находка – маленькая косточка с 5 короткими намеренными насечками. Фаунистические находки представлены останками сибирского горного козла (фрагменты диафиза большой берцовой кости, черепа, нижнего моляра), крупного копытного (фрагменты диафиза большой берцовой кости, трубчатых костей, ребра и др.), среднеразмерного копытного (фрагменты позвонка и трубчатых костей).

Итак, в КС 24 выявлено две жилые площадки.

Культурный слой 25 изучен в раскопе 1-2 на площади 54 кв.м. Связан с прослойкой глинистого песка мощн. 1-3 см., входящей в ЛС 10 и

залегающей ниже его кровли на 0,1 м. Отделён от КС 24 и 26 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн., соответственно, 20 и 10 см (Рис. 11-12).

Зафиксировано небольшое углистое пятно (до 1 м) (Рис. 87). и в 4 м к северо – западу – 5 камней, образующих цепочку длиной 1 м. На 9 квадратах выявлены артефакты. Наиболее интересны микронуклеус, заготовка микронуклеуса и 35 микропластинок. Обнаружено 29 отщепов и 149 обломков костей, принадлежащих крупным и среднеразмерным копытным. Ориентировочная дата -18500 л.н.

Итак, в КС 25 выявлена жилая площадка с артефактами и экофактами.

Культурный слой 26 изучен в раскопе 1-2 на площади 24 кв.м. Связан с прослойкой илистого песка мощн. 1-3 см., входящей в ЛС 10 и залегающей ниже его кровли на 0,17 м. Отделён от КС 25 и 27 (сверху и снизу) стерильными прослойками мощн., соответственно, 10 и 20 см (Рис. 11-12). Возраст – 19000 л.н. Находки сосредоточены в 8 квадратах (Рис. 88).

Уникальна костяная игла из тонкой птичьей косточки со сквозным отверстием диам. 1 мм и обломанным остриём. Найдены 2 торцовых микронуклеуса, 27 микропластинок и пластинка. Представлено большое количество отщепов, расположенных рассеяно и группами – 224 экз. Фаунистические останки представлены фрагментами нижней челюсти с зубами сибирского горного козла. В слое выявлен археологический материал в общей сложности 272 артефактов (Таб. 10; Рис. 123-5-11). Ориентировочная дата -19000 л.н.

Итак, в КС 26 выявлена жилая площадка с артефактами и экофактами.

Культурный слой 27 изучен в раскопе 1-2 на площади 24 кв.м. Связан с прослойкой илистого песка мощн. 1-3 см., входящий в ЛС 10 и залегающей ниже его кровли на 0,3 м. Отделён от КС 26 (сверху) стерильной прослойкой мощн. 13 см (Рис. 11-12). Находки рассеяны по 4 квадратам (Рис. 89). Наиболее интересен торцовый клиновидный микронуклеус. Кроме того, выявлены отщеп и 4 неопределимых кости. В слое выявлен археологический

материал в общей сложности 6 артефактов (Таб. 10; Рис. 123-12-15). Ориентировочная дата -20000 л.н.

Итак, в КС 27 выявлена жилая площадка с артефактами и экофактами.

Ниже КС 27 вскрыты стерильные старичные отложения, мощн. до 2 м (ЛС 11), опирающиеся на галечник.

2.3. Жилища и поселения

Исследование палеолитических жилищ является одним из основных направлений в забайкальской археологии. Жилища открыты на поселениях Толбага, Куналей, Студеное-1, -2, Читкан, Косая Шивера-1, -2, Усть-Менза-1, -2, -3, -4, Сухотино-4. Их характеристика, а также принципы и методы изучения отражены в монографиях и диссертациях (Окладников, Кириллов, 1980, Базаров и др., 1982, Константинов М., 1994, Константинов А., 2001, Филатов, 2016, Разгильдеева, 2018). Особо отметим, что материалы поселения Усть-Менза-2 из культурных слоёв 17, 20, 22 анализировались А.В. Константиновым (Константинов А.В., 2001). Опыт исследований палеолитических жилищ в полной мере используется автором при раскрытии и определении новых структур, открытых на Усть-Мензе-2.

Жилища являются важнейшим элементом поселений. На Усть-Мензе-2 в качестве строительного материала для контурного основания жилищ использовались речные камни, преимущественно сильно окатанные. Каждый речной камень является первичным строительным элементом. В палеолитических слоях, раскопанных на обширной площади, выявлено 16 одноочажных жилищ с внешними обкладками из речных валунов с артефактами и экофактами во внутреннем пространстве. Такие жилища изучены в КС 4 (структуры 5, 6, 8, 9), КС 4/2 (структуры 3, 4) КС 5 (структуры 2, 4, 5, 7), КС 21 (структура 1). Основания жилищ округлые. Их диаметр варьирует, но, как правило, приближается к 5 м. Все жилища наземные. Во внешней обкладке используется от 22 до 37 камней. При этом характер кладок дискретный, с размещением камней группами, попарно или

точечно. Очаг располагается в центре внутрижилищного пространства. Все очаги имеют собственную каменную обкладку по всему контуру или дугообразную, открытую с одной стороны. В жилище в КС 5, структура 7 для очага подготовлена горизонтальная площадка за счёт выравнивания слабонаклонной базовой поверхности. Такая ситуация установлена впервые. Полы жилищ естественные грунтовые. В жилище из КС 4, структура 6 существовал усложнённый вход в виде тамбура длиной до 2 м, позволяющий удерживать тепло в жилище. Такой же тамбур выявлен у двух жилищ на поселении Толбага на р. Хилок (Константинов, 1994, с. 49-50, 142) (Таб. 12).

Верхняя конструкция жилища не сохраняется ни в каких элементах, но нет сомнений в том, что она существовала, поскольку замкнутое пространство на плоскости, включающая в себя очаг, предполагает замкнутый объём над плоскостью. Существование этого объёма обосновывается жизненной логикой, основанной на том, что существование без жилищ невозможно. Жилища необходимы в любой природный сезон, холодный или тёплый, сухой или влажной. Они тем более были необходимы в эпоху сарганского оледенения с продолжительными зимами и коротким летом.

Одним из принципиальных положений в идентификации и реконструкции жилищ является привлечение этнографических данных (Симченко, 1976, с. 162-165; Василевич, 1969, с. 109-119; Мазин, 1992, с. 12-17, с. 109-119; Старцев, 1996, с. 26-39; Туров, 2008; История и культура..., 2010; Туголуков, 1969, 2013). Конкретное сравнение палеолитических жилищ, с опорой на жилища из палеолитических слоёв Студёного-1, и остатков этнографических жилищ забайкальских эвенков, реально существовавших в 1950-70-х годах, проведено О.В. Кузнецовым (Кузнецов, 1996, 2003а, 2003б, 2006). Он отметил сходство характера и параметров каменных кладок (вплоть до количества камней в них) из оснований жилищ;

различия заключались только в том, что в эвенкийских жилищах не было очагов, их заменили железные печки.

Существенное значение имеет опыт организации полевых археологических лагерей, включающий в себя экспериментальное строительство и использование жилищ, соответствующее возможностям и практике палеолитического человека.

Жилища возможно реконструировать в виде чумов. Отсутствие следов от каркаса жилища явно подсказывает, что изначально использовался органический материал, от которого ничего не сохраняется. Исключение, составляет след от обломка жерди (шеста) в жилище Усть-Мензы-3, КС 4 (Константинов М.1994, с. 91). Таким материалом могли быть тонкие, но прочные стволы деревьев, например, сосны или лиственницы, по-забайкальски – жерди, превращённые за счёт ошкуривания в шесты. Толщина шестов (жердей) – 10-15 см. Они разворачиваются утолщённой частью вниз и размещаются по окружности, с наклоном во внутреннюю сторону, с образованием конической формы. Для начала устанавливаются три шеста, они образуют пирамиду. Она будет устойчивой, если один, а лучше – два шеста, будут иметь в верхней части прочные развилки (рогатины). В этом случае не потребуется других креплений. Остальные шесты укладываются на пирамиду, при этом верхушки шестов проталкиваются в образовавшиеся наверху разъёмы; это придаёт большую жесткость конструкции и уменьшает диаметр зоны схождения шестов. Нижние концы шестов, размещённые по периметру, на расстоянии около 0,5 м друг от друга вдавливаются в грунт под собственной тяжестью; выкапывание ямок или укрепление грунтом не требуется. При диаметре жилища равного 5 м для каркаса необходимо, как минимум, 16-18 жердей. Известно, что для покрытия в традиционных жилищах использовались шкуры или кожи (ровдуга), но ныне, нередко, вход идёт брезент, причём уже с начала XX в. Из этнографических наблюдений известно, что в качестве покрытия ещё использовалась берёзовая кора и (или) трава. Не исключая

таких вариантов для летнего времени, всё же заметим, что в аридном климате перегляциального Забайкалья с травой и с берёзовой корой были большие проблемы; трава была предельно низкорослой (похожая на стриженную), а берёзы редкими и тонкими.

В верхней части жилищного конуса оставляется свободное от покрытия пространство, предназначенное для выхода дыма. Особое внимание обращается на выбор ориентировки и оформление зоны входа между двумя заранее намеченными шестами. Позиция входа определяется в зависимости от характера местности. Нежелательно устраивать вход со стороны реки или вверх по течению реки, поскольку холодный воздух будет активно проникать в жилище. К входу может быть пристроен тамбур.

С внешней стороны нижние края покрытия, устроенного с напуском, придавливаются камнями. Камни размещаются в устойчивой горизонтальной позиции с ориентировкой их длинных осей в соответствии с линией периметра жилища. Их масса удерживает покрытие в натянутом и прижатом к грунтовой поверхности состоянии. Следует отметить преимущество оглаженных водой валунов перед угловатыми глыбами, которые могут повредить покрытие. Камни укладываются на края покрытия между концами шестов. Они удерживают не шесты, поскольку в этом нет необходимости, а края покрытия. Самым опасным для такой конструкции является сильный ветер, пробившийся внутрь жилища; он разносит покрытие, отрывая его от каркаса.

Можно ли обойтись без каменных обкладок по периметру основания жилищ? Камни возможно заменить снегом или дёрном, но совершенно очевидно, что люди палеолита отдавали предпочтение камням, с которыми было значительно меньше проблем. Их было легко отодвинуть при сушке пологов или разборке жилища. Их не надо было выискивать и приносить издалека; они могли использоваться длительное время и многократно.

Экспериментальная практика показывает, что для устойчивости в основу созданного конуса должен быть положен равнобедренный

треугольник (Рис. 124-127). Если диаметр жилища составляет 5 м, то и высоту его следует сделать такой же. Жилище, вытянутое вверх, может быть опрокинуто ветром. Приземлённое жилище теряет внутренний полезный объём. Длина каркасных шестов должна быть не менее 6,0 м. При этом верхние концы шестов будут подниматься над конусной вершиной где-то на полметра, образуя обратную пирамиду, похожую на ветлу, отчасти прикрывающую верхний проём. Для пользы дела на верхних полуметрах жердей можно оставить ветки; они дополнительно прикроют дымовой проём.

Внутри жилища, как это демонстрируют материалы культурных слоёв, устраивался очаг с обкладкой из камней. Обитание в экспериментальных чумах показывает, что огонь в очаге должен удерживаться в нижней плоскости; нельзя допускать всплесков пламени. Для этого надо использовать тонкие сухие ветки, щепки, кору. Следует позаботиться о том, чтобы параметры горючего материала были соразмерны очагу, т.е. его длина не превышала бы очажный диаметр. Поскольку соблюсти это было не всегда возможно, то в некоторых очагах оставляли открытой одну из сторон. Именно с открытой стороны древесный материал подталкивался к центру. Отсутствие обкладочных камней с одной стороны позволяло избежать перегорания «деревяшек» со седанием горящих частей в сторону от очага. Конкретные наблюдения, основанные на обитании в таких жилищах, позволяет установить, что в очаге нельзя устанавливать горючий материал пирамидкой, поскольку при этом резко возрастает тяга и поток искр, возносящихся к верхнему проёму, отчего покрытие может загореться. Огонь по покрытие распространяется с верху вниз с большой скоростью.

Самым лучшим топливом в жилищных очагах является высушенная кость. Она сгорает медленно, без искр и даёт много тепла и похожа в этом отношении на уголь. От сгоревших костей остаётся серый уголь и пепел, что наблюдается во многих древних очагах усть-мензинцев. Очаг периодически очищался от золы; это делалось для того, чтобы она не перекрыла каменную

обкладку, растекаясь и растаптываясь по сторонам. Реальная мощность углисто-золистых прослоек – от 1 до 4 см. В единичных случаях – до 15 см. Зола высыпалась чаще всего в стороне от жилища, образуя подобие кострища (см., например, КС 5, структура 6). Постфактум очаги могли освободиться от углисто-золистого заполнения при затоплении площади поселения во время подъёма воды в реке.

Очажный дым, несмотря на проём в верхушке конуса, заполняет верхний объём жилища. Образуется дымовой потолок, очень плотный, серо-чёрный, визуально наблюдаемый. При правильно устроенном жилище высотой 5 м., такой потолок оставит свободным от дыма пространство высотой от пола 1,5 – 2 м., что позволяет внизу свободно дышать. В этой зоне отсутствует не только дым, но и угарный газ. В верхней части жилища дым настолько густой, что совершенно не позволяет сделать даже несколько вдохов. Но этот густой дым может быть полезным для копчения мяса, для просушки и избавления от насекомых шкур, одежды и других вещей. Дымовой потолок удерживает в нижней части жилища тёплый воздух. Очажный огонь и дым изгоняют из жилища мышей и гнуса. Небольшого, но устойчивого огня в очаге достаточно для обогрева жилища. Даже в зимних условиях в жилище сохраняется плюсовая температура (в зоне пяти градусов). Вместе с тем не лишним было устройство входа с тамбуром, удерживающим прямое проникновение холодного воздуха внутрь жилища (КС 4, структура 6).

В очаге можно нагревать камни и использовать их для личного обогрева ночью или во время отдыха. Так поступают в холодное время полевики, охотники и туристы, ночуя у костра или в палатке.

В чём состоят особенности жилища в виде чума? В таком жилище все конструктивные элементы сведены к минимуму. В нём не представлены по отдельности стены и крыша, они заменяются единой конической формой с наклонной концентрической поверхностью покрытия, не имеющей каких-либо резких переходов и углов. Наклон всех составляющих этой

поверхности к центру придаёт конструкции особую устойчивость и уменьшает парусность. Искусственное основание в таком жилище отсутствует. Оно имеет грунтовый пол, который, возможно, выстилался шкурами животных. Тем не менее, сама по себе грунтовая поверхность внутри жилища приводилась в порядок. Травянистая растительность, даже если она мелкая, собирает влагу, в т.ч. утреннюю росу. Даже корешки от удалённой травы собирают влагу. В связи с этим желательно обжечь поверхность грунтового пола до сооружения жилища или внутри жилища рассыпать горячую золу по его грунтовому полу.

Существенное значение имеет опыт изучения жилищ на других поселениях Чикоя и Мензы. Они обнаружены на соседнем поселении Усть-Менза-1 в КС 8 (поздний мезолит), 11, 12 (ранний мезолит), 16, 18, 25 (верхний палеолит), в палеолитических слоях на поселении Студёное-1 (КС 17, 18/2, 19/3, 19/4), на поселении Студеное-2 (КС 3, 4/5, 5), Косая Шивера-1 (КС 14). (Константинов М., 1994, Константинов А., 2001). Все жилища объединяет то, что они наземные, одинарные (т.е. одноочажные) с чёткими каменными обкладками. В некоторых случаях на памятниках-аналогах каменные обкладки более плотные (сплошные, перманентные), тогда как на Усть-Мензе-2 кладки с разрывами (дискретные). В группе аналогов есть жилища меньших размеров, например, диаметром в районе 3 м. В таких случаях высота жилища также должна уменьшаться, а вместе с ней и внутренний объём, в т.ч. за счёт снижения дымового потолка.

Второй вариант жилищ на Усть-Мензе-2 – трёхочажный. Они выявлены в КС 4 (структуры 3, 10) и в КС 20 (структуры 1, 2). Очаги расположены в одну осевую линию в едином внутреннем пространстве жилища. Жилища имеют внешние каменные обкладки, но деформированные в результате тафономических процессов или физических усилий самого древнего человека. В силу этого параметры этих жилищ устанавливаются только ориентировочно: по длине – до 11 м., по ширине – 4-5 м. Расстояния между

очагами недостаточны для разграничения каждой из структур на три самостоятельных одноочажных жилища.

Обращаясь к аналогиям, отметим, что на ряде памятников также выявлены многоочажные жилища с очагами в одну линию. Так, на поселении Санный Мыс в КС 6 изучено жилище с 3 очагами в одну линию внутри мощной перманентной кладки из 115 камней (Васильев С.Г. и др., 1993). На Усть-Мензе-3 в КС 4 найдено жилище с 4 очагами и внешней дискретной обкладкой (Константинов М., 1994). На поселении Косая Шивера-2 – с 5 очагами и перманентной внешней обкладкой (Константинов А., Филатов. 2016, 2017). На поселении Студёное-2 – с 6 очагами и внешней обкладкой в виде сочетания дугообразных каменных линий с длинных сторон и полукружных с коротких сторон (Константинов, 2001). Указанные объекты подтверждают возможность существования многоочажных жилищ. Наличие единых обкладок и близко расположенных по отношению друг к другу очагов указывает на то, что они имели единую структуру и общее внутреннее пространство. Расстояния между очагами незначительны (не более двух метров) и не допускают деления единого комплекса на самостоятельные жилища, поскольку очаги могут оказаться в опасной близости к внешнему наклонному покрытию. Полная реконструкция внешней формы таких жилищ в полной мере ещё неясна, но, скорее всего, здесь не обходилось без длинных коньковых жердей, поддерживающих кровлю, и имеющих дополнительные внутренние жердевые опоры.

Внутри одноочажных и многоочажных жилищ велась разнообразная хозяйственная деятельность. На полу жилищ сосредоточены артефакты, свидетельствующие о расщеплении камня, такие как наковальни, отбойники, нуклеусы, множество отщепов и чешуек, неудачные пластинки. Выявлены орудия разных типов, в том числе скрёбла, скребки, ножи, проколки, долота, остроконечники и т.д. Их формы и оформление, а в некоторых случаях трасологически выявленные следы, указывают на обработку и раскройку шкур, обработку кости и дерева, разделывание мяса. Отдельные изделия,

например, остроконечники и острия, относятся к охотничьему вооружению – копьям и дротикам. Наиболее сохранившаяся и выразительная рабочая зона в жилище представлены в КС 4, структура 6 и в КС 5, структура 7.

К сложно распознаваемым структурам по их назначению относятся внешне самые простые конструкции. Такими являются линии, или полосы из камней длиной от 3 до 13 м. без связки с очагами и артефактами, непременно, искусственные, валунные. Камни могли располагаться в условные 1, 2, 3 ряда с разрывами между ними. Их характер подсказывает формы реконструкции в виде плетневых загородей с укрепленным камнями основанием, полезных как ветровые заслоны или заслоны от ливневых и грязевых потоков или же в виде жердевых конструкций для хозяйственных целей, например, для просушки шкур, кожи, одежды, пологов. Линейные конструкции нередко располагаются вдоль бровки террасы, как бы обозначая её край. Такие конструкции, только в натуральном, а не в остаточном виде, также находят аналогии на таёжных поселениях сибирских народов в виде ветровых заслонов и рабочих загородей для просушки и прочих надобностей (Старцев, 1996, с. 26-39).

Внешне бесформенные скопления камней, но обязательно локально ограниченные и одноярусные, могли представлять собой запасы строительного камня на длительное зимнее время, поскольку в этот период речной камень вмерзал в грунт на береговом пляже или же перекрывался льдом или снегом и потому становился труднодоступным. Эти же камни были пригодны как материал для изготовления орудий, особенно крупных и массивных.

Особо представим КС 3, относимый к финальному палеолиту (10,8-10,3 тыс. л.н.). В планиграфической структуре слоя выделяется серия концентрических (круговых) обкладок, соответствующих жилищам, но без очагов и кострищ. Артефакты и единичные обломки костей (косуля) также не привязаны к жилищам. Скорее всего, это связано с существенной деструкцией слоя, формировавшегося в очень холодное норильское время.

По другим памятникам Забайкалья к норильскому времени, согласно находкам гарпунов (Ошурково) и наконечников стрел (Усть-Менза-1), привязывается ранний мезолит, но КС 3 Усть-Мензы-2 не содержит явных индикаторов наступления этой эпохи. С КС 3 связано погребение в грунтовой овальной яме с останками плохо сохранившегося скелета мужчины 30-40 лет и без погребального инвентаря (Васильев С, Боруцкая, 2013).

Наиболее выразительные планиграфические поселенческие картины, состоящие из комплексов структур, раскрыты на обширной площади в КС 4, 4/2, 5, 6, 17, 20, 21, 22. Их анализ показывает, что одна и та же поверхность обитания могла использоваться многократно, при этом жилища строились, перестраивались, перемещались, разрушались. Строители жилищ могли забирать камни из обкладок старых жилищ, оставляя на поверхностях фрагменты (обрывки) кладок. Перемещение жилища на соседний микроучасток могло осуществляться по многим причинам, например, как на более ровный или защищённый от дождевой воды или таяния снега, более освещённый или безопасный т.д. (Маслодудо, 2023).

Так, в КС 4 на площади 834 кв.м. раскрыто восемь структур в виде разнообразных каменных кладок. В этом слое выявлено выразительное жилище с очагом, рабочей зоной и тамбуром (структура 6) и три жилища с частично сохранившимися внешними обкладками и очагами (структур 7, 8, 9). В этом же слое расчищены два трёхочажных жилища (структуры 3 и 10), жилая площадка с тремя сближенными очагами (структура 1), каменная «загородь» (структура 2) и «склад» камней (структура 4).

На такой же площади как КС 4 изучен КС 5. Центральное место занимает крупное одноочажное жилище размерами 6 х 5,27 м. с искусственной площадкой под очагом за счёт грунтовой подсыпки (структура 5). Здесь же изучены жилые площадки с кострищами, разрушенными или целыми очагами, но без очевидных внешних обкладок (структуры 2-4, 6-9), а также 13-метровая линейная кладка.

В нижней части разреза отложений, в КС 20, раскрыто два 3-очажных жилища, расположенных параллельно друг другу, а в КС 22 - похожий комплекс, но вскрытый частично и пока только с одним очагом.

В некоторых палеолитических слоях (КС 4/3, 4/4, 7-16, 18, 19, 23-27) представлены планиграфические ситуации, в которых нет бесспорных и сложных структур в виде оснований строительных сооружений, но присутствуют такие элементы как очаги, кострища, сажистые или золистые пятна, артефакты и экофакты, расположенные концентрировано или рассеяно. Они определены как жилые площадки, функционировавшие под открытым небом, и названы условно структурами, что позволяет выполнить описание в едином ключе, последовательно и системно. Не исключается, что при расширении площади вскрытия некоторые из жилых площадок окажутся в окружении самостоятельных структур и превратятся в межжилищные пространства.

Особо обращают на себя внимание тщательно устроенные очаги из КС 6 и 17. Их устройство свидетельствует о предназначении к длительному использованию. В связи с этим нельзя исключить, что они располагались в жилищах, но конструкция этих жилищ, если она и была, себя в полной мере не проявляет. Отметим также, что очаги определяются не только по конфигурации и размерам обкладок. Показательны следы огня в виде красного обжига на поверхности камней и наличие углисто-золистых чёрных или серых прослоек, выстилающих внутреннее пространство.

Некоторые структуры входят в раскопчное полечастично, в силу чего определение их может быть только предварительным и ориентировочным.

Ещё раз подчеркнём: в рамках каждого КС могло происходить не только строительство жилищ, но и их перестройка. Не все жилища из одного КС строились и эксплуатировались строго одновременно. Строители жилищ могли забирать камни из обкладок старых жилищ, оставляя на поверхностях фрагменты кладок.

Свою лепту в деструкцию КС вносила природа. Даже небольшой наклон поверхности обитания подталкивал камни к смещению по поверхности на более низкие отметки. Во-первых, действовали гравитационные силы. Во-вторых, влияли осадки, особенно ливневые, и ветер, выдувающий песок из под камней. На позицию камней влияет растительность, и древесная, с большими корнями, и травянистая, не только обволакивающая камни, но и сдвигающая их с места.

Нельзя забывать и про то, что большинство палеолитических КС связано с аллювиальными отложениями, а это значит с периодическими приходами водного потока, хотя и тихого, не струевого. Судя по характеру отложений, сам водный поток в данных условиях не приводил к серьёзным нарушениям, поскольку был боковым (латеральным), но при замерзании воды, образовавшаяся ледовая масса могла вбирать в себя, а в дальнейшем уносить какие-то камни. Определённую роль играли мерзлотные процессы, создающие полигональные поверхности, раскроенными мерзлотными клиньями и отмеченные деформациями, придающими поверхностям контур слабоамплитудной синусоиды.

Для понимания характера КС необходимо иметь в виду, что каждый из КС мог формироваться в результате достаточно длительного времени и многократного обитания.

2.4. Каменный и костяной инвентарь

Характеристика каменной индустрии составлялась с учётом опыта типологических построений и морфологических описаний, применяемых исследователями забайкальского палеолита и палеолита Сибири в целом (Окладников, Кириллов, 1980, Константинов М., 1994, Константинов А., 2001, Ташак, 2005, 2016, Лбова, 2000). Особо ценными являются разработки З.А. Абрамовой, в том числе по классификации микронуклеусов (Абрамова, 1971, 1979 а, б, 1986), С.А. Васильева – по ансамблям позднего палеолита Верхнего Енисея (Васильев С.А., 1996), Г.И. Медведева и М.П.

Аксёнова - по унификации системы и терминологии в исследованиях палеолитических индустрий (Медведев и др., 1974, 1981, Аксёнов, 2009), Е.Ю. Гиря и П.Е. Нехорошев – по технологии расщепления камня (Гиря, 1997, Нехорошев, 1999).

Каменный инвентарь представлен во всех палеолитических КС. Наиболее полные коллекции получены по КС 3, 4, 4/2, 5, 6. Напротив, в некоторых слоях находки единичны, или же с преобладанием отщепов (КС 7-16, 18-19, 23-27). Полную картину раскрывают таблицы (Таб. 8-10).

Каменный инвентарь свидетельствует о зарождении и развитии микропластинчатой индустрии, основанной на использовании торцовых клиновидных микронуклеусов. В самых нижних КС (25-27) найдены примитивные микронуклеусы и мелкие микропластинки, свидетельствующие о зарождении этой техники (Рис.123-6-11,15). Данные КС отнесены к заключительной стадии средней поры верхнего палеолита (20-18 тыс. л.н.). Они входят в круг таких памятников как Читкан (КС 2), Фомичёво (КС 2-4), Мельничное (КС 1) (Константинов М., 1994). На материалах этих памятников заметна тенденция к формированию микронуклеоидной техники, что проявляется в смещении фронта с широкой поверхности на торец, уменьшению размеров нуклеусов и пластинчатых снятий. Возможность получения полезных удлинённых микросколов проявлялась при оформлении скребков высокой формы, резцов, долот, обушковых инструментов из вторичных основ. Всё это обозначает подступы к появлению микронуклеоидной техники. Особенность индустрии Усть-Мензы-2 в том, что в её нижних КС найдены реальные микронуклеусы и микропластинки, но в изначальном, архаичном виде. Данные микронуклеусы представляют из себя следующие формы. Их основами являются отщепы подтрегольных очертаний с утолщённым верхним краем. Дорсал и вентрал становился латералиями, а верхний край превращался в фронт. Ширина тела нуклеуса превосходит его высоту в 2 раза. С фронта отжимались микропластинки длиной 1,5-2 см и шириной 2-3 мм, изогнутые в плане и винтообразные в профиле. Такие же

формы микронуклеусов и микропластинок встречаются в КС 21-23. Вместе с тем на уровне этих КС возникают приёмы подправки ретушью площадки, латералей и клина нуклеуса. В вышележащих палеолитических КС наблюдается, как техника микронуклеуса становится более результативной, позволяющей получать серии микропластинок.

Палеолитические слои 4-24 характеризует позднюю пору верхнего палеолита. Микронуклеусы определяются чётко, уверенно, они имеют устойчивые, умело оформленные элементы, такие как фронт, латерали, ударная площадка, клин. Все микронуклеусы относятся к одному типу. В сибирской палеолитической типологии их принято определять как торцовые или клиновидные. Нами используются оба названия, в связи с чем нуклеусы именуются торцовыми клиновидными (Рис. 100; 101; 105-23-24; 109; 113-4-5; 115-2-14; 119-5-12; 120-3,10,12,13-14; 122-11-12). Особенность таких микронуклеусов заключается в том, что фронт, т.е. поверхность, с которой отжимаются микропластинки, располагается с торцовой стороны, а боковые (по отношению к фронту) стороны (латерали), образуют клин, занимающий позицию конфронта. Клин предназначен для зажима нуклеуса в вертикальном положении в процессе отжима микропластин с фронта. Клин может быть вертикальным, наклонным, дугообразным. В некоторых случаях клин располагается по антитезе с ударной площадкой, и некоторыми археологами называется килем. Латерали, или одна из них, образующие клин, оформляются разноформатными фасетками. Вторая латераль может быть плоской, однофасеточной, или даже сохранять первичную корку. Кромка клина выправляется и утончается мелкой краевой ретушью. Ударная площадка фасетируется. Фасетки мелкие, разнонаправленные, несогласные друг с другом, что проявляется и на рабочем контуре. Этот контур слегка приподнят, а сама площадка слабовогнутая и слабонаклонная. Такая конструкция позволяет точно и надёжно установить кончик отжимника на рабочем контуре. Фронт как основной элемент микронуклеуса предполагает чёткие границы. Они определяются: сверху - рабочей кромкой ударной

площадки, с боковых сторон – кромками латералей, а в опорной зоне – конечной точкой клина. Форма фронта – прямоугольная или подтреугольная, вытянутая, длина превосходит ширину в 3-7 раз. Фронт является наиболее утолщённой частью нуклеуса. Фронт покрыт серией фасеток-негативов, производных от снятых микропластин. Фасетки проходят через всю длину фронта, их ширина 2-5 мм. Идеальные варианты являются исключением. Во многих случаях фасетки обрываются с заломом в верхней трети или на половине, а по верхней кромке заметна бахрома или изъёмы от неудачных действий.

В качестве основы для микронуклеусов используются небольшие речные гальки, целые или, для уменьшения размеров и придания определённой формы, расколотые. При подборе исходных форм учитывалась конфигурация будущего тела нуклеуса со всеми его элементами. Их изначальные размеры, примерно, 5х5 см при толщине до 2 см. Но микронуклеусы могли быть и более крупные. Так, один из боковых микропластинчатых сколов, имеет длину 7,3 см при ширине 0,8 см, при этом степень вогнутости вентрала – до 1 см. В процессе производства микропластин масса нуклеуса уменьшалась, при этом латерали сужались, а пропорции нуклеуса удлинялись. Ударные площадки периодически подправлялись, а при необходимости радикально изменялись за счёт снятия «таблеток», т.е. своеобразных отщепов, определяемых по мелкой фасетированности одной из поверхностей; их толщина – до 0,5 см (в этом случае длина нуклеуса уменьшалась).

Несмотря на общий тип нуклеусов, формы и размеры конкретных нуклеусов строго индивидуальны. Они бесконечно изменчивы и неповторимы, что свидетельствует как о мастерстве древних «каменщиков», приспособляющихся к вариабельности исходных каменных форм, особенностей и качества породы, так и недостаточном основополагающем знании, не позволяющим получить более стандартизированную нуклевидную основу. В палеолитических слоях найдено около 115 микронуклеусов.

Негативы, оформляющие фронт, демонстрируют сложность процесса производства микропластинок; нередко они получались укорочёнными, изогнутыми, излишне узкими. Эти наблюдения, в более развёрнутом виде, выполняются по самим микропластинкам. Но, прежде чем перейти к микропластинкам, отметим, что истощённые до определённого размера микронуклеусы использовались, при небольшой подправке ретушью как скребки, ножи, долота, проколки, для работы по мясу, шкуре, дереву, что устанавливается трасологически.

Общее число микропластин обнаруженных в слоях верхнего палеолита достигает 966 экземпляров, без учета микропластин с ретушью, которых найдено всего 17. Подавляющая часть микропластинок представлена фрагментами длиной 1,5-2,5 см. Целые микропластинки составляют не более 10% от их общего числа. (Рис. 91-1-15; 94-1-23; 105-1-8; 106-1-21; 113-2-3,6; 115-1; 117-1-5; 118-1-7; 119-1-4,17; 120-4-8,11,23; 123-6-8). Длина целых микропластин (за редким исключением) не превышает 4см. Фрагментация могла происходить непосредственно при отжиге с нуклеуса. Она производилась и с готовыми микропластинками, поскольку они нередко были вентрально изогнутыми или искривлёнными в профиле. Большинство из них предназначались для пазов вкладышевых орудий. Обязательная черта вкладных наборных лезвий – прямоосносность, а также ширина не менее 0,5 см, с учётом погружения части полотна в паз вкладышевого инструмента. Производство микропластинок сопровождалось тщательным отбором наилучших образцов, при этом в отбросы уходила значительная часть неподходящей продукции.

Часть микропластинок, отобранных для использования как вкладные лезвия, ретушировались по краям с дорсала или вентрала. Ретушь позволяла получить более прочный рабочий край.

В целом, следует заключить, что микропластинчатая индустрия прошла полную стадию становления и стала важнейшим явлением и содержанием техники расщепления камня поздней поры верхнего палеолита. Вместе с тем

выявляются сложности и изъяны, заключающиеся, прежде всего, в относительно небольшом проценте микропластинок, полезных для использования.

Отчётливо устанавливается, что на уровне 20-18 тыс. л.н. происходит становление техники микронуклеуса. Её развитие происходит в период от 20 тыс. л.н. до, округлённо, 10 тыс. л.н. В этот период совершенствуются формы микронуклеусов, выше становится их продуктивность. Особое внимание уделяется фронтальной поверхности. Они покрываются тонкими желобками, похожими на архитектурные каннелюры. Меньше становится заломов. Фасетки ретуши на ударной площадке и латералиях становятся более соразмерными. Вероятно, существенное значение имеет введение в использование вкладышевых основ с пазами, происходящее в сибирском палеолите с 16 тыс. л.н. К сожалению, в отложениях Усть-Мензы-2 костяные орудия почти не сохраняются. Вместе с тем, несомненно, что основная ставка в работе с микронуклеусами делается на получение прямоосных основ, поскольку только такие микропластинки подходят для пазов. Заметим, что данные наблюдения сложно перевести в статистические данные, но и они имеют ценность, подчёркивая успехи палеолитических мастеров.

Существенной позитивной особенностью микронуклеоидной техники было то, что возможности её совершенствования, достигнутые в палеолите, были далеко не исчерпаны, и оно происходило в дальнейшие периоды эпохи камня и палеометалла, что демонстрируется в последующих разделах.

На фоне массово представленных в коллекции микронуклеусов, нуклеусы для пластин и пластинок, почти незаметны. По отдельным экземплярам устанавливается, что они были подпризматическими - однофронтальными, одноплощадочными – в культурных слоях с 3 по 27 обнаружено 13 подобных артефактов. Для таких нуклеусов подбирались речные гальки диаметром до 10 см. Уровень предварительной подготовки был минимальным. Ударные площадки оформлялись одним ударом, или же для этой цели выбирались подходящие естественные поверхности. С фронта сбивались пластинчатые

формы первого и второго ряда, сохранявшие в той или иной мере галечную корку. Судя по самим пластинкам (30), они были неправильными, несимметричными, нестандартными. Большинство пластинок остаётся без обработки, часть пластинок ретушировались по краям с дорсала (9). Они наиболее подходят для использования в качестве ножей, что в некоторых случаях подтверждается трасологически по микроизносам.

Для изготовления орудий широко использовались отщепы. Они легко сбивались с речных галек, специально отобранных, при этом обращалось внимание, помимо породы, на подходящее соотношение плоскостей. Такие нуклеусы возможно определять как ортогональные. Хотя в самом простом варианте они могут называться галечными. С таких нуклеусов сбивались отщепы разных размеров и крупные, и средние, и миниатюрные. К отщепам отнесена половина выявленных артефактов и их число составляет 3720 и 21 отщеп с ретушью.

Из крупных отщепов и расколотых галек ударной ретушью оформлялись скрёбла (16), при этом основные усилия затрачивались на подготовку рабочего края, выпуклого и длинного. Есть скрёбла с одним и двумя рабочими краями. В основном ретушь дорсальная краевая крутая. Только на одном экземпляре фасиальная дорсальная. У всех скрёбел индивидуальная форма. Есть скрёбла с тонким сечением и мелкой приостряющей ретушью по краю. Они могли функционально быть не только скрёблами, но и ножами. Все скрёбла индивидуальны по размерам и формам (Рис. 92-8; 93-5; 98-10-15; 99-1-4; 105-16-17; 113-1; 117-14; 118-14).

Из небольших отщепов с тонким сечением оформлялись скребки (86) разных очертаний, но всегда с дорсальной ретушью с дислокацией по одному краю, а в некоторых случаях - по периметру или его значительной части (Рис. 90; 91-23; 92-5,7; 95-10-17; 96-1-24; 105-12-15; 107-1-30; 108-1-12; 113-8; 116-1-9; 118-9-12; 119-14-16; 120-9; 122-1,9). Скребки имеют размеры от 1,5 до 5 см. Они подразделяются на округлые и концевые. Судя по боковым краям с замятостями скребки закреплялись в рукояти. Скребки до 1,5 см отнесены к

типу миниатюрных. Они имеют округлые очертания с дорсальной краевой ретушью по дуге от 90 до 360 градусов.

Отщепы служили основами долотовидных орудий (48), отличающихся специфическим оформлением рабочего края в виде фасеток, прилегающих к лезвию с обеих поверхностей; отчасти эти фасетки появляются в процессе работы от сильного давления на твёрдый материал. Нередко рабочее лезвие этих орудий изломано (Рис. 91-19; 98-1-9; 105-21-22; 108-10; 110-1-13; 117-12-13; 120-21; 123-2,14).

Выразительной серией представлены остроконечники (Рис. 97-10-11). Для их изготовления использовались удлинённые основы, радикально отформатированные с применением различных комбинаций ретуши, крутой и приостряющей, и подтёсок, углублённых и плоскостных, уложенных на дорсал и вентрал. Остроконечники могли быть ножами и наконечниками копий и дротиков.

Приметны острия – проколки из отщепов и пластинок с тонкими рабочими жальцами, сформированными или подправленными мелкой ретушью. Есть проколки из отщепов с 2-3 жальцами (Рис. 91-17; 97-1-9; 105-23-23; 111-1-7; 116-13-14; 117-5; 118-13; 119-13; 122-5,10). К остриям отнесены 10 экземпляров, а отдельную группу выделены проколки их количество составило 9 экземпляров.

Резцы чаще всего изготовлены из пластинок (17). Они выделены по резцовым сколам диагональной направленности, иногда дополненным аккомодационной ретушью по краям основы (Рис. 108-15; 111-9; 119-18).

Из целых галек оформлялись классического сибирского типа чопперы (14), отдельные скрёбла. Гальки использовались в качестве наковален, отбойников и, предположительно, лоцил-утюжков (для разглаживания швов и размягчения шкур животных) (Рис. 102-2; 103; 104; 114).

Орудийный набор и приёмы вторичной обработки достаточно стабильны в пределах поздней поры верхнего палеолита. Выявление различий и прогресса в развитии индустрии затрудняется сравнительно небольшими по

объёму коллекциями из нижних культурных слоёв данного памятника (КС 17-24). Единичны орудия и в его самых нижних слоях (25-27), относимых к заключительной фазе средней поры верхнего палеолита. Тем не менее весьма заметно, что в верхних палеолитических слоях (КС 3-6) орудия из камня более представительны и разнообразны с выразительной вариабельной ретушью.

Минерально-сырьевая база культурных слоев верхнего палеолита состоит из халцедона, яшмы, роговика, микрокварцита, причем в поздних, по хронологии, слоях разновидности сырья пополняются за счет песчаника, лампрофира, кварцита, горного хрусталя, кремня, празема и др. Яшма и халцедон относятся к приносимым с других мест минералам (Мороз, 2014, с. 97, 159-167).

Как отмечалось, костяные орудия единичны, что объясняется, прежде всего плохой «выживаемостью» исходной кости в конкретных геологических отложениях (Рис. 122-3-4; 123-9,13). Выявлено 5 игл сотверстиями в ушках из тонких птичьих костей (КС 4, 21, 26). Данные трасологического анализа двух игл свидетельствуют о развитой технологии производства изделий, а также о значительном уровне мастерства в их применении при сшивании шкур и кож (Викулова, Жилин, 2023). Обнаружено 7 шильев из обломков трубчатых костей с заострённой подрезкой рабочей зоны и пришлифованного в ходе работы острия (КС 4, 7, 10, 20, 22, 27). Некоторые обломки костей несут следы оббивки, пришлифовки и рабочей деформации. Предположительно они могли использоваться как ложила (КС 20, 25).

2.5. Образ жизни: материальное и духовное

Усть-Менза-2, обладающая значительным и разноплановым информационным капиталом, позволяет составить представление об образе жизни палеолитических общин. В культурных слоях этого памятника в материальном виде отразилась их жизненная стратегия, поселенческая и охотничья. Она основана на создании базового поселения как основной

формы обитания родовой общины. Такие поселения запечатлены в культурных слоях 3, 4, 4/2, 5, 6, 20, 21, 22 (возраст 10,3 – 17,5 тыс. л.н.). Каждый из них характеризуется сложной планиграфией с включением жилищ, очагов, межжилищных пространств, загородей от ветра и наносов, складней речного камня. Вместе с тем в структуре Усть-Мензы-2 представлены культурные слои 4/3, 4/4, 7 – 19, 23 – 27, свидетельствующие о кратковременном обитании на этом месте мобильных групп. Вероятно, в данном случае происходили посещения и размещения на этом месте небольших коллективов, ведущих охоту или передвигающихся в локальном пространстве с иными целями. (Вместе с тем, нельзя исключить, что при расширении площади вскрытия оценка данных КС может изменяться).

Несомненно, что палеолитические усть-мензинцы в течение многих тысячелетий выбирали для базового поселения или для кратковременных охотничьих лагерей одну и ту же естественную береговую, приподнятую над водой поверхность, которая незаметно для них видоизменялась в силу аккумуляции песчаных отложений за счёт действия природных сил.

Систематическое предпочтение этого места для организации базовых поселений и кратковременных посещений свидетельствует об его достоинствах. Они выражаются в двух сходящихся реках, служащих не только источником воды, но и естественными дорогами, водными, ледовыми и береговыми, с тропинками, протоптанными диким зверем. пойменная терраса (в дальнейшем ставшая надпойменной) с ровной или слабонаклонной поверхностью, позволяла расположиться на ней свободно, не сбиваясь кучно и тесно. Большую часть светового дня она освещалась и обогревалась солнцем. При этом была защищена от сильных ветров крутыми склонами ближайшей горы (Крестовая), а вместе с тем здесь нет полного безветрия и гнусо-комариного застоя. С вершин и склонов гор открываются перспективные виды, полезные, в том числе, для организации охоты. Вблизи из распадков вытекают два ручья – Кабаний и Воровской, по берегам которых есть проходы в горы и возможности охоты у водопоев животных. И

в настоящее время Усть-Мензинское урочище и его окрестности представляют большой интерес для охотников. В логах урочища в сартанскую эпоху произрастали древесные растения, без которых не построишь жилищные каркасы. На речных берегах – россыпи валунно-галечного материала, необходимого для строительства оснований жилищ, очагов и прочих конструкций, а также для изготовления каменных орудий.

Природная среда сартанской эпохи включала в себя богатый животный мир. Фауна представлена такими видами как сибирский горный козёл, горный баран (архар), бизон, быки, оронго, благородный олень, лось, лошадь, косуля, тарбаган, лисица, птицы (определение Н.Д. Оводова и А.М. Клементьева). Фауна аналогичных Студёновских поселений включает в себя носорога, бизона, винторогую антилопу, дзерена, что расширяет видовой список объектов охоты.

Палеонтологические материалы не содержат подсказок по части сезона охоты, но весь облик поселений с надёжными и разными жилищами, с нередким активным рабочим процессом внутри жилищ, позволяет предположить, что люди на этом речном берегу жили не только в тёплое время, у открытой воды, но и в холодное, зимнее, весьма длительное в сартанскую эпоху.

Охота, вероятно, велась и в хребте с его горными линиями, и в долинах, и неподалёку от поселения, и в отдалении. В последнем варианте перемещать до поселения туши животных без расчленения и отбора было затруднительно. Этим объясняется неполнота костной массы в культурных слоях. Впрочем, значительную роль в её переработке прямо на поселении играли его обитатели, используя кость как топливо. К тому же кость в супесчаных отложениях, тысячекратно замерзающих и оттаивающих, сохраняется очень плохо.

Палеонтологические материалы не содержат подсказок по части сезона охоты, но весь облик поселений с надёжными и разными жилищами, с нередким активным рабочим процессом внутри жилищ, позволяет

предположить, что люди на этом речном берегу жили не только в тёплое время, у открытой воды, но и в холодное, зимнее, весьма длительное в сартанскую эпоху.

Поселения состояли из нескольких жилищ и были разумно организованы. Жилища находились в нескольких метрах друг от друга, что предохраняло от большого пожара. Не исключается, что поселения очищались от отходов и мусора, которые могли сжигаться или сбрасываться под уступ террасы, где их подхватывал водный поток.

Жилища строились рационально, с экономией физических затрат, но всё равно были весьма трудоёмки. Больше всего усилий занимала обработка шкур, что традиционно считается женским делом. С учётом того каких животных добывали усть-мензинцы, на покрытие одного одноочажного жилища диаметром и высотой по 5 м уходило, например, до 50 шкур лосей или оленей, на трехочажное жилище – в 2-3 раза больше. Шкуры были самым большим богатством общин, используемым длительное время. Они требовали внимания и после завершения обработки, поскольку их надо было сшивать в пологи и регулярно просушивать, а возможно, удалять с них волосяной покров, превращая в кожи – ровдуги. Существенные рабочие затраты приходились на сооружение каркаса. Надо было выбрать и срубить прямоствольные деревья (скорее всего, это были молодые сосны), для чего использовались чопперы (ручные галечные топоры), затем жерди ошкуривали, превращая в шесты, доставляли на поселение и собирали каркас. Далее мужская работа сосредотачивалась на подборе и перемещении с берега реки довольно весомых валунов, размещаемых во внешней обкладке жилищ и очагов, а также интерьерных камней, т.е. камней, которые использовались внутри жилища как сиденья, подставки и пр. Использование речных валунов говорит, что их запасали в тёплое время, у открытой воды, поскольку в зимний холод они вмерзали в береговой грунт, перекрывались снегом или льдом. Каменные складни на зиму формировали с запасом, размещая вдоль бровки террасы.

Жилище являлось одним из наиболее масштабных и конструкционно сложных объектов, создаваемых человеком. Орудия труда размещались в ладони; копьё или дротик зажимались кистью, одежда была соразмерна телу человека, тогда как жилище было, примерно, в три раза выше человека и многократно больше по объёму. Рационально организованное внутреннее пространство, чёткий конструктивный контур, обозначенный рёбрами шестов, а также визуальные эффекты, создаваемые внутренним освещением от очага, формировали выразительный архитектурно-художественный облик жилища. Эти качества способствовали возникновению эстетического восприятия, вызывая гордость за коллективный и собственный труд, за рукотворную красоту, дополняющую природную красоту. Архитектурно-конструктивные решения жилища обеспечивали его высокую функциональность. Пространственная организация и применяемые строительные материалы гарантировали защиту от неблагоприятных климатических факторов — холода, атмосферных осадков (дождя, снега, града) и ветров различной интенсивности. Очаг выполнял комплексную роль: он обеспечивал обогрев, создавал внутреннее освещение, позволял отпугивать насекомых и диких животных, сушить одежду и пищу. Благодаря очажному свету увеличивалось активное время суток, что способствовало выполнению разнообразных хозяйственных операций - обработке шкур, дерева, камня, кости и других материалов. Жилище функционировало не только как хозяйственно-бытовое пространство, но и как социально-культурный институт, способствовавший укреплению внутрисемейных и общинных связей. Оно формировало устойчивый жизненный уклад, обеспечивало физическую безопасность и психологический комфорт, создавая условия для ухода за больными и воспитания детей. Фактически жилище было символом устроенной, размеренной и безопасной жизни, одухотворённые человеческой деятельностью и непосредственным обитанием в нём человека.

Обитатели жилищ относились к ним бережно. При демонтаже жилища обкладочные камни не разбрасывались по сторонам. Освобождая край полога от придавливающего его камня, человек возвращал этот камень на место, что становится понятно, исходя из конкретных планиграфических ситуаций. Шесты из каркаса могли оставаться на месте, или собираться вместе с вертикальным размещением на хранение где-нибудь неподалёку, что подсказывают данные этнографии и жизненная логика. В жилищных очагах оставляли яркие камни – красные, коричневые, белые, которые как бы заменяли яркий огонь. Такие камни найдены в очаге в жилищах из КС 4 (структура 6), КС 5 (структура 5), КС 6 (структура 3). Отметим, что впервые ярко-красный шестиугольный кремешок замечен в очаге из жилищав КС 19/4 на Студёном-1 и определён как своеобразный символ огня (Константинов, 1994, с. 75). Переходя на другое место, обитатели поселения допускали, что в дальнейшем вернуться назад, что вытекало из реалий жизни и общинной памяти, в которой прессовалась многовековая история обитания в этом районе.

В ходу у поселенцев была охра - красная минеральная краска. Она концентрировано встречается в зоне расположения очагов, а в виде комочков и крошек охристые вкрапления проявляются на многих участках культурных слоёв. Возможно, её смешивали с растопленным жиром. Ясно, что яркий охристый цвет привлекал человека, и он находил ему косметическое, ритуальное и хозяйственное применение.

Организация поселений и характер жилищ свидетельствует о том, что их обитатели не были бродячими охотниками или постоянно перемещающимися коллективами. Они имели базовые поселения весьма длительного действия, где происходила общинная жизнь, представленная семьями, женщинами, детьми, стариками, а также активными мужчинами, уходившими в поиск за добычей и возвращавшимися с ней на своё поселение, к своим очагам. Обитатели поселений переселялись на другие места по необходимости. Реальной, опознаваемой причиной было изменение

режима реки, чей боковой разлив периодически надолго захватывал зону поселения, или же это был одноразовый высокий паводок, который затапливал поселение на некоторое время (в обоих случаях над культурными слоями формировались песчаные прослойки разной мощности). Наверное, были и другие причины, природные и общественные, но они непосредственно археологическим материалом не раскрываются.

Данная оценка образа жизни палеолитических забайкальцев существенно отличается от взглядов некоторых исследователей. Так, по мнению А.П. Окладникова, на всей территории Северной Азии около 15 – 10 тыс. лет тому назад «существовал один и тот же уклад жизни бродячих и полубродячих охотничьих племён» (Окладников, 1968, с. 69). По данным И.И. Кириллова «во второй половине позднего палеолита население Забайкалья, видимо, переходит к кочевому образу жизни... Интересно отметить, что аналогичная перестройка хозяйства в сторону кочевой охоты происходит на огромном пространстве Евразии» (Окладников, Кириллов, 1980, с. 57). О.В. Кузнецов, в диссертации, построенной на материалах чикойско-мензинских памятников, пришёл к выводу о том, что в позднем палеолите западного Забайкалья (в отличие от раннего этапа верхнего палеолита) «поселения долговременного базового характера не выявлены» (Кузнецов, 1996, с. 20), при этом сформировался «особый характер стратегии обитания и структуры пространственной организации поселений, предполагающей существование кратковременных охотничьих лагерей для небольших подвижных групп охотников, обитающих в лёгких переносных жилищах типа чума» (там же, с. 21).

Полагаем, что подвижный образ жизни охотников не отменяет необходимость базовых поселений, поскольку без них невозможно существование социума, включающего в себя не только мужчин - охотников, но и женщин, детей, стариков, особенно, если учесть условия обитания в перегляциальной зоне сартанской эпохи. Предполагаемые «бродячие» и «кочевые» варианты охотничьих племён, как бы обходящихся без базовых

поселений, противоречат необходимым условиям организации жизни и полностью противоречат современным материалам, полученным в результате исследований Усть-Мензы-2, а также таких памятников как Усть-Менза-1, -3, Студёное-1, -2, Косая Шивера- 1, -2 и др.

Вместе с тем, всё вышеизложенное не означает, что не было никаких переселений всей общины на новое место, выбранное где-нибудь на Мензе и Чикое или даже на более отдалённом пространстве, например на Селенге или Хилке. В этом случае зона расположения Усть-Мензы-2 использовалась для временных посещений, в результате которых в слоях оставались углистые пятна, рассеянные артефакты и костные обломки. При сравнении материалов базовых поселений и кратковременных стойбищ по части характера обработки камня, орудийного набора и вида добытых животных, принципиальных различий не выявлено, что означает принадлежность тех и других к единому культурному кругу палеолитических общин.

В целом, объект культурного наследия Усть-Менза-2 представляет собой археологический памятник, характеризующий образ жизни сменяющих друг друга поколений палеолитических насельников как устойчивый, обеспеченный базовым, стабильно функционирующим достаточно длительное время межсезонным поселением, а, наряду с этим, активно действующих групп охотников, умело осваивающих ближние и дальние окрестности с её горными грядами и долинами больших и малых рек.

2.6. Культурная корреляция

Судя по характеру каменной индустрии, Усть-Менза-2 входит в обширный ареал, в котором получила распространение микропластинчатая техника, основанная на использовании в технологии микронуклеусов, а в орудийном наборе – отжимаемых с них микропластинок, служивших, в основном, лезвиями для вкладышевых инструментов, а также основой для мелких инструментов, например, острий, проколов, резцов. Этот ареал охватывает территорию южной Сибири и Дальнего Востока, южную и

центральную Якутию, Северо-Западную Америку, Северный Китай, Монголию, большую часть Японии (Кузнецов А., 1993, 1997). Внутри этой территории микронуклеусы переменны, что в значительной степени определяется исходной формой и характером её обработки. Так, если на Усть-Мензе-2 основой служит изначально подходящий отщеп, а в дальнейшем речная галька средних размеров, то в Якутии использовали специально подготовленный бифас, у которого затем оформляется торцовый фронт (Мочанов, 1976, 1977). Различия между регионами и памятниками проявляются также в частоте использования микропластин в соотношении и с другими формами вторичных основ, таких как пластины, пластинки, отщепы разных размеров, и первичных основ в виде желваков и галек. Существенно и то какой ретушью оформляются вторичные основы: краевой или фасиальной, со всеми существующими вариантами и сочетаниями.

Оставляя для специальных исследований проблему широких корреляций микропластинчатых индустрий, сосредоточимся на забайкальской территории. Каменная индустрия Усть-Мензы-2, не только в отношении микропластинчатости, но и во всех технологико-типологических составляющих, находит полные аналогии в палеолитических культурных слоях поселений Усть-Мензы-1, -3, -4, Студёное-1, -2, Косая Шивера-1, -2 (Константинов М., 1994, Константинов А., 2001, Константинов А., Филатов, 2017). На этих памятниках изучены принципиально такие же по конструкции жилища в обоих известных вариантах: одно- и многоочажные, с речными камнями во внешних и очажных обкладках. Поселения близки друг другу по принципам выбора места обитания и организации жизни и хозяйства. Материалы поселений друг друга удачно дополняют. Так, на Студёном-2 в КС 4/5 найден уникальный жезл начальника из отростка рога северного оленя с искусно выполненным сквозным отверстием, пропитанный красной охрой, с меандровым и линейным орнаментом. В КС 5 того же памятника выявлена скульптура головы лося из пяточной кости архара. На поселении Студёное-1 обнаружен костяной вкладышевый однопазный нож длиной 26,8

см, единственный для всего круга забайкальских памятников эпохи сартанского оледенения. Сходство по всем культурным позициям указанных памятников позволило М.В. Константинову выделить Студёновскую археологическую культуру, характеризующую поздний этап верхнего палеолита (18-10,8 тыс. л.н) и территориально локализованную в пределах долин Чикоя (среднее течение) и Мензы (Константинов М., 2011). По части каменной индустрий эта культура является антиподом Сухотинской культуры с базовым памятником Сухотино-4 на реке Ингоде, где широко практиковалась бифасиальная техника оформления многочисленных остроконечников и ножей (Окладников, Кириллов, 1980, Кириллов, 1981, Черенщиков, 1988) Сухотинская культура сближается с Дюктайской культурой Якутии (Мочанов, 1977). Студёновская культура из сибирских культур позднего этапа верхнего палеолита ближе всего к афонтовской культуре Енисея, что определяется, прежде всего, преимущественным использованием отщепов в качестве основ для орудий и микропластин как вкладных лезвий, тогда как крупно- среднепластинчатая техника отходит на второй план (Абрамова, 1979 а, б).

В данной работе направления культурной корреляции только намечены. Оно может стать самостоятельным с более обширными методами археологических исследований.

Глава 3. Усть-Менза-2: эпоха палеометалла

3.1. Голоценовая лагуна и её заполнение

Особенностью многослойного поселения Усть-Менза-2 является наличие культурной хронологической лагуны между 10,3 и 3,8 тыс. л.н. Она приходится на период между концом палеолита и началом эпохи палеометалла и охватывает мезолит и неолит. При этом отложения данного времени в стратиграфии памятника отражены, хотя и в смятом, повреждённом виде. Они относятся к бореальной и атлантической фазам голоцена. Эта ситуация освещена в разделе «Геоморфология, геоархеология, геохронология». Напомним основное: в указанные природные периоды произошло формирование голоценовых отложений I террасы, расположившейся ниже по высотному уровню, ближе к Мензе и вплотную к уступу II террасы. Древние люди начали осваивать I террасу в конце палеолита, и ещё более активно - в мезолите и неолите. Данная терраса и её отложения являются естественной базой поселения Усть-Менза-1. Интересующие нас культурные слои этого поселения - КС 3-8 - по горизонтальному простираению начинаются буквально в 10 м от края поселения Усть-Менза-2, за который принята бровка II террасы. Они изучены на площади более 500 кв.м.

В мезолитических слоях Усть-Мензы-1 выявлены жилища, они всегда одноочажные и небольших размеров; максимальный диаметр - 3,75 м. Охотничья фауна представлена останками благородного оленя, косули, джейрана, барана, лошади, кабана. Применялся лук со стрелами. Найдены костяные и вкладышевые наконечники. В качестве каменных наконечников могли употребляться мелкие пластинчатые острия. Получило развитие рыболовство. В индустрии камня сохраняются палеолитические традиции. Новации заключаются в дальнейшем совершенствовании техники использования торцового клиновидного микронуклеуса с повышением продуктивности в получении микропластинок. Этот же процесс

продолжается в неолите, дополняющийся ещё более выраженной миниатюризацией орудийного набора, отмеченного появлением различного типа резцов, проколов, скребков и долотовидных орудий. Наряду с чопперами используются топоры, тёсла, оформленные обивкой. В позднем неолите расширяется минералогическая база. Стали широко применяться цветные и полупрозрачные породы камня, такие как яшма и халцедон. Пластичность этих пород позволила снимать удлинённые микропластинки. Неолитические слои отличает присутствие фрагментов керамики от круглодонных сосудов, которые украшают штамповым орнаментом. В неолите полностью исчезают каменные жилищные конструкции; судя по всему, в конструкции жилищ произошли определённые изменения, но, бесспорно, они должны были устраиваться в наземном варианте.

Интерполяция в эпоху мезолита-неолита позволяет понять истоки и генезис культуры эпохи палеометалла.

3.2. Культурные слои 1 и 2

На поселении Усть-Менза-2, как уже отмечалось, выделено два культурных слоя эпохи палеометалла, или иначе эпохи бронзы в её таёжном варианте. Они обозначены как КС 1 (поздняя бронза) и КС 2 (ранняя бронза). КС 2 изучался двумя горизонтами (гор. 1 и гор. 2). КС 1 и 2 занимают позиции в кровле отложений II террасы. Ниже даётся их последовательная характеристика (сверху вниз).

Культурный слой 1 (КС 1) изучен на площади 1206 кв.м. (Рис. 129-130, 137, 138). Связан с дерново-почвенным слоем (ЛС 1). Мощность слоя – до 20 см. Данный слой является пахотным. Распашка производилась в рамках русской истории, начиная со второй половины XVII в. Хозяевами земли были жители с. Волково, располагавшегося на правом берегу Чикоя. Как минимум, одно из крестьянских хозяйств существовало на левом берегу Чикоя, в Усть-Мензинском урочище, а в устье ручья Волковского (Кабаньего) находилась водяная мельница. Сейчас это место называется Крапивный мыс. Изначально

крестьянам приходилось производить раскорчёвку, т.е. устранение леса для освобождения полей. По рассказ местного населения, раскорчёвка проводилась с использованием топоров. Деревья рубились с оставлением комля высотой не менее метра. Затем корни дерева окапывались; после этого с использованием лошадей комли с корнями вытягивались из грунта. Подходящие стволы деревьев использовались как строительный материал, ущербные – на дрова. Древесный мусор (кора, ветки, листва, хвоя) сжигался, остатки сметались в ямы от раскорчёвки, а зола удобряла почву.

Ямы от раскорчёвок со следами огня выявляются в процессе раскопок. Их немного; вероятно, поверхность террасы в зоне расположения древних поселений была слабо залесена. Распашка проводилась с использованием примитивных плугов. Небольшой обломок железного плуга найден в почвенном слое. Нижняя граница пахотного слоя чёткая, линейная.

Направление распашки было обязательно поперечным по отношению к склону и параллельным реке Мензе, поскольку продольная распашка (с наклоном в сторону реки) приводила к образованию промоин и оврагов. Распашка прекратилась в начале 1930-х годов, что устанавливается по возрасту деревьев, расположенных в зоне раскопов.

При старинной распашке, согласно крестьянским традициям, удалялись камни, в том числе, возможно, и крупные артефакты, такие как отбойники, чопперы и др. В связи с этим, имевшие место хозяйственные конструкции и часть крупных артефактов, сохраниться в слое не могли. По планам КС 1 видно, что выявлены только единичные камни в виде скальных обломков размерами 20-30 см. Изредка встречаются более крупные, например, размерами 45×23 см. Выявленные камни чаще всего находятся ближе к бровке террасы, т.е. на краю пахотного поля. Камни расположены в разных квадратах, без связки друг с другом. Часть камней оказалось в слое постфактум и без участия человека, за счёт склоновых процессов. При распашке непременно должно было происходить перемещение артефактов в пространстве слоя, что приводило к нарушениям их изначальной позиции.

Особо отметим, что в раскопе 3 выявлены следы старинной русской полевой дороги, уложенной камнями, что соотносится с информацией от местного населения из села Архангельское и прииска Большая Речка. Зафиксировано более 15 камней в виде валунчиков и скальных обломков. Камни предохраняли колёса телег от погружения в вязкий слой. Данная выкладка является окончанием каменной дорожной вымостки, протянувшейся по визуальным наблюдениям от раскопа 3 в юго-восточном направлении, примерно, на 100 м по направлению к горе Крестовой, минуя раскопы 1-2, 2А и 2Б.

Непосредственного отношения к культурному слою 1 каменная дорожная кладка не имеет, но она зафиксирована как новейший компонент, который через пару десятилетий станет официально признанным археологическим объектом, что вытекает из современного определения: археология изучает всю историю человечества за исключением последнего столетия.

После окончания распашки этот участок весьма основательно задерновался. В процессе археологических работ первоначальная разборка дёрна оказалась возможна только штыковыми лопатами, при этом подрезанные куски дёрна разламывались руками, а рыхлый компонент перебирался ножами и просеивался на сите.

В культурном слое 1, представлены, в основном, рассеянные артефакты. (Рис. 155-160). В раскопе 1-2 на площади 504 кв.м. выявлено 2367 каменных изделий, из них самыми массовыми являются отщепы (1517 экз.) и микропластинки (704 экз.). Обнаружены микронуклеусы (24), пластинки (17), боковые сколы (26), микропластинки с ретушью (27), скребки (22), отбойники (8), даурские острия (6), абразивы (4).

Единичными экземплярами (по 1-2 экз.) представлены резцы, провёртки, скрёбла, скобели, ножи, вкладыши бифасиальные, наконечники стрел подтреугольные и даурские, топоры, кирки, чопперы, песты, наковаленки, грузила. Выявлено 192 фрагмента керамики, из них подавляющее количество

от тонкостенных сосудов без орнамента (167) и незначительное от толстостенных сосудов (12). Найдено 2 фрагмента от триподов (Табл. 2).

Обнаружено 8 фрагментов костей, принадлежавших среднеразмерным и крупным копытным; точнее определяется только благородный олень.

В раскопе 2А на площади 200 кв.м. найдено 1737 экз. В среднем по 8 артефактов на квадрат (Рис. 136). Вместе с тем в 67 квадратах (одна треть из общего числа) находок вообще не найдено. В целом квадраты с находками и без находок располагаются в раскопном поле, примерно, равномерно. Более интенсивно находки встречаются на северо-восточном крае раскопа; наименьшее число находок – на нижней линии раскопок, расположенной вдоль бровки террасы.

Уникальная находка обнаружена в кв. 79П, глубина от дневной поверхности 10 см, первоначально зафиксирована при зачистке северо-западной бровки раскопа и представляет собой скульптуру из талька, изображающую рыбу. Чешуя и прочие детали искусно выполнены в виде гравировки. Размеры 13,5×5,9 см. (Рис. 160). Не исключено, что скульптура как достаточно объёмный артефакт была выпажана крестьянами из нижележащего слоя, т.е. изначально принадлежала КС 2.

Отмечается скопление керамики (кв. 72-75 З) – 91 фрагмент от различных сосудов; фрагменты не апплицируются (Рис. 159). Керамика преобладает среди находок в северо-восточной части раскопа.

Всего найдено 338 фрагментов керамики. Обычные размеры фрагментов – 3-5 см. Большинство фрагментов от тонкостенных сосудов (3-5 мм) с оттисками нитей на поверхности. Сосуды имели прямые или слегка отогнутые венчики. Украшались штамповым орнаментом – желобчатым, пунктирным, гребенчатым, прямоугольным, прямым, серповидным, угольчатым. В качестве штампа в числе других использовалась мелкая косточка с эпифизом.

Меньшая часть фрагментов (не более 25%) – от толстостенных сосудов, возможно, триподов (до 1 см), в том числе с налипшим рассечённым валиком

Особо следует отметить находки трёх фрагментов от ножек трипода (Рис. 158) и фрагментов от 2 плоских глиняных плиток.

Каменные изделия представлены 1354 экз. Обращает на себя внимание тот факт, что больше половины из них составляют микропластинки (целые и фрагментированные) – 887 экз. Они снимались с микронуклеусов – 32 экз., из них 23 заготовки в разной стадии оформления; собственно микронуклеусы относятся к типу торцовых клиновидных. Прямоосные микропластинки могли использоваться в качестве лезвий вкладышевых ножей; 42 экз. имеют рабочую ретушь и 17 экз. регулярную краевую ретушь (Рис. 156).

Из микропластинок изготовлено 5 наконечников стрел даурского типа с боковой ретушированной выемкой у основания (Рис. 156-30, 31, 32, 33, 34) и 4 острия даурского типа с минимальной обработкой острия (Рис. 156).

Найдены 2 режущих инструмента в виде крупных атипичных пластин размерами более 8 см с краевой ретушью (Рис. 157-1, 3), пластинки разных параметров (Рис. 157-2, 4) и 7 фрагментов пластинок с ретушью (Рис. 157-5). Из пластинок частично оформлено 2 наконечника стрелы.

Из крупного отщепа изготовлено обушковое скребло. Из отщепов размерами от 1 до 6 см – 23 округлых и 3 концевых скребка (Рис. 155). Оригинальные формы представлены нуклеусами-дрилями – 5 экз. (Рис. 156-5, 6, 8-10) и провёрткой с трапециевидным сечением, у которой все грани оформлены поперечно-встречной ретушью (Рис. 156-11). Крупные изделия представлены топором из гальки с обивкой по нижнему (рабочему) и боковым краям (Рис. 157, 7). Найдены также 2 оббитые гальки.

Существенную часть находок составляют отщепы - 334 экз., преимущественно мелкие и средние по размерам. Кость практически не сохраняется. Замечен только единственный обломок черепа крупного копытного.

В слое найдена «посторонняя» вещь – обломок железного изделия, возможно, обломок от лемеха плуга (кв. 73 С). Заметим, что железо как материал даже в период русской истории в этих местах было редким и весьма

ценилось. Его существенно не хватало не только в XVII-XIX в.в., но и в первой половине XX в.

В раскопе 2Б на площади 130 кв.м. находки рассеяны по всей площади. Выявлено 1105 каменных изделий. Преобладают микропластинки (887 экз.) и отщепы (334 экз). Представительны серии микронуклеусов (32), скребков (27), пластинок (25), микропластинок с ретушью (17). Заметны пластинки с ретушью (7), даурские наконечники стрел (5) и остря (4). Остальные изделия единичны (1-3); в их числе боковые сколы, провёртки, скрёбла, скобели, ножи, топоры. Керамика представлена 404 фрагментами. Преобладают фрагменты от тонкостенных сосудов без орнамента (236), затем следуют фрагменты с орнаментом (170). 8 фрагментов – от толстостенных сосудов и 2 фрагмента от плоской глиняной плитки (Рис. 159).

В раскопе 3 культурный слой изучен на площади 372 кв.м. Археологический материал представлен в 21 квадрате из 372; степень насыщенности, примерно, по одной находке на 9 квадратов. Всего выявлено 39 экз. Каменные изделия представлены микронуклеусом, 3 фрагментами микропластин, чоппером из речной гальки, 12 отщепами и сколами. Найдено 14 фрагментов керамики, в том числе фрагмент сосуда с плоским дном, 3 фрагмента от толстостенного сосуда с венчиком, имеющим внешний карниз и рассечённый валик по тулову, 5 фрагментов от прямых венчиков сосудов, фрагмент от толстостенного сосуда, фрагмент со штамповым орнаментом, 5 фрагментов от тонкостенных сосудов с оттисками нитей. Фаунистические остатки представлены 3 обломками костей, обломком челюсти копытного, мелким обломком эмали от зуба. Находки рассеяны, чаще всего единичны, иногда фрагменты керамики встречаются небольшими группами. Особо следует выделить железный обушковый однолезвийный нож, но он явно принадлежит более позднему времени.

Материал в культурном слое 1 накапливался длительное время в результате многократных кратковременных посещений древними людьми этого места в рамках I тысячелетия до н.э. (поздняя бронза). В это время

продолжалось использование камня как для изготовления крупных рубящих и дробящих орудий, так и для мелких инструментов, таких как микропластинки, служившие вкладными лезвиями.

Культурный слой 2 (КС 2) изучен на площади 1206 кв.м; представлен во всех раскопах. Связан с каштановой супесью мощн. 20-30 см, залегающей сразу под дерново-почвенным слоем. В силу достаточно большой мощности слоя он изучался двумя горизонтами по 10-12 см каждый. Такой подход себя полностью оправдал, поскольку выявлены два уровня очагов, жилых площадок и погребений, что подтверждает наличие разных уровней заселения (Рис. 130-154).

Ниже представлена последовательная характеристика горизонтов с разделением по раскопам.

КС 2. Горизонт 1. В раскопе 1-2 на площади 504 кв.м. наибольшая концентрация находок отмечена в средней части раскопа, тогда как по латеральным сторонам их существенно меньше. Помимо артефактов присутствуют обломки скальной породы размерами 10-30 см. В основном, они сосредоточены на линиях, прижатых к бровке террасы. Не исключается, что камни туда отбрасывали, очищая основную часть жилой площади.

Особый интерес вызывает верхняя зона раскопа шириной 5 м. На этом пространстве выявлены три каменные выкладки, которые первоначально признавались за очаги. С учётом опыта дальнейших раскопок на Усть-Мензе-2 и других памятниках Усть-Мензы ныне возможно интерпретировать как надмогильные кладки. Все они выполнены из небольших скальных обломков, уложенных достаточно плотно, в основном, в один ряд. Некоторые камни кажутся опалёнными, с минимальными следами углисто-золистого заполнения между камнями и под ними.

Кладка № 1 по форме похожа на две смыкающиеся окружности, малую и большую; можно считать, что это кладка фигурная. Если же оценивать упрощённо, то можно определить форму кладки как овальную, но деформированную, её размеры 1,6×1,4 м (Рис. 139-140).

Кладка № 2 имеет неправильно-овальную форму. Её край, скорее всего, уходит за пределы раскопа. Видимые размеры 1,5×1,3 м (Рис. 139-140).

Кладка № 3. Её форму можно было бы признать овальной, но в середине она имеет сужение и поэтому конструкция становится похожа на смыкающиеся краями окружности, и тем самым совпадает с формой кладки № 1. Размеры 2,6×1,75 м. Камни из краёв кладки разметались по сторонам; с учётом их позиции кладку можно признать округлой диаметром около 3 м (Рис. 139-140).

Под всеми тремя кладками выявлены ямы параболической формы глубиной до 1,3 м. Ямы прорезают нижележащие песчаные отложения до литологического слоя 5. В них ничего не обнаружено.

Такого рода погребения зафиксированы на этом же памятнике в раскопе 3, слой 2, горизонт 2, погребение № 4 и на Усть-Мензе-5, слой 2 раскоп 2, погребение 2 (Константинов М.В, Научные отчеты: 2014, 2017).

Отсутствие останков человека объясняется или полным исчезновением в результате гниения, или же их изначальным отсутствием (вариант кенотафа). Погребальный инвентарь также может полностью отсутствовать, или же быть представленным единичными вещами (Усть-Менза-2, слой 2, погребение № 4; Усть-Менза-2, слой 3, погребение № 1; Усть-Менза-3, слой 2, погребение № 1; Усть-Менза-5, слой 2, погребение № 2) (Константинов М. и др., 2003).

Не исключается, что при расширении раскопа в северо-восточную сторону, в ту зону, где тыловая часть II террасы исчерпывает себя и начинается уступ III террасы, могут быть обнаружены новые погребения.

В коллекции представлено 7121 каменное изделие. Преобладают микропластинки (3905 экз.), отщепы (2336 экз.). Большими сериями представлены микронуклеусы (183), пластинки (143), микропластинки с ретушью (101), скребки (99). Выразительны острия (25), резцы (15), даурские наконечники стрел (13), ножи (10), нуклеусы-дрилы (9), скрёбла (6), провёртки (4). Выделены пластинки с ретушью (8), подтреугольные

наконечники стрел (4), наконечники копий (2), долотовидные орудия (2), пластины (2). Крупные орудия включают в себя отбойники (31), топоры (4), молоты (2), абразивы (2), песты (1), грузила (1) (Рис. 161-176).

Керамические изделия сильно фрагментированы. Тонкостенным сосудам принадлежит 1548 фрагментов без орнамента и 637 фрагментов с орнаментом. От толстостенных сосудов сохранилось 54 фрагмента (Табл. 2).

В раскопе 2А на площади 200 кв.м. выявлен очаг овальной формы, расположенный в восточной части раскопа (Рис. 141). Размеры 75×60 см. Поверхность выложена 17 гальками размерами 15-30 см. Они обожжены. В разрезе очага – серая золистая масса линзовидной формы мощн. 5-7 см.

К северо-востоку от очага - 18 галек, таких же как очажные, но без следов огня. Ближайшие к очагу находки: многочисленные фрагменты керамики, микропластинки, отщепы, 3 торцово-клиновидных микронуклеуса долотовидное орудие и скребок из отщепа, топор из продолговатой овальной плоской гальки с оббитым рабочим краем, разм. 15,7×5,7см (Рис. 163).

С северо-западной стороны от очага массово представлены отщепы (303 экз.) и микропластинки (254 экз.). Особо следует отметить микропластинку с приметными параметрами: 6,3×0,8×0,3 см. Здесь же выявлено 5 микронуклеусов, заготовок и обломков микронуклеусов, 15 скребков из отщепов, концевой скребок из пластинки, 5 резцов из микропластинок и отщепов, 14 наконечников стрел: даурские пластинчатые и подтреугольные из отщепов, скребло из отщепа, 2 чоппера из речных галек. Отмечены пластинки (17 экз.) и отщепы с ретушью (4 экз.) (Рис. 163).

В раскопе 2А был найден особый артефакт – отщеп с окисью меди на поверхности.

Весьма представительными являются несколько скоплений керамики – 1-е скопление – 87 экз., 2-е скопление – 70 экз., 3-е скопление – 29 экз. (Рис. 175). Керамика представлена двумя типами: тонко- и толстостенными сосудами. Фрагменты от тонкостенных сосудов имеют толщ. 3-4 мм. Украшены штамповым орнаментом – желобчатым, пунктирным,

гребенчатым, округлым, прямоугольным (105 экз.). Наблюдается наличие орнамента с внутренней стороны фрагментов. Некоторые фрагменты сохраняют окраску внешней поверхности красной охрой. Часть фрагментов несут оттиски нитей (15 экз.). Фрагменты от толстостенных сосудов имеют толщ. до 1 см. В зоне венчика такие сосуды украшались налепными валиками. Значительная часть фрагментов разного рода - без орнамента (97 экз.). Множество фрагментов – это мелкий неопределимый керамический лом (103 экз.). Изредка встречаются мелкие обломки костей и эмали от зубов животных.

Насыщенная артефактами площадка обрамлена дугообразной по форме выкладкой из 17 камней (Рис. 137). Камни представляют собой валунчики размерами от 20×20 см до 52×32 см. Расстояние от очага до крайних камней в северо-западную сторону – 10,5 м; от очага до крайних камней в западном направлении – 6,3 м. Вся жилая площадка занимает пространство 13,0×6,5 м. За пределами жилой площадки с юго-западной стороны – находок нет. С северо-восточной стороны – единичные находки в виде отщепов, микропластин и отдельных орудий.

В целом, находки представлены в 83 квадратах (из 200.) Всего в данном горизонте выявлено 2812 артефактов. Большую часть составляют отщепы – 795 экз. На втором месте микропластинки – 533 экз. и дополняющие их боковые сколы – 48 экз., на третьем месте – фрагменты керамики – 350 экз.

В раскопе 2Б площадью 130 кв.м. выявлены рассеянные находки (рис. 147). Каменных изделий – 578 экз. Больше всего микропластинок – 289 экз. и отщепов – 199 экз. Далее следуют микронуклеусы (16), микропластинки с ретушью (13), скребки (9), пластинки (5), пластинки с ретушью (4), резцы (5), острия (6). Приметен нуклеус-드릴, наконечники копий (3), подтреугольные наконечники стрел (5). Из крупных изделий выделены топоры (4), чопперы (9) и абразив. Найдено 372 фрагмента керамики без орнамента и 52 фрагмента с орнаментом – от тонкостенных сосудов.

В раскопе 3 на площади 372 кв.м. (Рис. 138) выявлен очаг. Он располагался в южной части раскопа, по форме округлый, диаметр 85 см (Рис. 142). В обкладке очага находились 29 обожжённых камней, размерами по 10-30 см. Мощность заполнения 25 см. Очаг заполнен красно-коричневой прокаленной супесью. Около очага концентрировалось 765 артефактов, представленных микронуклеусами, микропластинками, нуклеусом-дрилем (Рис. 168-4,5), отщепами, мелкими фрагментами керамики с оттисками нитей или штамповым орнаментом. Из орудий найдено 2 скребка из отщепов, тесло с оббитыми краями, чоппер, молот из кварцитового желвака, а также весьма редкое для забайкальских поселений шлифованное орудие, к сожалению, обломанное (Рис. 170-2).

Западной очага выявлены рассеянные находки, в основном, в виде отщепов, микропластин и фрагментов керамики. Найден микронуклеус. Обращают на себя внимание 2 точильных камня из сланца. На этих же квадратах зафиксировано 15 камней, расположенных отдельно друг от друга. Размеры камней 20-30 см. Самый большой камень размерами 30×25 см. Всего на этом участке выявлено 229 артефактов.

На два метра западной выявлено второе большое скопление находок с наибольшей концентрацией. Всего с этой зоной связано 1324 находки. Наиболее массовыми являются отщепы, преимущественно мелких размеров, микропластинки, пластинки и фрагменты керамики, в том числе со штамповым орнаментом. Выявлена серия скребков. Единичными экземплярами представлены: скребло, проколка, угловой резец из микропластинки, нуклеус-드릴, отщеп с ретушью, боковой скол. С восточной стороны найдено 5 микронуклеусов в сопровождении микропластин и мелких отщепов (Рис. 165).

Под северо-восточной стенкой раскопа обнаружен локальный участок с 47 находками, включающими 3 нуклеуса, 20 микропластинок, чоппер, отщепы и фрагменты керамики.

В юго-западной части раскопа - локальный участок с 26 находками. В этом скоплении представлено 2 микронуклеуса, 4 микропластинки, 15 отщепов и 3 скребка из отщепов.

Третье большое скопление находок приходится на западную сторону раскопа. Обнаружено 675 артефактов; в большинстве своём они представлены микропластинками, пластинками и мелкими отщепами. Единичным экземпляром представлен скребок.

Общий количественный состав находок – 3955 экз.

КС 2, горизонт 2. В раскопе 1-2 на площади 504 кв.м. артефактный материал сосредоточен преимущественно в средней части раскопа. Распределение находок носит характер скоплений. Также как и в горизонте 1, в юго-западной части раскопа (ближней к Мензе) наблюдается бессистемное скопление камней, возможно отброшенных с основной площади обитания.

Всего в раскопе найдено 5724 каменных изделия. Преобладают микропластинки (2858 экз.) и отщепы (2422 экз.). Большой серией представлены микронуклеусы (73), микропластинки с ретушью (139), скребки (60), боковые сколы (20). Весьма выразительна серия нуклеусов-дрилей (17), острий (6), ножей (8), вкладышей бифасиальных (5). Остальные типы мелких изделий единичны: провёртки (3), резцы (1), долотовидные (2). Из крупных орудий примечательны топоры (10), отбойники (8), чопперы (2), абразивы (3) (Рис. 177-224).

Керамика сравнительно немногочисленна. Найдены 75 фрагментов без орнамента и 92 фрагмента с орнаментом – от тонкостенных сосудов, 15 фрагментов от толстостенных сосудов (Рис. 170-224).

Раскоп 2А. На площади 200 кв.м. выявлено 2 очага (Рис. 22, 143). Очаг 1 находится в восточной части раскопа (Рис. 145). Размеры овального очага – 210×130 см. Представлен выкладкой из обожжённых речных галек. Размеры галек - от 10 до 45 см. Гальки уложены горизонтально, на широких поверхностях, устойчиво. Мощность заполнения в виде чёрной сажистой супеси – 20 см. К северо-востоку от очага – крупный очажный камень разм.

82×22 см. С восточной и юго-восточной стороны представлено скопление находок из 3 микронуклеусов, 4 микропластинки и 26 мелких отщепов. Создается впечатление, что большинство микропластинок нашли применение, тогда как сработанные нуклеусы, неправильные микропластинки и отщепы остались у очага. На других участках вокруг этого очага с кольцом диаметром более 1,5 м артефакты отсутствуют или они единичны. Не исключено, что это пространство в древности перекрывалось, например, шкурами.

В 2,3 м от очага 1 к северо-востоку находится очаг 2 (Рис. 146). По форме округлый, диаметр 0,6 м. Выложен по поверхности гальками разм. 10-20 см. В разрезе имеет чашевидную форму с чёрно-сажистым заполнением мощностью до 30 см. В верхней половине заполнения наблюдается серия галек, таких же как на поверхности очага. Очаг примыкает к стенке раскопа. Здесь же выявлены продукты расщепления и обработки камня: 4 микронуклеуса, 67 микропластинок, 11 микропластинок с ретушью и др. (Рис. 184).

Общая планиграфия раскопа характеризуется распространением артефактов по всему изученному полю, но с пропусками по отдельным квадратам. Так, из 200 квадратов находки отсутствуют в 49, т.е. в каждом пятом квадрате. В 151 квадрате выявлено 2410 артефактов, в среднем по 16 артефактов на кв.м. Отмечается тяготение находок к северо-восточной части раскопа, где выявлено скопление находок вокруг плоского валунчика размером 30-40 см. Найдено 6 микронуклеусов и 107 микропластинок. В средней части раскопа, около северной стенки расчищено скопление находок, где найдены продукты расщепления из одного желвака – неправильные пластины и пластинки, микронуклеусы и микропластинки. В северном углу раскопа оказалось скопление мелких дроблённых костей животных. Редкие мелкие косточки и обломки зубов отмечены в других квадратах. В юго-западной части раскопа найдено 119 мелких фрагментов керамики. В соседних квадратах – 306 мелких отщепов. Создаётся

впечатление, что данные фрагменты и отщепы представляли собой отброшенные в сторону «мусорные» отходы.

В составе выявленных по всему раскопу находок преобладают отщепы – 987 экз. На втором месте микропластинки – 675 экз. На третьем месте фрагменты керамики – 540 экз. Среди крупных изделий – 3 чоппера из речных галек и оббитая галька, которая могла быть нуклеусом для снятия отщепов. Интерес представляет точильный камень из абразивного камня разм. 9×6,4×4 см с продольными желобками от заточки инструментов в виде шильев, возможно бронзовых.

Выразительную серию составляют микронуклеусы, в т.ч. 19 заготовок, 33 экз. в полном сохранении формы и 7 обломков. К ним примыкает 7 боковых сколов. Из отщепов изготовлено 2 скребла, 24 скребка, 2 долотовидных орудия и 2 проколки (Рис. 177-178, 180-182, 184).

Микропластинки могли использоваться без дополнительной обработки. Часть микропластинок ретушировалась по краям с разной вариацией дорсальной и вентральной ретуши (22 экз.). Весьма выразительны даурские острия из микропластинок с минимальным оформлением острия (7 экз.). Микропластинки использовались как угловые резцы (4 экз.) (Рис. 179-4,7,8).

Редкий экземпляр микропластинки имеет пришлифованную кромку, его разм. 2,5×1 см.

Пластинки, как правило, имеют неправильную, нестандартную форму. Некоторые пластинки или их фрагменты ретушировались по краям.

Керамические изделия сохранились в виде разрозненных фрагментов (540 экз.). Большинство из них происходит от тонкостенных сосудов с прямыми или отогнутыми венчиками и округлым дном, украшенными разнообразным штамповым орнаментом – желобчатым, пунктирным, гребенчатым, угольчатым, фигурным, прямым, овальным. Встречаются прочерченные гладкие желобки. На некоторых фрагментах представлены оттиски нитей или ткани. Некоторые сосуды были окрашены красной охрой. Вместе с тем найдены обломки толстостенных сосудов с валиком под венчиком и плоским

дном. 3 фрагмента происходят от глиняной плоской плитки с заovalенным краем толщ. 0,7 см (Рис. 218-219; 224).

Обнаружено 16 фрагментов костей, принадлежащих благородному оленю и косуле.

Раскоп 2Б. Площадь раскопа 130 кв.м. Выявлено 2 структурных комплекса, близких по характеру и позиции.

Комплекс 1 представлен ямкой, обрамлённой серией крупных камней. Ямка имеет овальную форму размерами 92 x 66 см. Стенки вертикальные и слабонаклонные. Основание округлое, диаметр 58 см. Глубина 35 см. Ямка прорезает КС 3 и 4, связанные с супесчаными прослойками разных оттенков (ЛС 3-5). Смешанные по характеру супеси составляют нижний и верхний прослой в заполнении ямки. Её среднюю часть представляет прослой обожжённой тёмной золистой супеси с 3 маленькими камнями длиной до 5 см. На поверхность заполнения ямки этот прослой выходит в виде пятна диаметром до 20 см. В верхнем прослое найдены мелкий обломок эмали от зуба и отщеп. Камни из обрамления ямки особенные. Это крупные массивные орудия из речных валунчиков длиной до 25 см. С северной стороны камни образуют полукружие с расположением в 5-20 см от края ямки. С южной стороны 3 камня находятся на расстоянии 55 – 75 см от края ямки, но скорее всего, они сместились в сторону на полметра в соответствии с наклоном слоя в сторону бровки террасы. С восточной стороны находится 13 мелких скальных обломков, происходящих от одной слабоокатанной глыбы длиной до 30 см. Обломки от глыбы оказались рассеянными на площадке 80 x 40 см. Камни из обкладки обозначены номерами – с 1 по 11. Развалившийся камень обозначен единым номером – 17. Обобщённо камни из обкладки можно представить как дробящие орудия в виде отбойников – молотов, кирок, тёсел, отбойников, используемых при добыче и размельчении рудной породы. К таковым относятся камни под номерами 1, 3, 4, 5, 7, 8, 10. Они оформлены обивкой. Камни под номерами 2, 6, 9, 11, 17 явных следов обработки не имеют, но, предположительно, также могли

использоваться как ударные инструменты или наковальни (Рис. 147-148, 200-204, 206, 207-2).

Комплекс 2 расположен в 70 см к северо-западу от комплекса 1. Представляет собой ямку и серию камней. Ямка округлой формы размерами 60 x 55 см. Глубина 12 см. Форма в разрезе чашевидная. Заполнена тёмной золистой супесью. На дне ямки расположено 4 речных плоских валунчика, один из которых распался на две части. Камни обозначены номерами 12, 13а - 13б, 14, 15. Камень 14 имеет отчётливую обивку по краям и может быть определён как кирка-тесло. Остальные камни могли использоваться (по аналогии с комплексом 1) как ударные или как наковальни (Рис. 149, 205).

Вероятно, что комплексы 1 и 2 имеют одинаковое предназначение. Основными элементами являются следы от огня, сосредоточенные в специально вырытых ямках, и массивные изделия ударного действия, которые могли использоваться при добыче и переработке рудной породы. Интерпретация комплексов сложна. Предположительно, комплексы являются не производственными, а ритуальными, связанными с деятельностью по добыче руды. Весьма условно ритуальные действия определены как освещение огнём инструментов, используемых в рудном деле, или как освещение процесса добычи и переработки руды в преддверии литейного производства. Данные комплексы условно названы «кладовкой рудознатца».

Следует отметить, что в зоне комплексов 1 и 2, т.е. на площадке вокруг них находки артефактов единичны. Создаётся впечатление, что данная площадка намеренно очищалась. Артефакты выявлены на участках, в основном, к северо-востоку от комплексов, и, отчасти, к западу от них.

Всего в раскопе обнаружено 1235 артефактов. Преобладают отщепы (273 экз.) и микропластинки (500 экз.). Присутствуют выразительные экземпляры микронуклеусов (2), концевых и округлых скребков (25), скребки высокой формы (2) а также скрёбла из отщепов (10). Представлены микронуклеус-дриль, пестик из удлинённой гальки, абразив. Керамика происходит от тонкостенных сосудов с прямыми венчиками, украшенными штамповым

орнаментом с желобчатыми, полулунными, округлыми, гребенчатыми и пунктирными оттисками (256 экз, из них 103 с орнаментом). Два фрагмента - от толстостенных сосудов.

Раскоп 3. Площадь 372 кв.м. В восточной части раскопа выявлена жилая площадка. Её центральная часть представлена очагом, четырьмя кострищами и хозяйственной ямой (Рис. 144).

Очаг имеет овальную форму. Его размеры 105×70 см. По краям выложен речными валунчиками и гальками длиной от 10 до 35 см. Кладка обрамляет заполнение красного прокала с сажистыми вкраплениями. Разрез очага показал, что заполнение имеет такой же характер как поверхность. Мощность заполнения 22 см. В заполнении найдены 9 фрагментов керамики и отщеп.

В 1 м к юго-западу от очага, выявлено кострище овальной формы размерами 122×65 см с двумя камнями по краям. Мощность заполнения – до 42 см., форма дна ямы параболоидная. Заполнение представляет собой красную прокалённую супесь с сажистыми примазками. В верхней части заполнения найдены: скребок из отщепа, 7 пластинок, 2 микропластинки, 4 фрагмента микропластинок, 21 отщеп. В средней части заполнения - крупный фрагмент керамики, а под ним, как подпорка – небольшой камень. Скорее всего, данный объект только внешне похож на обычное кострище. Его конструкция и характер заполнения позволяют считать, что он предназначался для горячей просушки глиняной посуды.

В 1,8 м к востоку выявлено кострище № 2 (Рис. 152). Форма овальная, размеры 112×40 см. Заполнение – прокалённая супесь с сажистыми примазками. Мощность – 32 см. Стенки ямы почти отвесные, дно слабовогнутое.

В 2,5 м. к югу от очага, выявлено кострище № 3 овальной формы размерами 62×42 см (Рис. 153). На поверхности 2 камня. Поверхность и заполнение мощностью 5-7 см представлены красно-прокалённой супесью с

чёрными вкраплениями золы. Дно кострища слабоогнутое с небольшим камнем в основании (Маслодудо, 2017).

По расположению очаг и три кострища образуют площадку в форме ромба со сторонами, примерно, 4 на 2 м. В центре этой площадки, оказалось хозяйственная яма овальной формы размерами 100×80 см. Стенки отвесные, дно плоское. Заполнение – слабогумусированная супесь мощностью 10 см. В заполнении – фрагменты микропластин и мелкие отщепы.

Зона с очагом, кострищами и хозяйственной ямой находится, примерно, в центре жилой поверхности. Её площадь около 96 кв.м. Она насыщена находками общим числом 3309 экз. Состав находок, преимущественно, отщепы, микропластинки, пластинки, фрагменты керамики. Большой серией представлены микронуклеусы. Встречаются скребки, скрёбла, нуклеус-дриль, оригинальная продолговатая галечка с несколькими сколами. Из крупных орудий приметны чопперы, отбойники, песты. Особо ценной находкой является медиальный фрагмент копья с бифасиальной ретушью из яшмы. Приметна находка топора.

В пределах жилой площадки выявлено присутствие меди. Оно проявилось в виде пятна ярко-зелёного цвета диаметром до 30 см. Его расчистка показала наличие такого же заполнения мощностью до 25 см. Спектральный анализ подтвердил присутствие меди. Вероятно, в небольшой песчаной ямке оказались куски самородной меди или медные вещи, разложившиеся до зелёного порошка. Весьма интересно то, что при лабораторном анализе в пробе на медь были выявлены волоски верблюжьей шерсти.

На указанной площади отмечено 25 небольших камней в виде галек и желваков. Они расположены бессистемно.

К указанной жилой площадке с западной стороны примыкает кострище № 4 (Рис. 151). Вскрыто частично. Видимые размеры 144×59 см. На краю 2 камня. Заполнение - в виде красной прокалённой супеси мощностью 10-12 см. На соседних квадратах с северо-восточной стороны выявлена серия

находок с преобладанием микропластинок (Рис. 184-1,3-9) и отщепов, а также заготовка микронуклеуса (Рис. 184-2).

В западной части раскопа отмечена еще одна зона с находками (696 экз.) Состав находок принципиально такой же как на жилой площадке, но их меньше в 5 раз. Найдена серия микронуклеусов (7), микропластинок (5), пластинок с ретушью (2), скребков (4), скрёбел (5). Единичными экземплярами представлены тесло (2) и резец из микропластинки (2). Выявлены рассеянные фрагменты керамики, в том числе со штамповым орнаментом (2). В северном углу раскопа – локальный участок с 10 находками в виде отщепов, пластинок и керамики. Всего в этом горизонте в раскопе 3 найдено 4278 артефактов.

Обнаружено 5 фрагментов костей, принадлежащих благородному оленю и косуле.

Выявлено два погребения. С учётом трёх погребений в раскопе 1-2 им даны номера 4 и 5.

Погребение № 4. Размеры овального пятна 162×72 см (Рис. 154). На его поверхности располагался приметный крупный камень. Размеры в плане 30×35×25 см. Представляет собой весьма увесистый слабоокатанный валун из гнейсо-гранита. Он явно принесён с берега реки. Под ним скрывалось золистое пятно округлой формы размерами 20×25 см и глубиной 7-8 см. Вероятно, здесь разводился небольшой ритуальный огонь. Рядом с камнем выявлено пятно красной охры длиной 30 см, шириной 10 см и высотой до 20 см. Охра окрашивает борт ямы, при этом красный цвет отчётливо виден на фоне светлой супеси.

В погребении обнаружены 2 миниатюрных наконечника из отщепов подтреугольной формы с тонким прямым сечением. Они являются погребальным вариантом данных изделий, т.е. имитацией настоящих наконечников, допускающей упрощённое оформление. В заполнение также оказался торцовый клиновидный микронуклеус. Зафиксирован слабый тлен от эпифиза и от ободка черепного свода.

Погребение № 2 (Рис. 144). Вверхней могильной кладке камни располагались с разницей по вертикали в 40 см; скорее всего, они обозначали поверхность невысокой грунтовой насыпи. Большинство камней окружали пространство со сложно смешанной гаммой песков каштановой и светло-жёлтой супеси, обозначавшее могильную яму округлой формы. Размеры ямы по поверхности 230×210 см. На 10 см ниже кровли погребальной ямы выявлена яркая красная охристая прослойка мощностью 3-5 см. На поверхности прослойки оказался каменный наконечник стрелы подтреугольной формы с бифасиальной обработкой поверхности. Полная расчистка ямы показала, что её глубина 55 см, боковые стенки слабонаклонные, дно плоское. Антропологического материала не выявлено.

О возможности характеристики данного объекта как погребения свидетельствуют намеренность кладки, чётко выраженная погребальная яма, красная охристая прослойка и наконечник стрелы (в культурном слое поселений они встречаются редко) (Маслодудо, 2017).

3.3. Хронология и периодизация

На Усть-Мензе-2 изучено два культурных слоя эпохи бронзы. КС 1 связан с дерново-почвенным слоем, сформировавшемся в субатлантическое время. КС 2 - с нижележащей каштановой супесью, сформировавшейся в суббореальное время. Геологическая позиция слоёв в структуре отложений археологического объекта отчётлива. Их позиция и характер несущей основы не оставляет сомнений в указанном выше геологическом возрасте (см. гл. 1.4). В процессе новых раскопок на поселении (2019 г.) этот вывод получил дополнительное подтверждение, поскольку под слоем 2 на отдельных участках были выявлены линзы с чёрной почвой, маркирующие период атлантического оптимума.

Археологическим доказательством отнесения данных культурных слоёв к эпохе бронзы является выявление в них свидетельств использования обитателями поселения металла в виде меди и бронзы. В обоих слоях

обнаружены массивные каменные орудия, предназначенные для добычи и механической переработки руды, такие как молоты, кирки, отбойники, песты. В этих же слоях найдены абразивы из песчаника и сланца со следами заточки металлических инструментов. В раскопе 2А в слое 2, горизонте 1 найден отщеп со следами меди на поверхности.

В слое 2 (раскоп 2Б) изучена «кладовка рудознатца» названная так по предложению Константинова М.В. (Рис. 147), представляющая собой намеренно подобранный и расположенный в двух ямках набор массивных орудий, типы которых перечислены выше. В этом же слое (раскоп 3) найдены явные следы от разложившейся меди. Особо подчеркнём, что «ямка с медью», «кладовка рудознатца», часть массивных орудий и абразивов для заточки найдены во втором горизонте культурного слоя 2, т.е. в нижнем культурном пласте, относящемся к эпохе ранней бронзы (Рис. 147-148, 200-204, 206, 207-2).

В процессе исследований отчётливо установлено, что искусственно выделенные горизонты внутри культурного слоя 2, обозначенные как горизонт 1 и горизонт 2, являются самостоятельными по уровням обитания, что определено по позициям очагов и других объектов. Разделить их полностью на самостоятельные культурные слои не позволяет их принадлежность к одному однородному литологическому слою и отсутствие внутри этого слоя какого-либо промежутка в позициях предметного материала.

В результате формируется следующая периодизация:

культурный слой 1 – поздняя бронза, 2,8-2,0 тыс. л.н.;

культурный слой 2, горизонты 1, 2- ранняя бронза, 3,8-2,8 тыс. л.н.;

Более полное различие между периодами возможно представить за счёт привлечения к анализу памятников-коррелятов.

Существенная сторона дела состоит в том, что указанные хронологические рубежи демонстрируют реальное длительное наполнение каждого культурного стратиграфического подразделения. Это значит, что

древние люди многократно, а точнее сотни раз, приходили и уходили с этого места в течение 500-800 лет в рамках каждого культурного подразделения, при этом на этом месте, конкретной усть-мензинской террасовой площадке, при визуальной оценке ничего не изменялось и только едва заносилось песчаной плёнкой и даже, скорее, пылью.

Такого рода наблюдения можно подкрепить расчётами. Средняя мощность слоя 2 составляет 25 см. Он формировался 1000 лет. Путём простого подсчёта получается, что 1 см отложений отлагался за 40 лет. За столетие – 2,5 см. На столетие приходилось не менее 4-5 поколений людей. За 1000 лет сменилось порядка 40-50 поколений. Первая половина поколений сооружала и пользовалась очагами, сохранившимися в горизонте 2 из слоя 2. Вторая половина поколений уже очагами из горизонта 1 того же слоя.

Археологическими доказательствами продолжительности нахождения культурных остатков на древней дневной поверхности является крайняя фрагментированность керамической посуды, единичность фрагментов от каждой формы, заветренность их изломов (что не позволяет проводить реальную реконструкцию изделий). Длительное аэральное состояние приводило к разрушению костных остатков добытых животных. Заметно и то, что в слоях не сохраняются каменные обкладки жилых конструкций, хотя размётанных по поверхности камней, в том числе валунов и галек, явно принесённых от реки, достаточно много.

Только после тысячелетнего обитания в эпоху ранней бронзы на этих поверхностях, в силу определённого изменения климата, стали закрепляться тёмные лесные почвы, но и этот процесс почвообразования занял до 800 лет, в течение которых люди продолжали (в перманентно-дискретном) режиме осваивать эту территорию.

3.4. Корреляция

Из круга памятников таёжной бронзы поселение Усть-Менза-2 является наиболее полно раскопанным и представительным по объёму коллекции. Его

дополняют не менее выразительные памятники Усть-Мензинского комплекса, в числе которых *Усть-Менза-1, -3, -4*. Культурные слои эпохи бронзы выявлены также на поселениях *Усть-Менза-5, -6, -7, -8, -9, -10, -11, -12, -13, -14* (Константинов, Екимова, 2011).

Важную роль играют поселения *Студёное-1 и -2*, изученные на обширной площади. На противоположном от Студёного берегу Чикоя, в устье пади Мельничной находятся стоянки бронзового века *Сенокосная и Золотоносная*, в 10 км ниже по течению – стоянка *Гутай*, еще в 20 км ниже – стоянка *Читкан*. Если вернуться на Усть-Мензу и передвигаться далее вверх по течению Чикоя, то можно познакомиться со стоянками бронзы *Фомичёво и Усть-Аца* (Кириллов, Ковычев, 1970, Константинов М., Немеров, 1978).

Большая группа памятников эпохи бронзы находится по берегам реки Мензы, начиная от границы с Монголией, в числе которых *Кристинкина пещера*, которая изучалась в 1980-1981 гг. В пещерной камере выявлено разрушенное погребение с останками двух человек – взрослого и юного в сопровождении богатого погребального инвентаря, в котором преобладают изделия из камня. Вместе с тем найдено 5 металлических орудий; спектральный анализ показал, что изделия являются бронзовыми с содержанием меди 91-92%, олова – 7,1 и 7,7%. Самое крупное изделие – литое 4-гранное шило. Мелкие экземпляры – 2 наконечника и 2 обломка пластинчатых ножей. Выразительной серией из 45 экз. представлены каменные наконечники стрел (Семина, 1983; Константинов М., Екимова Л.В., Верещагин С.Б., 2016).

Культурные слои эпохи бронзы изучались также на поселениях *Солонцовое, Усть-Буркал, Алтан* (Константинов М., Семина, 1980, Константинов А. М., Верещагин, 2011; Константинов А.В., 2001; Екимова, Константинов М., 2011).

В высокогорной местности Хэнтэй-Чикойского нагорья выявлены стоянки эпохи бронзы у Буркальского озера (*Исток Буркала*) и озера Шебетуй

(*Шебетуй-1, -2*) (Константинов А.М., Верещагин, 2011, Константинов М., Верещагин, 2011)

Обзор чикойско-мензинских памятников показывает представительность материалов эпохи бронзы в таёжной зоне. Памятники дополняют друг друга, образуя единую с поселением Усть-Менза-2 базу для обобщённого анализа материальной культуры древнего населения.

3.5. Использование металла

Во II тыс. до н.э. население таёжной зоны юго-западного Забайкалья познакомилось с металлом, что обозначило переход от эпохи камня к эпохе бронзы. На поселении Усть-Мензы-2 и памятниках-коррелятах выявлены прямые и опосредованные доказательства добычи и переработки руды и использования металла.

В культурных слоях и погребениях ранней бронзы найдены:

- бронзовые вещи: литое шило, 2 наконечника стрел, 2 обломка ножей (*Кристинкина пещера*), пуговица (*Студёное-1*);
- литейная форма (*Усть-Менза-1*);
- мелкие кусочки руды (*Алтан*), капля бронзы (*Студёное-1*), зелёное медистое пятно и отщепы с окисью меди (*Усть-Менза-2*), касситериты (*Нижняя Еловка*);
- горнорудные инструменты (*Усть-Менза-2, Нижняя Еловка* и др.),
- «кладовка рудознатца» (*Усть-Менза-2*) (Рис. 147-148, 200-204, 206, 207-2);
- абразивные инструменты для заточки металлических изделий (*Усть-Менза-1, -2, Алтан, Кристинкина пещера*) (Рис. 78-15).

В культурных слоях поздней бронзы найдены:

- бронзовый обушковый нож с рукоятью (*Усть-Менза-4*), обломок бронзового ножа и бронзовая скрепка (*Студёное-1*);
- яма, наполненная древесным углем (*Усть-Менза-1*);
- горнорудные инструменты и абразивы (*Усть-Менза-2* и др.).

Данные предметные и объектные находки являются доказательством использования бронзовых изделий таёжным населением, начиная со второй четверти II тыс. до н.э.

С этого же времени начались поиски медной и оловянной руд. Месторождения этих руд известны на Чикое и Мензе и на соседних участках (Гришин, 1980, Сергеева, 1981). Расположение поселения Нижняя Еловка вплотную к месторождению касситерита и непосредственная его обработка на поселении напрямую свидетельствует о появлении древних горняков. Поселение Студёное находится в 10 км от молибденового месторождения Гутай. Известно, что молибден связан с медистыми песчаниками. На Чикое встречаются проявления самородной меди, плавкой и тягучей.

Большое количество горнорудных инструментов на Усть-Мензе-2 подсказывает, что где-то неподалёку находились места добычи руды. В противном случае массивные инструменты оставались бы прямо на месте добычи. Так, местному населению известно месторождение самородной меди у с. Маргентуй, расположенному посередине между Усть-Мензой и Студёным. О местной рудной базе, переработки руды и её плавке свидетельствуют находки кусочков руды и капелек от расплавленного металла на поселениях. На краю поселения Усть-Менза-1 была устроена яма для пережога древесины с целью получения древесного угля. Известно, что древесный уголь необходим для плавки руды в специальных печах, при этом дроблённая рудная порода переслаивается с древесным углем, который даёт высокую температуру горения. Важным доказательством умения таёжников работать с расплавленным металлом является литейная форма с Усть-Мензы-1. В таких же по характеру формах были изготовлено шило из Кристинкиной пещеры и полушарная пуговица со Студеного-1 (Семина, 1983, 1986).

Об особом месте в жизни людей горного дела свидетельствует «кладовка рудознатца» со специальными инструментами и следами огня с Усть-Мензы-2 (Рис. 147).

Абразивные инструменты из песчаников и сланцев с желобками от заточек шильев и по-особому притёртых поверхностей от наводки ножей свидетельствует об использовании указанных металлических инструментов.

В числе найденных инструментов присутствуют ножи и шилья. Самые архаичные формы изделий из бронзы представлены из Кристинкиной пещеры. Бронзовые наконечники явно повторяют по форме каменные (плоские подтреугольные). Обломки бронзовых плоских ножей едва отличимы от наконечников стрел (Семина, 1983, 1986).

В целом, бронзовых орудий немного. Это свидетельствует о начальных стадиях освоения металла, о редкости и ценности металлических инструментов. Вместе с тем понятно, что только ничтожно малая часть металлических изделий отлагалась в культурных слоях. Объяснения этого известны. Металл можно использовать многократно. Заточка и перековка позволяют существенно продлевать рабочую жизнь металлического орудия и придавать ему новую форму и назначение. Наконец, полностью истощённый инструмент можно отправить в переплавку, что составляет принцип утиль сырья. Отметим и то, что бронза далеко не во всех случаях может заменить камень.

3.6. Индустрия камня

В эпоху бронзы каменные орудия продолжали использовать (Табл. 7).

Их типология и методы изучения принципиально такие же как применительно к материалам каменного века (см. раздел 2.4).

Видное место занимают каменные орудия крупных размеров. На Усть-Мензе-2 выделено 89 экз. изделий такого рода. Они представлены в виде чопперов, топоров, пестов, отбойников, молотов, кирок. Их основами служат, чаще всего, речные гальки.

Чопперы. Они составляют самую многочисленную группу – 43 экз. Изделия сохраняют галечную корку на большей части поверхности. Обработки подвергалась только рабочая плоскость и непосредственно

рабочий край, которые занимают не более трети поверхности; анфас, чаще всего, полностью сохраняет галечную корку. Рабочий край оформлен крупными фасетками с заломами, тогда как рабочая кромка оформлена мелкими фасетками. Угол заострения рабочего края варьирует от 40 до 45 градусов. Если угол заострения составляет 60-70 градусов, это значит, что он деформирован в результате активной работы. (Рис. 170-1; 196-3).

Дополнительные технические характеристики следующие:

- выпуклость рабочего края: 1 см – 57,5%; менее 1 см – 42,5%;
- форма орудия в плане: подтреугольная – 76%; овальная – 20%; прямоугольная – 4%;
- параметры: крупные – длиной более 14 см и массой превышающей 1 кг – 25%; средние – длиной 8-14 см и массой 0,5-1 кг – 40%; малые – длиной до 8 см и массой до 0,5 кг – 45%.

Данные орудия по внешнему виду не отличаются от палеолитических, хотя их принадлежность к слоям бронзы не вызывает сомнений.

Топоры. В эту группу определено 29 экз. В отличие от чопперов эти изделия уплощенные, толщина не более 2 см, с преобладанием длины над шириной не менее чем в 2 раза. Процедура уплощения происходила путем обивки верхней и нижней поверхностей. Форма треугольная, имеются сколы, формирующие место соединения с черенковой частью топора. Рабочий край на всех экземплярах обработан ретушью с двух сторон. У 55% изделий рабочий край изломан в процессе работы и сохраняется только по краям, у 45% рабочий край острый (Рис. 169). Средняя масса – 0,35 кг. У изделий с острым рабочим краем выпуклость более 1 см, угол заострения в среднем 27 градусов; у изделий деформированным рабочим краем выпуклость не превышает 0,6 см, угол заострения в среднем 35 градусов.

Кроме этого, присутствует орудие крупных размеров – 29,5×18×3,8 см, масса 3,38 кг. Рабочий край сильно сбит, его выпуклость не превышает 0,5 см, угол заострения 40 градусов.

Кирки. Известна в одном экземпляре, но весьма выразительном. В плане имеет плавный контур, грушевидную форму с расширенным основанием и суженным верхом. Размеры 12 x 10,1 см. Профиль прямоугольный, уплощённый толщиной до 1,5 см. Обработка ударной ретушью, краевая, с двух поверхностей. Примыкает к топорам, с возможным креплением к черенку, но, скорее всего, предназначенное для дробления породы (Рис.204-205).

Молоты. Обнаружено 8 экз. Имеют подтреугольную и прямоугольную формы. Рабочие края оформлены обивкой. Все экземпляры сохраняют галечную поверхность на 65%. Параметры: более 10 см в длину и массой более 1 кг – 37,5% изделий; менее 10 см в длину, не более 1 кг – 62,5%. (Менее 0,5 кг - экземпляров нет). Присутствуют особые формы изделий: 1) молот треугольной формы с двумя оббитыми поверхностями, образующими клин; 2) экземпляр подобный выше описанному, но пик треугольника естественный; 3) крупное орудие размерами 20×10×5,5 см и массой 2,1 кг, форма овальная, удлинённая; пик, выступающий на 1,2 см, оформлен техникой пикетажа. У всех форм пик несет следы забитости (Рис. 206; 207-1).

Песты. Из речных галек удлинённых форм. Рабочая площадка оформлена пикетажем и имеются следы сбитости. Целых изделий – 4 экз., сломанных – 13 экз. (Рис. 198-2; 199). Самое массивное изделие имеет длину 32 см и массу 4 кг. Средние данные: у целых – длина 24 см, масса 1,1 кг; у обломков – длина до 10 см, масса до 0,6 кг.

Отбойники. 76 экземпляров округлых и овальных форм, со следами точечной забитости, причем она могут отмечаться на артефактах в нескольких зонах. Крупные изделия имеют массу в среднем 0,9 кг и длину 10 см; малые – масса 0,35 кг, длина – 7 см (Рис. 198-1; 200-201).

Абразивные камни. 16 камней из песчаника и сланца; из них 11 экз. массой до 0,04 кг; 5 экз. – 0,09-0,12 кг. Они имеют явные следы заточки инструментов (Рис. 170-3,4).

Крупные орудия имели различные назначения. Чопперы, в основном, использовались как дробящие и рубящие инструменты без рукояти. В отличие от них топоры могли прикрепляться к деревянным рукоятям. Тоже относится к киркам. Песты использовались для растирания и мелкого дробления. Молоты и крупные отбойники служили для добычи и первичного дробления руды. Небольшие по размерам отбойники использовались при расщеплении камня и кости. Абразивные камни – для заточки металлических и костяных инструментов (Маслодудо, 2018).

На других поселениях представлены все виды крупных орудий за исключением весьма выразительных молотов. На Нижней Еловке найдена кирка. Её трасологическое изучение позволило установить, что она использовалась как отбойное орудие при добыче руды.

Важное место в технике обработки камня занимало микронуклеоидное расщепление камня. Так, в слоях бронзы Усть-Мензы-2 найдено 539 *микронуклеусов* (Рис. 162-164, 178-182, 184, 187). Большими сериями они представлены на других памятниках. Часть из них (порядка 12%) характеризуют предварительные фазы, отражающие подготовку элементов нуклеуса, таких ударная площадка, фронт, клин и т.д. Собственно микронуклеусы несут на себе фасетки от снятых микропластинок. Самые крупные микронуклеусы имеют длину до 10 см.; первые снятые с них микропластинки могли быть больше сохранившихся на 4,5 см. Высота нуклеусов превосходит их ширину от 2 до 6 раз, что свидетельствует о высоком уровне исполняемой работы, поскольку мастер стремился снимать длинные узкие микропластинки. Лишь немногие нуклеусы имели высоту равную ширине.

Интересны весовые показатели, которые в исследованиях такого рода используются редко. Самый крупный микронуклеус весит 58 гр. Серия микронуклеусов имеет вес более 45 гр. Наиболее распространены микронуклеусы весом 32-42 гр. Их длина 3-5 см., а ширина в 2-3 раза

меньше. Часть микронуклеусов срабатывалась до предела. Самый сработанный имеет длину 1 см и вес 1 гр.

Практически все нуклеусы оформлялись сначала как торцовые клиновидные. Такое оформление (и название) связано с тем, что фронт целенаправленно размещался набоковой стороне, слегка выпуклой и чётко ограниченной двумя прилегающими поверхностями, сходящимися на клин. Чёткое оконтуривание фронта позволяло задать правильное направление при снятии микропластинок. Прилегающие к фронту латерали, оформлялись мелкими сколами с таким расчётом, чтобы получился узкий клин, параллельный фронту в верхней части и закруглённый в нижней части. Клин может быть также наклонным; в таком случае тело изделия в плане становится подтреугольным. Важным элементом микронуклесов являются ударные площадки. Они горизонтальны, или слабонаклонны за счёт приподнятой кромки рабочей дуги фронта. Площадки всегда фасетированы, они несут на себе мелкие фасетки, углублённые у рабочей кромки. Клин позволял зажимать нуклеус вертикально с верхней позицией ударной площадки.

С микронуклеусов отжимались микропластинки. Давление осуществлялось на самый край площадки, причём весьма искусно: бахторма, заусеницы по верхней кромке фронтов не замечены, а заломы и другие искажения на их поверхностях редки. Как правило, фронт покрыт правильными узкими желобками, являющимися негативами от снятых микропластинок.

Снятие микропластинок приводило к значительной переработке нуклевидного тела. Это выражалось не только в истощении исходного материала, но и в изменении его формы. Дуга фронта могла расширяться, при этом снятия покрывали не только торец, но и латерали, вплоть до линии клина. На следующей стадии сработанности у нуклеуса мог быть устранён клин, а снятие микропластин производиться по круговой или полукруговой системе, что позволяет считать эти экземпляры микропризматическими или

микрoкoническими. Последние иногда ближе к карандашевидной форме. Устранение бокового клина (или ребра) фиксируется не только по нуклеусам, но и по достаточно многочисленным находкам боковых клиньев как таковых. В коллекции Усть-Мензы-2 они представлены 306 экз. Часть из них превращалась в орудия.

Снятие микропластинок велось весьма эффективно. Средний вес микропластинки, что измерено специально, составлял 0,25 гр. Если подсчитать путём прямого соотношения веса, то получается, что с самого крупного микронуклеуса весом 58 гр. можно было снять 232 микропластинки. Разумеется, реально их было существенно меньше, поскольку часть массы нуклеуса уходило в отбросы при переоформлениях (таблетки, фасетки, кромки и т.д.). Но если даже уменьшить результат вдвое, то получится более 100 микропластинок. У более распространённых нуклеусов весом около 40 гр. может быть полезный выход около 50 экз.

Не все нуклеусы доводили до полной сработанности. Бесспорно установлено, что микронуклеусы преобразовывались в *нуклеусы-дрили*, представленные серийно. На Усть-Мензе-2 найдено 30 нуклеусов-дрилей (Рис. 156-5,6,8-10, 180-1-2; 186-1). Такое название ввёл в сибирскую археологию Ю.А. Мочанов (Мочанов, 1969).

Они оформлялись на основе микронуклеуса следующим образом: с него удалялся клин, затем нуклеус переворачивался ударной площадкой вверх и с его опорного конца осуществлялась серия микропластинчатых снятий, доходящих только до середины нуклеуса, при этом образовывался острый конец, похожий на карандашный или на кромку скальпеля. Изделие морфологически отчётливо выражено. Функционально могли служить резцами, скобелями, провёртками.

Кроме того замечено, что за счёт дополнительной ретуши микронуклеусы могли превращаться в концевые и боковые скребки, режущие инструменты, стамески и долота. Такие инструменты, включая нуклеусы-дрили, можно назвать *нуклевидными*.

Были и другие весомые причины сохранять микронуклеса.

По наблюдения М.В. Константинова их могли беречь как сырьё на неблагоприятное время года с целью дальнейшего возобновления расщепления, поскольку с организованной формой легче работать, чем начинать с желвака; они могли использоваться как учебные модели при обучении начинающих; как «хранители памяти» о технологии и формах; как детские игрушки. Микронуклеса являются носителями не только технического, но и эстетического начала. Изящество формы, гармоничное сочетание поверхности, несущей оформление в виде желобков - каннелюр, с поверхностями, покрытыми согласующимися между собой мелкими фасетками, фактурная рукотворная объёмность, сотворённая из округлых и прямых граней – всё это делает микронуклеусы изящными и привлекательными изделиями, в которых отразилось разумное соотношение пользы и красоты. И хотя обычно считается, что микронуклеусы – это технические отбросы производства, но на самом деле они были объектами, которыми дорожили, хранили и использовали по необходимости. Некоторые микронуклеусы в определённых проекциях могут напоминать фигуры зверей и рыб, особенно в детском воображении. Ещё одно особое наблюдение: если изменить рабочее положение нуклеуса на противоположное, то его торец с микроканнелюрами и гранями можно принять за модель конусообразного жилища с основой из древесных шестов, обтянутых шкурами. Жилище – это самое крупное и технически сложное творение человека. Микронуклеус – одно из самых миниатюрных технических творений. Для человека, создающего и большое и малое, наблюдение и сравнение было возможным, полезным и желательным делом. Оно развивало и закрепляло жизненный опыт.

Высокий уровень микрорасщепления мог достигаться за счёт бронзовых отжимников и посредников, похожих по форме на короткие шилья. Прочность металла, тонкий и прочный рабочий конец, точность установки на кромке площадки позволяла умелому мастеру отжимать правильные

удлинённые микропластинки. Такой инструмент найден в Кристинкиной пещере (Сёмина, 1986).

В соответствии с масштабным использованием микронуклеусов значительными сериями представлены *микропластинки*. Так, на Усть-Мензе-2 их найдено 12489 экз. Микропластинок найдено так много, что они составляют конкуренцию отщепам (13270 экз.) Этот факт является очень важным для оценки значимости микропластинчатой индустрии. Большая часть микропластинок представлена фрагментами, которые можно разделять на проксимальные (верхние), медиальные (средние) и дистальные (нижние), при этом по числу они, примерно, равны. Около 5% микропластинок сохранили свои параметры. Максимальная длина микропластинки – 5,5 см при ширине 0,9 см и толщине 0,2 см. Длина больше ширины в 6 раз. Форма у микропластинок, чаще всего, прямоугольная, реже – треугольная. Боковые края представляют собой тонкие лезвия. Дорсальные поверхности микропластинок отмечены двумя или тремя гранями. Ударные бугорки отсутствуют или едва заметны. Целые микропластинки в профиле, в основном, прямоосные. Вместе с тем преобладание фрагментов микропластинок связано с тем, что большинство микропластин при первоначальном производстве получались в профиле слабоизогнутыми. Для дальнейшего использования такие формы приходилось фрагментировать. С учётом их минимальной толщины это нетрудно было сделать ручным лёгким поперечным нажимом. Часть микропластин изламывалась в процессе работы или случайного механического давления, или ещё в процессе снятия с нуклеуса.

Прямоосные микропластинки и фрагменты могли использоваться в дальнейшем как индивидуально, так и в наборных лезвиях вкладышевых орудий. Часть прямоосных микропластинок и фрагментов ретушировалась по краям. На Усть-Мензе-2 таких микропластинок найдено 349 экз. Получается, что ретушировалась каждая 38-я микропластинка. Насчитывается более 20 вариантов локализации ретуши (дорсальная, вентральная, совмещённая;

полная, частичная; левый или правый края, торец и пр.). Ретушь укрепляла край и подгоняла ширину вкладышей под избранный стандарт, что было необходимо для получения единой линии лезвия.

Из микропластинок изготавливались различные самостоятельные в использовании инструменты. Выразительную серию составляют *даурские наконечники стрел* (Рис. 167-3-5, 183-22-27). Они отличаются минимальным оформлением острия и выемки на стыке бокового края с базой. Выемка может быть с левой или правой стороны, по форме – продолговатая или в виде минимального дугообразного излома края. На Усть-Мензе-2 найдено 32 такого рода наконечника. Они известны также с Усть-Мензы-1 и Студёного-1. К ним близки *острия даурского типа* с краевой ретушью, оформляющей острый конец и боковые края, чаще всего со спинки. На Усть-Мензе-2 найдено 62 экз. Они присутствуют на других памятниках. Поскольку часть острий сохранилась в обломках, то их разделение с наконечниками производить достаточно сложно (Рис. 179-1-3,6).

Микропластинки могли использоваться как *резцы* (Рис. 186-2; 187-1-8). Рабочей частью служили уголки на стыке лезвия и торца, при этом они специально оформлялись краевым микроснятием или такое снятие возникало само собой в процессе работы. Ретуширование краёв использовалось редко, поэтому такие изделия непросто выделить из общей массы микропластинок. На Усть-Мензе-2 найдено 36 экз. Известны на всех памятниках.

У некоторых микропластинок края оформлены пильчатой ретушью, т.е. ретушью с волнисто-зубчатым краем. Такие пилки использовались для работы по дереву, кости и рогу. Самые выразительные экземпляры выявлены в Кристинкиной пещере. На Усть-Мензе-2 найдена одна микропластинка с зашлифованной кромкой.

Провертки (сверла) изготавливались, как правило, на боковых пластинчатых сколах и имеют трех- или четырехгранное сечение. У них поперечной ретушью оформлялись все грани. Такие изделия (9 экз) встречаются на памятниках достаточно редко (Рис. 156-11, 165-9).

Нуклеоидная техника расщепления камня представлена также пластинами и пластинками, соответственно, 64 и 367 экз. Они различаются между собой метрическими параметрами и массивностью.

Пластины, как правило, имеют длину около 10 см и ширину около 5 см. Форма их чаще всего неправильная, искривлённая. Часть пластин имеет густую патину. Создаётся впечатление, что пластины с патиной имеют палеолитический возраст и подобраны где-то на размывах плейстоценовых отложений.

Пластинки имеют длину до 7 см, они более узкие и лёгкие, но часто с неровными линиями боковых краёв. Самые лучшие пластинки ретушировались по краям. Пластинок с ретушью найдено 39 экз. (Рис. 179-9,10,13,26).

Из пластин и пластинок подбирались подтреугольные основы для наконечников копий и дротиков (13 экз.), которые оформлялись ретушью в районе острия, а также по краям и насаду.

Обращает на себя внимание тот факт, что единичны морфологически выраженные нуклеусы для снятия пластин и пластинок. Вместе с тем встречаются гальки со следами обивки в виде фасеток от снятых отщепов. Они определены как галечные нуклеусы (9 экз.). Вполне допустимо, что с таких галек путём элементарной организации их поверхностей как ударных и фронтальных сбивались пластины и пластинки, лучшие из которых отбирались и превращались в орудия. При наличии безграничного числа галек на речном бечевнике такая техника была простой, надёжной и достаточно результативной. Вполне возможно допустить, что в эпоху бронзы, при сохранении и развитии техники микронуклеоидного расщепления, технология искусного оформления крупных нуклеусов была не востребована.

Индустрия каменных изделий никогда не обходится без отщепов, которые и в эпоху бронзы находят применение. В коллекциях этого времени они продолжают оставаться самыми массовыми формами. Отщепы

получались при изготовлении орудий из целых основ и при оформлении и переоформлении нуклеусов, предназначенных для снятия пластинок разных параметров.

Но ещё в большем количестве они могли сбиваться с галечных нуклеусов, что описано выше. Присутствуют крупные и средние размеры, но преобладают (до 90%) отщепы миниатюрных размеров (до 3 см), дополненные бесчисленными каменными чешуйками (до 1 см), остающимися на дне рабочего сита после просеивания или промывки грунта из культурного слоя. Наличие чешуек и неиспользованных отщепов свидетельствует о том, что первичная обработка камня совершалась непосредственно на поселениях, хотя могла иметь место и на берегу реки, у открытой воды, т.е. в тёплые сезоны года.

Крупные отщепы использовались для оформления скрёбел (62 экз.). Характер обработки скрёбел зависел от формы избранного отщепа, но, чаще всего, ретушь была только краевая и формирующая; при этом избирались варианты – от крутой, многорядовой до пологой, однорядовой, дорсальной или вентральной. Рабочие края оформлялись как продольные или поперечные. Изредка встречаются скрёбла с унифасиальной и бифасиальной обработкой. Часть скрёбел изготавливалась на расколотых гальках и плитках (Рис. 188-17,19; 190-1-4). Скрёбла известны на всех памятниках – корелятах. Крупные скрёбла, с ладонь величиной найдены в кладовочке мастера на Усть-Мензе-1 (КС 2).

Примерно, также оформлялись ножи (24 экз), но для них использовались отщепы с более тонким сечением. Рабочие края подправлялись приостряющей ретушью с различными вариантами нанесения. Отдельные ножи выполнены в бифасиальной технике. Их поверхности обрабатывались уплощающими сколами, а рабочие лезвия дополнительно ретушировались мелкой ретушью.

Большие серии образуют скребки (Рис. 165-10-22; 166-1-12; 185-1-4,6,9; 188-1-16, 18, 20, 21). Выделяются округлые (242 экз.) и концевые (111 экз.)

формы, но разделение между ними отчасти условно, поскольку дуга рабочего лезвия скребков колеблется в пределах от 90 до 360°. В соответствии с этим одни скребки имеют выпуклое лезвие, другие – полукруглое, третьи – замкнутое по контуру, округлое. Имеется несколько двуконцевых скребков. У концевых скребков частично обрабатывались ретушью боковые края. В отдельных случаях на боковых краях оформлялись одна или две выемки. Они, вероятно, служили для более плотного зажима орудия в рукоятке. Рабочие края скребков всех типов обработаны приостряющей, а чаще всего крутой ретушью. Представлены также скребки высокой формы из утолщённых отщепов с дугообразным или округлым рабочим краем (49 экз.).

Наконечники стрел подтреугольной формы изготавливались на отщепах (32 экз.) Чаще всего, такие наконечники обломаны или недооформлены. Наиболее выразительную серию наконечников стрел дала Кристинкина пещера. Форма наконечников приближается к треугольной, насад может быть прямой, слегка выпуклый, с полукруглой или угловатой, симметричной или ассиметричной выемкой. Оба фаса обычно ретушировались полностью, но имеются экземпляры и с обработкой только краев и насада. Как показал трасологический анализ стрел Кристинкиной пещеры, наконечники использовались не только по прямому назначению, но и вторично, в качестве одноручных сверл, двулезвийных боковых скребков, резчиков.

Бифасиальной ретушью оформлялись вкладыши для составных лезвий ножей (2 экз.). Они прямоугольной или треугольной формы (Рис. 185-12). Обработка представляет собой уплощающую ретушь, наносимую от края к центру, с дополнительной подправкой мелкой ретушью рабочих краев. Выразительные экземпляры найдены в Кристинкиной пещере и на Студёном-1. Небольшие группы острий (проколов) с небольшими шипами (4 экз.), скобелей с выемками (5 экз.) и долотовидных орудий с чешуйчатой подтёской края (8 экз.) оформлены на отщепах (Рис. 164-8-9; 179-12).

Костяные изделия на поселениях немногочисленны, поскольку кость, как таковая, сохраняется очень плохо. Наиболее выразительные экземпляры

найжены в Кристинкиной пещере. Здесь найден наконечник дротика, челноки для плетения сетей, костяные заколки – укэны, а также украшения – астрагалы, зубы марала и косточка с просверленными отверстиями изделий, использование широкого ассортимента костного материала (Семина, 1983).

3.7. Керамические изделия

Опыт описания керамического материала неолита и бронзы Забайкалья представлен в трудах А.П. Окладникова, И.И. Кириллова, Ю.С. Гришина, Л.В.Сёминой (Екимовой), М.В. Константинова (Окладников, 1960, Окладников, Кириллов, 1980, Гришин, 1975, 1981, Сёмина, 1983, 1985, 1986, Константинов М., 1994). Весьма полезны научно-методические разработки по керамике Прибайкалья О.И. Горюновой, Н.А. Савельева, И.В. Уланова (Горюнова, Савельев, 1981, Уланов, 2022). Теоретические оценки керамики как исторического источника наиболее развёрнуто раскрыты на дальневосточных материалах О.В. Дьяковой (Дьякова, 1990) и И.С. Жущиковской (Жущиковская, 1996). Новейшие научные разработки и методы исследования российского и мирового уровня нашли отражение в материалах конференции «Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики», состоявшейся в Петербурге в 2016 г. (Традиции..., 2016). Опыт исследования древней керамики Восточной Сибири и Дальнего Востока, как и других регионов России, учитывается нами при анализе керамики Мензы и Чикоя.

Особенностью керамики Усть-Мензы-2 является то, что она представлена многочисленными, но разрозненными фрагментами, почти не поддающимися аппликации (Рис. 158; 159; 168-9; 174-2-6; 175; 176; 216-224). Это свидетельствует о том, что фрагменты длительное время находилась на поверхности, разносилась по ней и полностью исчезали (например, растапывалась или сбрасывалась на уступ террасы и под него, в реку). За редким исключением фрагменты имеют размеры меньше 5 см. Примерно, четвертая часть фрагментов - мелкий керамический лом (Табл. 2).

Всего в культурных слоях эпохи бронзы на Усть-Мензе-2 найдено 3948 фрагментов керамики, в том числе в КС 1 – 614 экз., в КС 2, горизонт 1 – 2472 экз., в КС 2, горизонт 2 – 862 экз.

Небольшая часть фрагментов, выявленных в КС 1 и обоих горизонтах КС 2, отнесена к плоским плиткам (8 экз). Они имеют прямой профиль и толщину 0,5-0,6 см. Реконструируется овальная форма плиток длиной до 20 см и шириной до 15 см. Назначение плиток остаётся неразъяснённым. Предположительно – кухонные «досточки» для резания. Такие же плитки известны из слоёв бронзы Усть-Мензы-1 и Студёного-1 (Константинов М., Екимова, Верещагин, 2016) Обращает на себя внимание то, что в неолите такие керамические плитки не известны.

Подавляющее большинство фрагментов принадлежит сосудам. Не один из фрагментов не имеет соединительных швов характерных для ленточной формовки сосудов. Вероятно, сосуды изготавливались способом лепки на твёрдой основе. Таковой мог служить готовый сосуд из глины или дерева, или же специальная цельная болванка из того же материала. Доводка стенок сосуда до одинаковой толщины осуществлялась техникой выбивания (выколачивания) с использованием лопаточки (колотушки).

Для смягчения ударов инструмент обматывался нитями. Помимо равномерности стенок такая мягко ударная техника позволяла добиваться толщины 0,2-0,3 см. В результате сосуды получались весьма тонкостенными, но при этом прочными. Нити были достаточно тонкими и перевитыми, и вряд ли правильно в нашем случае называть их шнурами (такой термин иногда используется). Нити наматывались аккуратно, без перехлёстов, равномерно. Доказательством использования такой техники являются оттиски нитей на поверхностях сосудов. Такая техническая операция осуществлялась на завершающей стадии формовки, до обжига.

Оттиски нитей на поверхности сосудов являются техническими. При таком использовании оттиски нитей должны перекрывать друг друга, поскольку при нанесении даже не сильных ударов по поверхностям сосудов,

вряд ли возможно было избежать наложения полей, соответствующих размерам инструмента. Вместе с тем, по наблюдениям М.В. Константинова и Л.В. Екимовой, оттиски нитей покрывают поверхность сосуда без наложения друг на друга и образуют прямоугольные поля. Отсюда возникают соображения о том, что после завершения формовки, поверхности сосудов тщательно заглаживались, а затем поверхность лопаточки с нитями аккуратно прикладывались к поверхности сосуда, без перехлёстов, но иногда под углом друг другу, что диктовалось и сферической формой поверхности. При такой трактовке оттиски нитей являются уже не техническим орнаментом, а элементарным художественным, хотя и не броским. Благодаря оттискам нитей поверхность сосуда приобретала микрорельеф, своеобразную мелкую ритмичную рябь, что делало её более привлекательной, в том числе в результате «игры света». В такой ситуации оттиски нитей создают фон для основного художественного орнамента.

Известны фрагменты с расчёсами поверхности. Расчёсы похожи на оттиски нитей, но при этом отсутствует характерная для нитей перевитость; к тому же наблюдается определённая бороздочность поверхностей. Она происходит от инструмента, представляющего собой нечто вроде деревянной щепы с неровным и видоизменяющимся в процессе работы краем. Расчёсывание позволяло завершить формовку поверхностей с микрорельефом, примерно, такого же какой дают оттиски лопаточки с нитями.

Сосуды украшались штамповым орнаментом. Подсчитано, что порядка 40% фрагментов орнаментированы (Табл. 3). Отдельный оттиск штампа определяется как элемент. В качестве штампа могла использоваться простая палочка, косточка, а в некоторых случаях зубы животного. Штампами наносились по сырой глине оттиски глубиной 1-2 мм.

Выделяются прямоугольные, овальные, округлые, угольчатые, личинковидные и серповидные вдавления размерами 3-4 мм, при этом различия в форме оттиска зависели не только от формы штампа, но и от того

под каким углом соприкасался с поверхностью сосуда один и тот же штамп. Оттиски штампа образуют горизонтальные ряды с расстоянием в одном ряду между оттисками в 2-4 мм, а между рядами 3-5 мм (Рис. 110-3).

Весьма выразителен гребенчатый штамп. Он имел двузубчатое или многозубчатое оформление. Оттиски штампа ставились отчётливо, под небольшим наклоном, с большой частотой, но не сливаясь между собой. Глубина оттиска 2-3 мм. Оттиски образуют горизонтальные ряды, разделённые узкими бордюрами. Они возникли в результате того, что штампованный ряд оказывается чуть заглубленным (Рис. 156-7,8).

Наиболее часто использовался желобчатый орнамент. Наносился он прямым узким штампом, при этом оттиски ставились часто и с придавливанием, благодаря чему образовывался желобок со ступенчатым дном шириной 3-4 мм. Иногда штамп ставился с особым наклоном и в желобке отражался угольчатый оттиск. В этом случае элемент орнамента растворяется в узоре, каким в данном случае является рифлёный желобок. Эти желобки располагались друг под другом, заполняя поля-узоры под определённым углом к венчику. Размеры узорчатых полей, примерно, 5 на 10 см.

Ещё один вид орнамента – пунктирный. Он представлен мелкими прямоугольными или квадратными оттисками, образующими ряды. Высокий уровень стандартности оттисков по их размерам и расстояниям между ними позволяет считать, что орнамент наносился штампом с широким концом (5-6 см) с мелкими зубчиками на конце или же колёсиком с такими же мелкими зубцами по периметру.

Штампом украшалась как минимум верхняя треть сосудов, включая венчик, а иногда и внутренний борт венчика. На отдельных сосудах орнамент распространялся на тулово и вплоть до днища.

На некоторых фрагментах зафиксированы сквозные отверстия, расположенные под венчиком, их диаметр 0,3 мм. Отверстия могли играть

роль украшений, но в определённых случаях они использовались для стяжки небольших трещин.

Иной тип орнамент создавался прочерчиванием. Получались тонкие линии, прямые или в виде угловатого зигзага. В качестве украшений практиковались также короткие косые штрихи, образующие горизонтальные ряды. При орнаментации одного сосуда могли использоваться разные виды штампа, при этом выделяются орнаментальные зоны.

Орнамент непременно наносился в зоне венчика, иногда он спускался в зону тулова. Есть фрагменты от днищ сосудов, украшенные орнаментом.

Орнамент не только украшал сосуды, но и служил своеобразным оберегом, как бы предотвращающим сосуд от разрушения во время обжига или использования. Орнаментальное керамическое искусство имеет как эстетическое, так и мистическое начало (Константинов М., Екимова, Верещагин, 2016).

Установлено, что часть фрагментов несёт следы покраски сосудов красной охрой.

На редких фрагментах верхние поверхности сохранили оттиски грубой крупноячеистой ткани, похожей на сетку-плетёнку (не менее, чем от 4 сосудов). Важно отметить, что на других памятниках Забайкалья, как неолитических, так и эпохи бронзы, использование ткани в керамической технологии ранее не были установлены (Ветров, 1967; Ивашина, 1979; Семина, 1985). Как реально использовалась ткань? Возможно, влажной тканью поддерживали конструкцию сформированного сосуда с тем, чтобы он не распался и растрескался. Ткань оставляла отчётливые фактурные следы.

Формы сосудов были простые с открытым округлым верхом, параболоидные по профилю, с округлым дном. Венчики у сосудов чаще всего прямые, иногда заovalенные или слегка скошенные внутрь. Они составляют прямую линию с туловом или с лёгким внешним наклоном. Подавляющее число фрагментов происходит от тулова. Тулово в нижней части, плавно изгибаясь, переходит в округлое днище. Фрагменты от днища

неравномерно утолщенные, причём утолщение происходит к нижней точке днища (до 0,6 см) (Табл. 2). Предположительно, с подсчётом, в основном, по фрагментам от венчиков, удаётся подсчитать количество выявленных тонкостенных сосудов: КС 1 – 45, КС 2, горизонт 1 -71, КС 2, горизонт 2 – 47.

Реконструируемые размеры тонкостенных сосудов следующие: высота – 25-30 см, диаметр верхней части -20-25 см. В сосуд могло входить до 3-4 литра воды.

Сосуды изготавливались из глины. К глиняному тесту при его замесе добавлялся песок, в основном мелкозернистый, или мелко разрезанная шерсть, служившие отощителями. По нашим предположениям, часть разбитой керамики могла специально размалываться в порошок и также использоваться как отощитель. На поверхностях сосудов, внешней и внутренней, встречаются растительные отпечатки, особенно интенсивные в зоне днища.

Сосуды имеют достаточную прочность стенок для того, чтобы сосуд мог использоваться длительное время. Сосуд не пропускал воду и не разваливался. Качество обжига явно лучше, чем в неолите. Вместе с тем, по нашим наблюдениям, такой обжиг достигался не в специальных печах, а в ямах, в которых сосуды размещались внутри горячего древесного угля. Этот метод можно назвать горячей просушкой. Он позволял избегать массовой выбраковки керамической посуды. Важным свидетельством этого является найденная на Усть-Мензе-2 в КС 2, гор.2 ямка-кострище диаметром около 1 м и глубиной 45 см со следами высокой температуры в заполнении и фрагментом вогнутого доньшка, оставшегося на дне ямки. Этот обломок подсказывает, что и просушка сосуда, подчас, приводила к его растрескиванию.

Второй тип сосуда – плоскодонный толстостенный. Толщина стенок 1,0-1,3 см. Они появляются в ранней бронзе. В КС 2 установлены фрагменты от 20 сосудов, при этом в горизонте 2 –8 экз., в горизонте 1 – 12 экз. В КС 1 – от 14 сосудов. По цифрам видно, что наблюдается постепенное увеличение

числа плоскодонных сосудов. Такие сосуды были более крупными и тяжёлыми. Стенки сосуда заглаживались. Под венчиком располагался налепной валик, иногда он рассекался косыми насечками. По немногочисленным фрагментам формы сосудов в полной мере не устанавливаются. Вероятно, такие сосуды должны были обжигаться в печах. Опыту в сооружении таких печей могло способствовать зарождающееся литейное производство.

В поздней бронзе, судя по находкам в КС 1, стали известны триподы (Окладников, 1959). Они достоверно идентифицируются по фрагментам от ножек, узнаваемых по особой фигурной форме. Не исключается, что триподы появились на таёжной Усть-Мензе благодаря контактам со степняками – кочевниками.

3.8. Культурная и стадияльная принадлежность

Разнообразные серии каменных артефактов в сравнении с единичными реальными бронзовыми изделиями определяет исследовательский подход к фундаментальной оценке данной фазы развития таёжных племён как к эпохе палеометалла. Она делится на ранний и поздний периоды (фазы), которые по времени соответствуют бронзе и раннему железу забайкальских степей.

Особо следует подчеркнуть, что в нашей таёжной зоне не представляется возможным выделить эпоху энеолита, поскольку, во-первых, в отложениях медь в чистом виде не сохраняется; во-вторых, забайкальские руды относятся к полиметаллическим, которые изначально содержат медь, олово, и другие составляющие.

В рамках эпохи палеометалла отмечаются прогрессивные изменения в материальной культуре. Они связаны с возникновением и накоплением опыта в горнорудном и литейном производстве, а также с контактами с соседями-степняками. Обитатели поселений на Усть-Мензе, Студёном, Алтане жили в таёжных условиях. Вместе с тем в зоне среднего Чикоя по его правым притокам существуют степные участки. Нижний Чикой входит в

зону Селенгинской Даурии с её сочетанием степных просторов и сосновых боров. Степные ландшафты с конца II тыс. до н.э. осваивались населением культуры плиточных могил (сокращённо – плиточниками). С I тыс. до н.э. этнокультурный мир дополняется кочевым народом, сооружающим керексуры. В последние века до н.э. мир безымянных (в силу неизвестности настоящих этнонимов) кочевников уступает главенство народу с историческим именем хунну (Цыбиктаров, 1998, 2006, 2007, 2009, 2018; Крадин, Ковычев, 2011; Мамкин, 2011). Степняки-кочевники свободно проникали на лесостепные участки и вполне уверенно ощущали себя в сосновых борах, но таёжные массивы с глухими плотными зарослями и буреломами на крутых горных склонах были для них чужим и пугающим миром. Здесь невозможно было пасти скот в связи с малотравием и легко было его растерять и погубить. В тайге обитали опасные звери (медведь, рысь, волк, кабан). Потенциальная опасность исходила от встречи с лесным населением, адаптированной к таежной среде и умеющим защищаться и нападать.

Таёжники жили затаённо, но основательно, их поселения были весьма длительными по времени обитания, с жилищами в виде чумов с очагами в центре. Топливом служила не только древесина, но и кость, поэтому «засоренность» жилищ и окружающего пространства была минимальной. Покидая поселение, люди могли в дальнейшем возобновлять его использование. Топографический канон расположения базовых поселений легко опознаваем, поскольку его устроители предпочитали селиться на приустьевых мысах, при этом реки и их берега служили источником и местом добычи разнообразной фауны, но не в меньшей степени были полезны как дороги в ближних и дальних передвижениях. Пересекая горные таёжные склоны в разных направлениях, древние люди находили пещеры, гроты, расщелины, полезные для разных целей. Продуваемая ветром пещера Худая длиной 12 м на р. Шонуйи небольшой естественный грот из крупных каменных блоков на Усть-Шонуе, служили временными убежищами.

Крестинкина пещера, расположенная на вершине горы, подходила для укрытия от непогоды и для захоронения двух человек, снабжённых богатым инвентарём, включающим не только каменные инструменты, но и архаичные изделия из бронзы. Таёжные маршруты выводили людей к высокогорным озёрам ледникового и вулканического происхождения, таких как Шебетуй и Буркальское, богатых рыбой. (Константинов А.М., Верещагин, 2011; Константинов М., Верещагин, 2011). Выбор мест обитания и путей передвижения был основан на многотысячелетнем опыте обитания людей в данной таёжной местности. Это определяется бесспорным происхождением культуры эпохи палеометалла, названной Хэнтэйской (Цыбиктаров, 2009), из культуры местных неолитических племён, что отражается в образе жизни и характере конкретного археологического материала. Эта культура находит прямые аналогии в памятниках таёжной зоны реки Хилок (стоянка Черёмушки) (Сёмина, 1981) и реки Ингоды (стоянка Громатуха) (Кириллов, 1973, 1981).

Вместе с тем памятники побережья Байкала и низовьев Селенги, такие как Посольское и Нижняя Берёзовка (Ивашина, 1979, Константинов М. и др. 1995) будут существенно отличаться по значительной роли рыболовства, более развитой керамике и более широким использованием бронзовых изделий.

В эпоху раннего палеометалла (ранней бронзы) обитатели чикойской тайги продолжали вести присваивающее хозяйство, т.е. заниматься охотой, рыболовством и собирательством. Об охоте, как основном виде занятий, напрямую свидетельствуют наконечники стрел и копий, а также кости животных, таких как благородный олень и косуля. О занятиях рыболовством – грузила из плоских речных галек с выемками по краям, предназначенные для сетей. Ярким доказательством внимания к водным богатствам является скульптура из камня (тальк), передающая образ рыбы. Несомненно, что таёжные условия обеспечивали возможности для развития собирательства, в рамках которого важнейшим мог быть кедровый промысел (Захаров, 2009).

Опыт одомашнивания волчат и содержания собак унаследован с мезолита-неолита. В эпоху позднего палеометалла (поздней бронзы) при сохранении того же типа хозяйствования и объектов охоты, естественных для тайги, отмечается появление немногочисленных, но разнообразных домашних животных. Об этом свидетельствуют находки костей таких животных как овца, коза, корова и свинья на поселениях Студёное-1 и Усть-Менза-3 (Константинов М., Екимова, Верещагин, 2016).

В эпоху палеометалла продолжается широкое использование камня для изготовления крупных и мелких орудий, при этом мастерам хорошо известны не только местные источники сырья, связанные с галечными россыпями по берегам рек, но и отдалённые, требующие длительных походов, в основном, за яшмой и халцедоном. Каменная индустрия обогащается появлением многочисленных и весьма разнообразных орудий, позволяющих добывать и дробить руду. Это молоты, кирки, песты, отбойники; для их изготовления используются массивные гальки подходящих форм, иногда они оформляются техникой пикетажа, но чаще всего элементарной обивкой, от чего кажется, что вернулись палеолитические времена с россыпями чопперов, часто изломанных и забитых. Особо выделим абразивные инструменты, используемые для заточки металлических ножей и шильев, и уникальную половинку литейной формы. Опыт, приобретённый в поисках камня, позволил научиться обнаруживать руду. В виде минерала или порошка зелёного цвета следы использования руды замечены, соответственно, в Алтане (слой 7) и Усть-Мензе-2 (слой 2). Отметим, что медные инструменты в геохимически активных почвенных или песчаных покровных слоях фактически не сохраняются. Выявлены единичные бронзовые изделия: шило, обломки ножей, плоские подтреугольные наконечники (повторяющие по форме каменные), полушарная пуговица. Нет сомнений, что реальное использование бронзовых вещей, особенно в поздней фазе палеометалла (поздней бронзе), было более представительным, но металл берегли и

использовали вторично, до полного истощения инструмента. Для получения бронзы использовали медную и оловянную руды. Оловянная руда ныне известна в чикойском крае по ряду месторождений. Медная руда также присутствует, в том числе в самородном виде, хотя месторождений, подходящих для промышленной разработки не установлено.

Использование бронзовых инструментов позволило сократить производство изделий из пластин и пластинок, но микропластинки по-прежнему широко использовались. В культурных слоях и ранней и поздней бронзы (в их таёжном варианте) широко представлены полноценные выразительные микронуклеусы тех же форм (торцово-клиновидных), что и в предшествующие периоды каменного века. Несомненно, что микропластинки (как технологический продукт) находили постоянное применение в наборных лезвиях ножей, охотничьем вооружении (наконечники стрел), а также в наборе мелкого рабочего инструмента (острия, долота, резцы и др). В культурных слоях этого времени выявлены представительные серии микронуклеусов, в том числе сработанных до минимума, с мастерским оформлением фронта. «Остаточные» микронуклеусы находили употребление в виде перфораторов, резцов и скребков. Простая и надёжная техника получения отщепы позволяла, как и прежде, подбирать большие и малые основы для скрёбел и скребков. Топоры изготавливались из крупных галек с обязательной краевой обивкой. Естественная шлифовка поверхностей галек речными процессами уменьшала трудозатраты на предварительную обработку оружейных заготовок.

В культурных слоях массово представлены фрагменты от керамических сосудов. В раннюю фазу палеометалла они были, в основном, круглодонными. В позднюю фазу, наряду с таковыми, распространились плоскодонные. Для формовки сосудов могли использоваться специальные глиняные болванки. Для этого подходили и старые сосуды, от чего орнаментальные мотивы отпечатывались на внутренних стенках нового изделия.

На наш взгляд, керамический орнамент наносился не только ради украшения сосуда, но являлся своеобразным магическим заклинанием, предотвращающим, например, выбраковку при обжиге или быстрый излом в процессе использования. Некоторые сосуды окрашивались красной охрой. На последней стадии производили горячее просушивание новых изделий в ямках, засыпанных горячим мелким древесным углем. Равномерному просыханию стенок способствовал плавный контур сосуда в зоне днища. Такая оценка объясняет распространённую круглодонность сосудов, весьма странную с точки зрения их практического использования.

В рамках эпохи палеометалла возник способ обжига сосудов в печах, чему способствовало развитие литейного дела. В жарких печах можно было доводить до готовности более крупные плоскодонные сосуды, украшенные налепными валиками.

Особой формой керамических изделий были плоские плитки овальной формы. Они появляются в период ранней бронзы, являясь заметным культурным и хронологическим индикатором этой эпохи.

Керамическое производство, судя по формам и орнаментации, было дальнейшим развитием местных неолитических достижений. Вместе с тем в поздней фазе палеометалла на таёжных поселениях появляются триподы, что позволяет вспомнить о плиточниках. Несмотря на противоположность природно-социальных миров – таёжного охотничьего и степного кочевого, - контакты между ними были вполне возможны. Этому, как неоднократно отмечалось, способствовало глубокое проникновение степных участков на закрайки тайги. К тому же реки, в том числе Чикой, выбирают путь не только по узким межгорным долинам, но и по большим и малым впадинам с богатыми пойменными лугами. Они вполне были пригодны для скотоводов. Так, всего 7 км отделяет таёжное Студёное от восточных окраин с. Альбитуй, где на просторной пойменной террасе расположился погребально-ритуальный комплекс, представленный мощным курганным керексуром с внешней кольцевой обкладкой и серией плиточных могил (Мамкин, 2011).

Комплекс полностью раскопан. От таёжного урочища Усть-Менза всего 10 км до южных окрестностей с. Байхор, где, в недавние колхозные время тракторами раздёрганы камни из керексура и соседней плиточной могилы. Ещё одна плиточная могила замечена в 30 км выше по течению Чикоя, на Верхнем лугу, где прежде была молочная ферма с. Архангельское.

По чикойской долине явно сошлись в едином хронологическом отрезке палеометалл тайги и поздняя бронза - раннее железо степей. От степных плиточников таёжные охотники вполне могли получить в дар оригинальный «трёхногий» сосуд – трипод. Ответный дар мог быть в виде соболиных шкурок, кедровых орехов, оленьего корня. Не исключено, что мензинские таёжники могли поделиться сведениями об оловянной руде с реки Нижняя Еловка или других месторождений. Взамен лесные люди могли получить готовые бронзовые вещи. Обитатели тайги увидели у степняков мелкий и крупный рогатый скот, а затем меж собой могли обсудить возможность приручения диких таёжных кабанов, а точнее их молодую беззащитную поросль.

Не исключено, что в какой-то ситуации степняки могли оказаться непосредственно на местах таёжных поселений. Так на Усть-Мензе-2, в слое ранней фазы палеометалла, в пробе, отобранной для геохимического анализа, выявлены волосы верблюда. На поселениях Усть-Мензы найдены обломки уже упомянутых триподов.

Степное население в эпоху бронзы, несомненно, ушло вперёд в сравнение с таёжным. Степняки изготавливали кинжалы, мечи и котлы из бронзы. Они знали блеск золота, отражённого украшениями (Бронзовый век..., 2013). Степняки уже забыли про древнюю технику получения лезвий для вкладышевых ножей. Им не было необходимости постоянно охотиться, поскольку «живой» запас мяса был у них под рукой. Обеспеченная материальная жизнь позволяла степнякам отдавать больше сил решению духовных проблем. Монументальные гробницы из массивных плит и глыб, сопровождаемые оленными камнями, свидетельствовали о развитии

погребального культа, отражающего размышления о жизни и смерти, нашедшие преломление в верованиях и культах (Константинов М, 2016).

В погребальной практике таёжников прослеживается осмысление категорий бытия и смерти, однако ритуальное оформление захоронений характеризовалось определённой сдержанностью. Погребальные сооружения представляли собой неглубокие грунтовые ямы, в которых присутствие красной охры (подсыпанной внутрь могильного пространства). Наземные маркеры погребений ограничивались невысокими холмиками, иногда дополненными небольшим количеством камней, порядка десяти либо единственным камнем-маячком. Погребальный инвентарь отличался минимальной насыщенностью: в захоронениях фиксировались лишь единичные предметы, что свидетельствует о сдержанности материальной составляющей погребального обряда. (Константинов М., Константинов А, 2015).

Каменный инвентарь и керамика как бы намекают на то, что происходили миграционные движения и контакты с достаточно отдалёнными территориями. Так, появление в каменном инвентаре нуклеусов-дрилей можно считать отражением контактов с Якутией, где они известны в среднем и позднем неолите, датируемыми III-II тыс. до н.э. Использование ткани, похожей на сетку-плетёнку, зафиксированной на сосудах, сближает с Прибайкальем.

Прямые и косвенные контакты с таёжными соседями обогащали таёжное население, что отчётливо проявляется в технической сфере, но могло осуществляться и за счёт брачно-семейных отношений.

В целом, таёжная жизнь в сравнении со степной в плане развития была замедленной, но не стояла на месте, что достигалось как за счёт внутренних усилий, так и некоторой подсказки из степных просторов, пугающих своей открытостью, но интересных с точки зрения вещей, идей, новостей и особенностей в организации жизни (Маслодудо, 2023).

Заключение

Древнее поселение Усть-Менза-2 является уникальным археологическим объектом. Его уникальность определяется множеством культурных слоёв. В Сибири и на Дальнем Востоке нет других поселений с 34 культурными слоями, из которых 32 слоя относятся к верхнему палеолиту, дополненных 2 выразительными слоями эпохи бронзы, определяемых в наших конкретных условиях как палеометалл. Общий хронологический охват времени составляет двадцать тысяч лет, предшествующих нашей эре. Возраст культурных слоёв устанавливается на основании археологических, геологических и изотопных данных, взаимопроверяющих и взаимодополняющих. Сорокалетние по продолжительности исследовательские работы позволили раскрыть культурные слои на представительной площади. Для верхних трёх слоев она равняется 1206 кв.м. Для культурных слоёв 4-5 - 834 кв.м. Для КС 6 - 624 кв.м. Для нижележащих слоёв – с 7 по 27 – она постепенно вынужденно уменьшается до 24 кв.м., что объясняется большой глубиной залегания этих слоёв, достигающей 8 метров. Немаловажно отметить, что 29 культурных слоёв связано с аллювиальными отложениями, что демонстрирует перспективность их изучения, тогда как во многих случаях кровля аллювия принимается разведчиками за материк, лишённый археологических ценностей. Другим важным фактором является то, что на этом памятнике впервые в Забайкалье удалось в делювиальных отложениях прояснить строение позднесартанских потеплений и похолоданий в промежутке от 12,8 до 10,3 тысячелетий назад, дающие возможность выделить культурные слои 3, 4, 4/2. Все культурные слои Усть-Мензы-2 наглядно увязываются с литологическими слоями, позволяющими составить представление о географических и природно-климатических условиях обитания древних людей. В большинстве случаев в культурных слоях определяется конкретная поверхность обитания, опознаваемая по базовому уровню основания строительных камней, входящих в различные структуры.

Палеолитические слои Усть-Мензы-2 сохранили в тафономическом состоянии картины обустроенных древних поселений, состоящих из жилищ двух типов - малых и больших. Иначе их можно определить, соответственно, как округлые и овально-вытянутые. Оба типа жилищ объединяет то, что они были наземными, с галечными контурными основаниями (это сохранившиеся элементы), с жердевыми конструкциями, имеющими покрытие (реконструируемые элементы). Различаются жилища между собой внешней формой: в первом случае отчётливо конической, во втором - шалашеобразной, но тоже конической в поперечном разрезе и трапециевидной - в продольном. В жилищах реально представлены очаги - от одного - в малом округлом, до 3-4 - в большом удлинённом. Внешне культурный слой с остатками жилищ выглядит как супесчаная поверхность с группированными или рассеянными речными камнями, разобраться во взаимосвязанности которых позволяет позиция очагов. В результате планиграфического анализа удаётся уверенно выделить во многих слоях серии жилищ и тем самым составить представление о характере и облике палеолитических поселений периода сартанского оледенения. Исследование Усть-Мензы-2 расширило почти в два раза «жилищный фонд» забайкальского палеолита (Маслодудо, 2024а). Жилищно-поселенческий характер палеолита Усть-Мензы-2 позволяет уверенно заключить: население позднего периода верхнего палеолита не было постоянно перемещающимся в пространстве, бродячим и «бездомным» или живущим в каких-то шалашах из веток; оно создавало устойчивые, грамотно обустроенные поселения с жилищами, надёжно оберегающими от холода и непогоды. Вместе с тем Усть-Менза-2 в ряде культурных слоёв сохранила временные стоянки, оставленные, вероятно, группами охотников. Анализ каменной индустрии с учётом раскладки материала по культурным слоям – от нижних к верхним - даёт возможным проследить становление и развитие техники микронуклеуса, предназначенной для снятия микропластинок. Робкие попытки получить микроснятия в глубинных слоях (КС 25-27) в результате

тысячелетних усилий и накопления опыта приводит к появлению устойчивой и результативной техники снятия серий микропластин, наблюдаемых в верхних палеолитических слоях (КС 3-6). Становление данной техники привело в итоге к широкому применению вкладышевых инструментов, с основами (рукоятями) из рога и кости и наборными лезвиями из микропластинок. Микропластинчатая техника в связке с вкладышевой демонстрирует высокий уровень обращения древних мензинцев с камнем и костью, что в целом характерно для позднего палеолита Забайкалья. Каменная индустрия палеолитических слоёв с учётом корреляции с другими чикойско - мензинскими поселениями позволяет включить Усть-Мензу-2 в Студёновскую культуру, отличающуюся от Сухотинской культуры Восточного Забайкалья техникой обработки камня, вобравшей в себя многочисленные бифасиальные орудия, такие как наконечники копий и ножи. Верхние слои Усть-Мензы-2 характеризуют эпоху бронзы в её развитии. Известно, что бронзовый век подарил человечеству масштабные открытия во всех сферах жизни. Именно в бронзовом веке родилась цивилизация на африканском Ниле, в ближневосточном Двуречье, в южноазиатском Инде и восточноазиатском Хуанхэ. Археология ранних цивилизаций – это ирригация, города, храмы, пирамиды. В вооружении преобладают бронзовые мечи и кинжалы, мощные луки и колесницы (Бронзовый век..., 2013). Весьма представительны археологические культуры степной зоны, протянувшейся от Забайкалья и Маньчжурии до Венгрии. Рождалась культура кочевников-номадов, уделявших огромное внимание табунам лошадей и отарам овец, а вместе с тем погребальным обрядам, отражённым в склепах, дольменах и множеству оградах плиточных могил. Степняки также владели бронзовым оружием, причём не только заимствованном в очагах цивилизации, но и произведённым самостоятельно (Диков, 1958, Волков, 1967, Гришин, 1981 Кириллов, 1981; Цыбиктаров, 2007, 2009; Асеев, 2003, История Бурятии, 2011, Константинов М., Константинов А, 2011). На этом переливающимся

красками историческом фоне эпохи раннего металла таёжные культуры могут показаться блеклыми, застылыми и однообразными (Константинов М., Сёмина, 1980). Но здесь важно другое – таёжные просторы, с которыми население Евразии познакомилось всего лишь 6-8 тысяч лет назад (с начала послеледниковой эпохи), в эпоху бронзы не опустели. К числу древних таёжных культур этого времени относится и Хэнтэйская культура юго-западного Забайкалья, представленная выразительными и по-своему уникальными археологическими памятниками. Одним из основных памятников этой культуры является поселение Усть-Менза-2 с его верхними голоценовыми культурными слоями. Состав археологического материала подсказывает особый вариант её стадияльного определения как эпохи палеометалла. Этот материал включает в себя представительную серию массивных орудий, предназначенных для добычи и переработки руды, свидетельствующую о зарождении горного дела во II тыс. до н.э. Значимость горного дела подчёркивает «кладовка рудознатца», состоящая из двух намеренно выкопанных ямок со следами ритуального огня, обрамлённых специальными каменными орудиями. Особенность стадияльного развития подчёркивается тем, что начало использования металла не привело не только к исчезновению каменной индустрии, но даже к определённым прогрессу в технологии микропластинчатых снятий и ретуширования, что связано, вероятно, с использованием бронзовых отжимников и посредников. Отмечается, что в культурных слоях и ранней и поздней бронзы (в их таёжном варианте) широко представлены полноценные выразительные микронуклеусы тех же форм (торцово-клиновидных), что и в предшествующие периоды каменного века. Несомненно, что микропластинки (как технологический продукт) находили постоянное применение в наборных лезвиях ножей, охотничьем вооружении (наконечники стрел), а также в наборе мелкого рабочего инструментария (острия, долота, резцы и др.). В итоге следует заключить, что население тайги в эпоху палеометалла не ушло в степи и не поддавалось давлению

степняков. Оно максимально адаптировалось к таёжной природной среде и научилась извлекать из неё природные блага достаточные для устойчивого обитания (Маслодудо, 2024б). Сохраняя традиции и познавая новое, они сохранили своё место в мире, позволив появиться в дальнейшем историческим таёжным этносам, составившим основное население забайкальской тайги ко времени прихода русского населения в XVII веке.

Список сокращений

БНЦ СО РАН-Бурятский научный центр Сибирского отделения

Российской академии наук

ЗабГУ-Забайкальский государственный университет

ИАЭТ СО РАН-Институт археологии и этнографии Сибирского отделения

Российской академии наук

ИГУ-Иркутский государственный университет

КС- Культурный слой

ЛС- Литологический слой

МГУ-Московский государственный университет

МНСК- Международная научная студенческая конференция

ТКОПОИРГО- Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела

Императорского Русского географического общества

ЧГПИ-Читинский государственный педагогический институт

Список архивных источников и археологических коллекций***Полевые отчеты***

1. Константинов, А.В. Раскопки поселения Усть-Менза-2 в Читинской области: Научный отчет о раскопках в Читинской области в 1984 г. / А.В. Константинов. – Чита, 1985.
2. Константинов, А.В. Раскопки поселения Усть-Менза-2 в Читинской области: Научный отчет о раскопках в Читинской области в 1985 г. / А.В. Константинов. – Чита, 1986.
3. Константинов, А.В. Раскопки поселения Усть-Менза-2 в Читинской области: Научный отчет о раскопках в Читинской области в 1986 г. / А.В. Константинов. – Чита, 1987.
4. Константинов, А.В. Раскопки поселения Усть-Менза-2 и Косая Шивера в Читинской области: Научный отчет о раскопках в Читинской области в 1987 г. / А.В. Константинов. – Чита, 1988.
5. Константинов, А.В. Изучение поселения Усть-Менза-2 в Читинской области: Научный отчет о раскопках в Читинской области в 1988 г. / А.В. Константинов. – Чита, 1989.
6. Константинов, А.В. Изучение поселения Усть-Менза-2 в Читинской области: Научный отчет о раскопках в Читинской области в 1990 г. / А.В. Константинов. – Чита, 1992.
7. Константинов, А.В. Изучение поселения Усть-Менза-2 в Красночикойском районе Читинской области: Научный отчет о раскопках в Читинской области в 1994 г. / А.В. Константинов. – Чита, 1996.
8. Константинов, М.В. Исследование в юго-западных районах Читинской области (Толбага, Студеное, окрестности Мензы, Кристинкина пещера) в 1980 г. / М.В. Константинов. - Чита. 1981.— 151 с.
9. Константинов, М.В. Многослойное поселение Алтай на реке Мснзе. Раскопки 1984 г./ М.В. Константинов. - Чита, 1985.- 80 с.

10. Константинов, М.В. Исследования поселения Усть-Менза-3 в Забайкалье: Отчет о полевых исследованиях в 1987 г./ М.В. Константинов. — Чита, 1988.
11. Константинов, М.В. Раскопки и разведки древних памятников в Забайкалье в 1989 г.: в 4 ч./ М.В. Константинов. — Чита, 1990. Часть 1. Общая организация. Исследование Усть-Мензы-4. — 52 с. Часть 2. Археологические исследования на Чикое и Селенге. — 180 с. Часть 3. Археологические исследования на Чикое и Селенге. — 117 с. Часть 4. Исследования в долине реки Хилок. — 102 с.
12. Константинов, М.В. Научный отчёт. Исследование Студеновского археологического комплекса в Забайкалье в 1996 г. / М.В. Константинов. — Чита, 1997.
13. Константинов, М.В. Научный отчёт. Исследование многослойного поселения Студеное-2 в Забайкалье в 1997 г. / М.В. Константинов. — Чита, 1998.
14. Константинов, М.В. Научный отчет о полевых исследованиях в Западном Забайкалье в 2000 г. Студное-1 и 2. Мельничное. Разведка Шаман-Горы. / М.В. Константинов. - Чита, 2001. - 180 с.
15. Константинов, М.В. Научный отчет о полевых исследованиях в Западном Забайкалье в 2001 г. Буркал. Шаман-Гора. / М.В. Константинов. - Чита, 2002. — 188 с.
16. Константинов, М.В. Исследования древнего поселения Усть-Менза-5 в Забайкалье. Научный отчет о полевых исследованиях в 2006 г. / М.В. Константинов. - Чита, 2006.
17. Константинов, М.В. Научный отчет. Изучение древних поселений Усть-Мензинского археологического комплекса в 2008 г. / М.В. Константинов. - Чита, 2009.
18. Константинов, М.В. Научный отчёт. Изучение Усть-Мензинского археологического комплекса в Забайкалье в 2013 г.: в 2 т. / М.В. Константинов. - Чита, 2014. Т. 1. Усть-Менза-6 (Груздевая). - 120 с. Т. 2. Усть-Менза-15 (Кедровая). - 98 с.

19. Константинов, М.В. Научный отчёт. Исследование Усть-Мензинского археологического комплекса в Забайкалье в 2014 г.: в 4 т. / М.В. Константинов. - Чита, 2015. Т. 1. Поселение Усть-Менза-6 (Груздевая). - 128 с. Т. 2. Поселение Усть-Менза-5. - 115 с. Т. 3. Поселение Усть-Менза-1. - 132 с. Т. 4. Поселение Усть-Менза-14 (Лагерная). - 227 с.
20. Константинов, М.В. Научный отчёт. Разведка в окрестностях с. Жиндо Красночико́йского района Забайкальского края в 2015 г. / М.В. Константинов. - Чита, 2016. - 30 с.
21. Константинов, М.В. Научный отчёт. Раскопки древнего поселения Усть-Менза-2 в 2016 г. / М.В. Константинов. - Чита, 2017.
22. Константинов, М.В. Научный отчёт. Раскопки древнего поселения Усть-Менза-7 в 2017 г. / М.В. Константинов. - Чита, 2018.
23. Константинов, М.В. Научный отчёт. Археологические раскопки памятников Усть-Менза-2 и Усть-Менза-6 в Красночико́йском районе Забайкальского края в 2019 г.: в 2 т. / М.В. Константинов. - Чита, 2020. Том 1. Древнее поселение Усть-Менза-2. Т. 2. Древнее поселение Усть-Менза-6. — 124 с.
24. Константинов, М.В. Научный отчёт. Археологические раскопки объекта культурного наследия федерального значения «Река Менза. Поселение Усть-Менза-2» в Красночико́йском районе Забайкальского края в 2020 г. / М.В. Константинов. - Чита, 2021.
25. Константинов, М.В. Научный отчёт. Археологические раскопки объекта культурного наследия федерального значения «Река Менза. Поселение Усть-Менза-2» в Красночико́йском районе Забайкальского края в 2021 г.: в 2 т. / М.В. Константинов. - Чита, 2022.
26. Константинов, М.В. Научный отчёт. Археологические раскопки объекта культурного наследия федерального значения «Нижний Нарым. Поселение Студное-2» в Красночико́йском районе Забайкальского края в 2022 г.: в 2 т. / М.В. Константинов. - Чита, 2023. - 99 с.

27. Константинов, М.В. Научный отчёт. Археологические раскопки объекта культурного наследия федерального значения «Река Менза. Поселение Усть-Менза-2» в Красночикойском районе Забайкальского края в 2023 г. / М.В. Константинов. - Чита, 2024.
28. Константинов, М.В. Научный отчёт. Археологические раскопки объекта культурного наследия федерального значения «Река Менза. Поселение Усть-Менза-2» в Красночикойском районе Забайкальского края в 2024 г./ М.В. Константинов. - Чита, 2025.
29. Семина, Л.В. Исследования на поселении Усть-Менза-1 в 1983 г. (Юго-Западное Забайкалье). / Л.В. Семина. – Чита, 1984.
30. Семина, Л.В. Исследование многослойного поселения Усть-Менза-1 в Западном Забайкалье: Научный отчет о полевых исследованиях в 1985 г. / Л.В. Семина. – Чита, 1986.
31. Семина, Л.В. Раскопки на многослойном поселении Усть-Менза-1: Научный отчет о полевых исследованиях летом 1986 г. / Л.В. Семина. – Чита, 1987.
32. Семина, Л.В. Раскопки древних поселений в бассейне реки Мензы // Научный отчет о полевых исследованиях летом 1990 г. / Л.В. Семина. – Чита, 1991.
33. Семина, Л.В. Раскопки на Усть-Мензе-1 и Черноярово в Западном Забайкалье в 1991 г. / Л.В. Семина. – Чита, 1992.
34. Семина, Л.В. Исследования в Усть-Мензинском урочище: Научный отчет о полевых исследованиях летом 1992 г. / Л.В. Семина. – Чита, 1993.

Археологические коллекции (лаборатория палеоэкологии историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета; Забайкальский краевой краеведческий музей им. А.К. Кузнецова)

Алтан,

Кристинкина пещера,

Нижняя Еловка-2,

Студеное-1, -2,

Усть-Менза-1, -2, -3, -4,-5, -6,-7, -8,-9, -10, -11, -12, -13, -14, -15, -16,

Фомичево,

Приискское,

Мельничное-1,

Читкан,

Жиндо-1,-2,

Солонцовое-1,

Усть-Буркал,

Косая Шивера-1,-2.

Список литературы

1. Абрамова, З.А. Палеолит Енисея: Кокоревская культура // Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. - 200 с.
2. Абрамова, З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура // Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. - 157 с.
3. Абрамова, З.А. Поздний палеолит Азиатской части СССР // Археология СССР в 20 т. Палеолит СССР. – М: Наука, 1984. С. 302-346
4. Абрамова, З.А. Клиновидные нуклеусы в палеолите Северной Азии // Палеолит и неолит. Ленинград: Наука, 1986. С. 11-16
5. Абрамова, З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит мира. Том 3. Палеолит Кавказа и Северной Азии. Ленинград: Наука, 1989. С. 143-243
6. Абрамова, З.А. Микронуклеусы в палеолите Енисея // КСИА Вып. 126. Москва. : Наука, 1971. С 14-21.
7. Аксенов, М.П. Палеолит и мезолит Верхней Лены / М.П. Аксенов; отв. ред. М.В. Константинов // М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Иркутский гос. технический ун-т. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2009. 370 с.
8. Алкин, С.В. К 70-летию Шилкинского маршрута экспедиции А.П. Окладникова 1954 года / С.В. Алкин, Р.В.Смоляков // 300-летию научных исследований в Забайкалье. Материалы международных научных конференции 16-20 сентября 2024 г. - Чита: ЗабГУ, 2024. С. 6-11.
9. Асеев, И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла / И.В. Асеев. – Новосибирск, 2003. – 208 с.
10. Базаров, Д.-Д.Б. Четвертичные отложения и основные этапы развития рельефа Селенгинского средневековья. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1968 – 166 с.
11. Базаров, Д.-Д.Б. Кайнозой Прибайкалья и Западного Забайкалья.– Новосибирск: Наука, 1986. – 182 с.
12. Базаров, Д.-Д.Б. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья/ Д.-Д.Б. Базаров, М.В. Константинов, А.Б. Иметхенов, Л.Д.

Базарова, В.В. Савинова// К XI конгрессу INQUA, Москва, 1982 – Новосибирск: Наука, 1982. – 163 с.

13. Базарова, Л.Д. Палеогеографические реконструкции эпохи обитания первобытного человека в Юго-Западном Забайкалье (по материалам исследования археологических памятников): автореф. дисс. канд. геогр. наук. 11.00.04 – Новосибирск – 1985. – 16 с.

14. Базарова, Л.Д. Древние поселения как природно-исторические памятники / Л.Д. Базарова, М.В. Константинов // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. – Улан-Удэ. 1987. – С.97-109.

15. Березницкий, С.В. История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки / авт. С.В. Березницкий и др.; редкол.: В.А. Тураев (отв. ред.), В.Л. Ларин, А.Ф. Старцев; Российская акад. наук, Дальневосточное отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. - Санкт-Петербург: Наука, 2010. - 332, [2] с.

16. Бестужев, Н.А. Очерки Забайкальского хозяйства // Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма – Улан-Удэ 1975. С. 150-151.

17. Бронзовый век. Европа без границ. Четвёртое – первое тысячелетия до н.э. – Санкт-Петербург: Изд-во Чистый лист, 2013. – 648 с.

18. Вангенгейм, Э.А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии (по млекопитающим). К 10 конгрессу INQUA (Бирмингем, 1977) / Э.А. Вангенгейм; АН СССР, Геол. ин-т, Комис. по изучению четвертичного периода. — Москва: Наука, 1977. — 172 с.

19. Васильев, С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны) // СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 224 с.

20. Васильев, С.В. Палеоантропологическое исследование населения Забайкалья эпохи мезолита-неолита (предварительное сообщение) / С.В. Васильев, С.Б. Боруцкая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Международной научной конференции: в 2 ч. (Чита, 13-19 сентября 2013 г.). – Чита: ЗабГУ, 2013. – Ч. 1. – С. 45-53.

21. Васильевич, Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII-начало XX в.). - Ленинград, 1969. - 304 с.
22. Верещагин, С.Б. Древнее поселение Усть-Менза-1: новый этап исследований // Гуманитарный вектор. 2011. № 3 (27). – С. 5-9.
23. Ветров, В.М. Усть-Каренгский комплекс стоянок на Витиме / В.М. Ветров // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск, 1981. – С. 19-26.
24. Викулова, Н.О. Предварительные результаты изучения игл из слоев позднего палеолита стоянки Усть-Менза 2 в Забайкалье / Н. О. Викулова, М. Г. Жилин // Краткие сообщения Института археологии. – 2023. – № 273. – С. 110-121. – DOI 10.25681/IA5A6.0130-2620.273.110-121. – EDN MCUYXC.
25. Власенко, Д.Е. Первичное расщепление в индустрии палеолитического слоя Усть-Мензы-14 (Западное Забайкалье) / Д. Е. Власенко // 300-летие Российской академии наук - археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия: Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Новосибирск, 26–29 апреля 2023 года. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2023. – С. 7-9. – EDN ВНККЕЕ.
26. Власенко, Д.Е. Исследование памятника Усть-Менза-14 в 2023 Г. (Западное Забайкалье) / Д. Е. Власенко, О.Ю. Ячменев // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2024. – № 24. – С. 48-55. – DOI 10.24412/2658-7637-2024-24-48-55. – EDN CCWSIQ.
27. Волков, В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии / В.В. Волков. – Улан-Батор, 1967. – 146 с.
28. Гиря, Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. Часть 2. – СПб: ИИМК РАН, 1997. 198 с.
29. Герасимов, М.М. Реки Селенга и Белая, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР, 1934-1936 гг. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 316-318.

30. Герасимов, М.М. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. / М.М. Герасимов, Е.П. Черных // Первобытная археология Сибири. – Ленинград: Наука, 1975; Москва, 1975. – С. 23-48.
31. Горюнова, О.И. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики/ О.И. Горюнова, Н.А. Савельев // Описание и анализ археологических источников – Иркутск: ИГУ, 1981. – С. 115-125.
32. Горюнова, О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис.... канд. ист. наук.: 07.00.06 / О.И. Горюнова. – Новосибирск, 1984.
33. Горюнова, О.И. Особенности природной обстановки и материальной культуры приольхонья в голоцене / О.И. Горюнова, Г.А. Воробьева // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 40-54.
34. Гришин, Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья / Ю.С. Гришин. – Москва: Наука, 1975. – 136 с.
35. Гришин, Ю.С. Древняя добыча меди и олова / Ю.С. Гришин. – Москва: Наука, 1980. – 134 с.
36. Гришин, Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного века лесостепного Забайкалья / Ю.С. Гришин. – Москва: Наука, 1981. – 203 с.
37. Гришин, Ю.С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. - М., Старый сад, 2000. - 128 с.
38. Гурова, О.Н. Красный Чикой // Энциклопедия Забайкалья. В 4т. – Новосибирск: Наука, 2006. Т.3. С. 143-144.
39. Дебец, Г.Ф. Итоги и задачи палеоэтнологии в Западном Забайкалье // Бюл. ВСОРГО. – 1925а. - № 6. – С. 82-84.
40. Дебец, Г.Ф. Следы доисторического человека в долине р. Уды // Бурятияведение. – Верхнеудинск, 1925б. - № 1. С. 13-16.
41. Дебец, Г.Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Изв. Ассоциации науч.-исслед. Ин-ов при физ-мат. Факультете МГУ. 1930. –Т.3. -№ 2а. – С. 151-169.

42. Диков, Н.Н. Бронзовый век Забайкалья / Н.Н. Диков. – Улан-Удэ: Бурятский комплексный НИИ СО РАН СССР, 1958. – 138 с.
43. Дьякова О.В. Происхождение, формирование, и развитие средневековых культур Дальнего Востока СССР. Автореф. дисс... докт. ист. Наук – М., 1990 – 35 с.
44. Екимова, Л.В. Алтан / Л.В. Екимова, М.В. Константинов // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология – Новосибирск: Наука, 2011. – С 49.
45. Ермолова, Н.М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене: диссертация... кандидата биологических наук: 03.00.08. - Ленинград, 1973. - 240 с.
46. Ермолова, Н.М. Охота и природа Южной Сибири в каменном веке // Палеоэкология древнего человека. М., 1977. С 197-202.
47. Жущиковская, И.С. Древнее гончарство юга Дальнего Востока России (история производства). Автор... дисс... докт. ист. наук – СПб, 1996 – 42 с.
48. Захаров, А.А. Кедровый промысел / А.А. Захаров, А.П. Кривецкий // Малая энциклопедия Забайкалья. Природное наследие. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 137-139.
49. Ивашина, Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии / Л.Г. Ивашина. – Новосибирск: Наука, 1979. – 154 с.
50. История Бурятии: в 3 т. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ. СО РАН, 2011. – Т. 1: Древность и средневековье. – 238 с.
51. История Сибири: в 4 томах / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии, Ин-т истории, Рос. ист. о-во. – 2019 – .ISBN 978-5-7803-0304-6. Т.1: Каменный и бронзовый век / отв. редактор М. В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – 660 с. SBN 978-5-7803-0305-3 (том 1).
52. Карасев, В.В. Палеолитическое месторождение Приисковое / В.В. Карасев, В.К. Колосов, В.В. Крушевский // Новые палеолитические памятники Забайкалья (к Всемирному археологическому интер-конгрессу): сб. науч. статей. – Чита: ЧГПИ, 1996. – С. 70-103.

53. Кириллов, И.И. Очерки древней истории Забайкалья / И.И. Кириллов, М.И. Рижский //– Чита: ЧГПИ, 1973 – 137 с.
54. Кинд, Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. Труды ГИН, вып. 257. – М.: Наука, 1974 – 255 с.
55. Кириллов, И.И. Исследования в Читинской области / И.И. Кириллов, Е.В. Ковычев // Археологические открытия 1970 года – М: Наука, 1971 – С. 186 – 188.
56. Кириллов, И.И. Восточное Забайкалье в древности: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 – Новосибирск, 1981. 38 с.
57. Кириллов, И.И. Дарасунский комплекс археологических памятников – Восточное Забайкалье / И.И. Кириллов, Е.В. Ковычев, О.И. Кириллов. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 176 с.
58. Кириллов, И.И. Канга / И.И. Кириллов, Н.Г. Дятчина, О.И. Кириллов // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 151-153.
59. Кириллов, И.И. Очерки древней истории Забайкалья / И.И. Кириллов, М.И. Рижский. – Чита, 1973. – 135 с.
60. Кириллов, О.И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура. Автореф. дис. ... канд ист. наук:07..00.06 / – Новосибирск, 1994. – 19 с.
61. Князева, И.И. Палеолитические жилища Усть-Мензы-2 / И.И.Князева, Е.И. Стрелкова // Археологические исследования в Сибири. Тезисы докладов к конференции. – Барнаул: Алтайский пед. ин-т, 1989. – С. 33-34.
62. Кольцов, Л.В. Мезолит Юга Сибири и Дальнего Востока / Л.В. Кольцов, Г.И. Медведев // Археология СССР в 20 т. Мезолит СССР. – М: Наука, 1989. С. 174-186.
63. Константинов А.В. Раскопки в Западном Забайкалье // Археологические открытия 1985. – М.: Наука, 1986. – С. 179-180.
64. Константинов, А.В. Усть-Менза-2: возраст и характер культурных горизонтов, /А.В.Константинов, И.И.Князева // Четвертичная геология и

первобытная археология Южной Сибири: Тез. Докл. Всесоюз. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1986. - Ч. 2.– С. 65 – 67.

65. Константинов, А.В. Новые материалы по палеолиту Усть-Мензы-2 /А.В.Константинов, М.Н. Мещерин, И.И. Князева // Проблемы археологии Северной Азии (К 80-летию академика А.П. Окладникова). Тезисы докладов XXVIII РАСК. Чита. – 1988. – С. 110-111.

66. Константинов, А.В. Планиграфия поселения Усть-Менза-2 / А.В. Константинов, Я.Э. Соколова // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Междунар. конф.: тез. докл.: в 2 ч. / Бурят. науч. центр СО РАН, Правительство Респ. Бурятия, Бурят. ин-т обществ. наук, М-во культуры Респ. Бурятия, Науч.-производствен. центр охраны пам., ЧГПИ им. Н.Г. Чернышевского; под ред. А.И. Бураева, С.В. Данилова [и др.]. – Улан-Удэ: БФ СО РАН, 1996. – Ч. 2. – С. 26–30.

67. Константинов, А.В. Хозяйственные комплексы поселения Усть-Менза-2 /А.В. Константинов, И.Н. Наумцева // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Междунар. конф.: тез. докл.: в 2 ч. / Бурят. науч. центр СО РАН, Правительство Респ. Бурятия, Бурят. ин-т обществ. наук, М-во культуры Респ. Бурятия, Науч.-производствен. центр охраны пам., ЧГПИ им. Н.Г. Чернышевского; под ред. А.И. Бураева, С.В. Данилова [и др.]. – Улан-Удэ: БФ СО РАН, 1996. – Ч. 2. – С. 53–55.

68. Константинов А.В. Новые хозяйственные комплексы эпохи палеолита в Западном Забайкалье //Археологические открытия 1996. – М.: Наука, 1997. - С. 331-333.

69. Константинов, А.В. Палеолитические жилища Чикойско-Мензенской провинции Западного Забайкалья: Автореферат. дис. Канд. – СПб, 199 –19 с.

70. Константинов, А.В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит)– Новосибирск: Наука, 2001. – 224 с.

71. Константинов А.В. Планиграфический анализ очажного комплекса культурного слоя 17 поселения Усть-Менза-2 в Забайкалье // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда в 3 т. Красноярск, 6-10 октября 2025 г – Красноярск: СФУ, 2025 – Т. 1. С. 159 – 161.
72. Константинов, А.М. Горанково / А.М. Константинов, С.Б. Верещагин // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 99-100.
73. Константинов, А.М. Комплексная географическая характеристика местности Усть-Менза // Древнее Забайкалье: культура и природа Чита: ЗабГГПУ, 2009 – С. 63-73
74. Константинов, А.М. Исток Буркала / А.М. Константинов, С.Б. Верещагин // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2016. – С. 144-145.
75. Константинов, М.В. Исследование многослойного поселения в Забайкалье Константинов М.В., / М.В. Константинов, А.В. Константинов, Л.В. Сёмина, А.И. Лыцусь//Археологические открытия 1976 года. – М: Наука, 1977. С. 206-207.
76. Константинов, М.В. Раскопки на Хилке и Чикое в Западном Забайкалье / М.В. Константинов, А.Б. Иметхенов, Л.В. Сёмина, А.И. Лыцусь //Археологические открытия 1977 года. – М: Наука, 1978. С. 238-239.
77. Константинов, М.В. Древности реки Чикой (на северных границах Монголии) / М.В. Константинов, В.Ф. Немеров // Археология и этнография Монголии – Новосибирск: Наука, 1979 – С. 205-217.
78. Константинов, М.В. Палеолит Хилка и Чикоя (юго-западное Забайкалье): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06 / М.В. Константинов. – Новосибирск, 1979.
79. Константинов, М.В. Таежные племена на восточной окраине скифо-сибирского мира / М.В. Константинов, Л.В. Семина // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы I Всесоюзной археологической конференции. – Кемерово, 1980. – С. 96-104.

80. Константинов, М.В. Разведкана р. Мензе // Археологические открытия 1980 года: сб. ст. ИА АН СССР; отв. ред. Б.А.Рыбаков. – Москва: Наука, 1981. – С. 185–186.
81. Константинов, М.В. Охота и рыболовство на ранних этапах истории Забайкалья / М.В. Константинов, Н.Д. Оводов, Г.Л. Карасев // XI конгресс INQVA: тезисы докладов: в 3 т. – Москва, 1982. – Т. III. – С. 127-137.
82. Константинов, М.В. Развитие взглядов на палеолит Западного Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 26
83. Константинов, М.В. Древние охотники и рыболовы Забайкалья / М.В. Константинов, Н.Д. Оводов, Г.А. Карасев // Вкн.: Институт археологии. Москвы. Краткие сообщения. № 181. М. 1985.С. 50-52
84. Константинов, М.В. Археологические исследования в Западном Забайкалье: достижения и проблемы / М.В. Константинов, Л.В. Семина, А.В. Константинов // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. Докл. Всесоюз. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1986. - Ч.2. - С.58 – 62
85. Константинов М.В. Древние поселения как объекты археологических исследований / М.В.Константинов, Л.Д.Базарова // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков в Южной Сибири: тезисы докладов и сообщений к науч. конф. (23–25 марта 1988 г.) / АГУ, ИИФиФ СО АН СССР. – Барнаул, 1988. – С. 28–31.
86. Константинов, М.В. Результаты радиоуглеродного датирования забайкальских памятников Забайкалья / М.В. Константинов, Л.В. Семина, В.К. Колосов, Л.Д. Сулержицкий // Геохронология четвертичного периода: тезисы докладов Всесоюз. совещания (14–16 ноября 1989 г.). – Москва; Таллин, 1989. – С. 118.
87. Константинов, М.В. Исследователи древнего Забайкалья – Чита: ЧГПИ, 1992 – 53 с.

88. Константинов, М.В. Мезолитические памятники Забайкалья // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – С 64-81.
89. Константинов, М.В. Каменный век Восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996) //Ин-т общественных наук БНЦ СО РАН; Читинский гос. пед. ин-т им. Н.Г. Чернышевского. – Улан-Удэ; Чита, 1994. – 265 с.
90. Константинов, М.В. Каменный век Восточного региона Байкальской Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / М.В. Константинов. – Чита, 1995. – 43 с.
91. Константинов, М.В. Древнее поселение Посольское (новые материалы) / М.В. Константинов, Л.Д. Базарова, Л.В. Семина // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – С. 18-26.
92. Константинов, М.В. Оракулы веков. Этюды об исследователях Сибири. Изд. 2, испр. и доп. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. – 105 с.
93. Константинов, М.В. Студеновский археологический комплекс / М.В. Константинов, А.В. Константинов, Л.В. Екимова, И.И. Разгильдеева // Человек, среда, время: материалы научных семинаров полевого лагеря «Студеное». – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2003. – 197 с.
94. Константинов, М.В. Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью / М.В. Константинов, А.В. Константинов, С.Г. Васильев, Л.В. Екимова, И.И. Разгильдеева // Путеводитель полевой экскурсии международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» (Чита, 26 августа – 1 сентября 2003 г.). – Чита: Экспресс-Издательство, 2003. – 53 с.
78. Константинов, М.В. Аллювиальная археология Забайкалья / М.В. Константинов, А.В. Константинов, Л.В. Екимова, И.И. Разгильдеева // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы межд. Конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня

рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 140-146.

79. Константинов, М.В. Забайкальская археология в аллювии и делювии // Забайкалье в геополитике России: материалы межд. Симпозиума» Древние культуры Азии и Америки 26 августа-1 сентября 2003 БНЦ СО РАН – Чита, Улан-Удэ, 2003. - С. 29-31.

80. Константинов, М.В. Провинциальная археология / М.В. Константинов. — Чита: Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, 2008. — 295 с., [14] л. ил., портр. ил.; 25. — ISBN 5-85158-414-5.

81. Константинов М.В. Геоархеология Забайкалья: проблемы и решения / М.В. Константинов, А.М Константинов. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1. – М.: ИА РАН, 2008. – С.131-133.

82. Константинов, М.В. Радиоуглеродная аномалия в датировании позднего мезолита и неолита Забайкалья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы: материалы научной конференции, посвященной 100-летию Н.Н. Гуриной. – Санкт-Петербург: ИИМК, 2009. – С. 189-190.

83. Константинов, М.В. «И опыт, сын ошибок трудных» (проблемы определения возраста древних поселений Забайкалья) // Древнее Забайкалье: культура и природа: сб. ст. Посвящается памяти Игоря Ивановича Кириллова, проф., д-ра ист. наук. – Чита: ЗабГГПУ, 2009. – С. 29–33.

84. Константинов, М.В. Историческое наследие в археологическихоткрытиях и эпохах /М.В. Константинов, А.В. Константинов // Малая энциклопедия Забайкалья.Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. –С. 12-40.

85. Константинов, М.В. Студеное // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 270-271.

86. Константинов, М.В. Студеное / М.В. Константинов, А.В. Константинов, Л.В. Екимова, И.И. Разгильдеева // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 277-280.
87. Константинов, М.В. Усть-Менза / М.В. Константинов, А.В. Константинов, Л.В. Екимова, И.И. Разгильдеева // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 302-306.
88. Константинов, М.В. Хэнтэйская культура / М.В. Константинов, Л.В. Екимова // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 323-324.
89. Константинов, М.В. Чикойская археологическая экспедиция / М.В. Константинов // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 322-323.
90. Константинов, М.В. Шебетуй / М.В. Константинов, С.Б. Верещагин // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 343-344.
91. Константинов М.В. Археология Забайкальского края: палеолит-мезолит-неолит // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы III Международной науч. конф. (Улан-Батор), Изд-во Монг. Гос. Ун-та, 2012. Вып. 3. - С.43-49.
92. Константинов, М.В. Археология Забайкальского края: исследователи, памятники, культуры / М.В. Константинов, А.В. Константинов // Древние культуры монголии и байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. конф: часть 1 / Забайкал. гос. ун-т. Чита, 2013. – С. 201-221.
93. Константинов, М.В. Новые данные по палеолиту Усть-Мензы / М.В. Константинов, Ю.В. Рыжов, С.Б. Верещагин [и др.] // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы V Международной научной конференции, в 2 частях, Кызыл, 15–19 сентября 2014 года / Правительство Республики Тыва; Тувинский государственный университет; Тувинский институт гуманитарных исследований; Бурятский государственный университет; Восточно-Сибирская государственная академия образования;

Забайкальский государственный университет; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Иркутский государственный технический университет; Иркутский государственный университет. Том Часть 1. – Кызыл: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Тувинский государственный университет", 2014. – С. 57-59.

94. Константинов, М.В. Древние погребения в российско-монгольском пограничном районе / М.В. Константинов, А.В. Константинов // Древние культуры северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – Хух-Хото (КНР), 2015. – С. 106-108.

95. Константинов, М.В. Таежный Чикой на рубеже камня и бронзы / М.В. Константинов, Л.В. Екимова, С.Б. Верещагин; отв. ред. В.Я. Шумкин; Забайкал. гос. ун-т; ИИМК РАН. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 247 с.

96. Константинов, М.В. Раскопки поселения Усть-Менза-2 / М.В. Константинов, А.В. Константинов, С.В. Маслодудо // Археологические открытия 2016 год: сб. ст. / ред. Н.В. Лопатина. – Москва: ИА РАН, 2018. – С. 453–455.

97. Константинов, М.В. Древняя история Забайкальского края в свете новых археологических открытий / М.В. Константинов, С.Г. Васильев, Е.А. Филатов, Н.О. Викулова, С.В. Маслодудо // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. №1. С.9-19.

98. Константинов, М.В. Таежное закулисье кочевого мира (по памятникам бассейна р. Чикой) / М.В. Константинов, С.В. Маслодудо // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: IV Междунар. конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии: в 2 т. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. – Т. 2. – С. 43–46.

99. Константинов, М.В. Геоархеология бассейна реки Селенги / М.В. Константинов // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в

Самара: Труды съезда. В 3-х томах, Самара, 01–02 октября 2020 года. Том III. – Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2020. – С. 236-237.

100. Константинов, М.В. Террасовая археология Забайкалья / М.В. Константинов, А.В. Константинов // 300-летию научных исследований в Забайкалье. Материалы международной научной конференции 16-20 сент. 2024 г., Чита, ЗабГУ, 2024.- С 65-69.

101. Константинов, М.В. Древние многослойные поселения Забайкалья // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. В 3 т. Красноярск, 6-10 октября 2025 г. – Красноярск: СФУ, 2025 – Т. 1. С. 161-164.

102. Кропоткин, П.А. Отчёт об Олёкминско-Витимской экспедиции // Записки русского императорского географического общества по общей географии. Т. III – СПб: Тип. В. Безобразова и К, 1873. -175 с.

103. Кропоткин, П.А. Исследование о ледниковом периоде / Под ред. А. Кропоткина и И. Полякова – СПб: Тип. Стасюлевича, 1876. Вып. 1 – 839 с.

104. Кропоткин, П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции / Пер. с английского В.П. Батурина; под ред. автора – СПб: Знание, 1907. – 351 с. – (Соч.; Т.7).

105. Крадин, Н.Н. Хунну / Н.Н. Крадин, Е.В. Ковычев // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 320-323.

106. Кулаков, В.С. Хэнтэй-Даурское нагорье // Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 608-609.

107. Кузнецов, А.К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г. // Изв. ВСОРГО. – 1893. – Т.24, № 2. – С. 1-12.

108. Кузнецов, А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. – Владивосток: Дальне-Восточно-Сибирское Акц. О-во, 1925. - 64 с.

109. Кузнецов, О.В. Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья: технологический, типологический и функциональный анализ:

- автореф. дис ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О.В. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 1996. – 22с.
110. Кузнецов, О.В. Характер культурно-хозяйственной адаптации позднепалеолитического населения Западного Забайкалья / О.В. Кузнецов // 100 лет гуннской археологии. Номадизм, прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: тез. докл. межд. конф. – Улан-Удэ, 1996. Ч. 2 – С. 34-37.
111. Кузнецов, О.В. Охотники и собиратели позднего палеолита Забайкалья. Этнографический подход // Забайкалье в геополитике России. Материалы международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» 26 августа – 1 сентября 2003 г. Чита – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2003, - С 101
112. Кузнецов, О.В. Этноархеология охотников и собирателей Забайкалья / О.В. Кузнецов // Человек, среда, время: материалы научных семинаров полевого лагеря «Студёное». – Чита: ЗабГПУ, 2003. – С. 83-96.
113. Кузнецов, О.В. Этноархеология и поселенческая археология палеолитических охотников и собирателей Забайкалья // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума – Омск: Наука, 2006 – Т.9. С 9-26.
114. Ларичев, В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1969. – Ч. 1: Азия и проблема Родины человека (история идей и исследования). – 338 с.
115. Лбова, Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья / Л.В. Лбова; Отв. ред. С. В. Маркин; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2000. – 240 с.
116. Лбова, Л.В. Погребальные комплексы неолита-раннего бронзового века забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры) / Л.В.Лбова, Е.Д. Жамбалтарова, В.П. Конев // - Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 248 с.

117. Мазин, А.И. Быт и хозяйство эвенков-орочонов (конец XIX - нач. XX в.) / А. И. Мазин; Отв. ред. Е. И. Деревянко; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. - Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1992. - 154 с.
118. Малых, О.Ф. Горные хвойные леса на Малханском хребте / О.Ф. Малых, А.А. Захаров // Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 137-139.
119. Мамкин, А.М. Альбитуйский керексур / А.М. Мамкин // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 49-50
120. Маслодудо, С.В. Неолит и бронза таёжного Чикоя: природная и культурная стратификация / С.В. Маслодудо, М.В. Константинов // V (XXI) Всероссийский археологический съезд в Барнауле – Белокурихе: сб. науч. ст.: в 3 т. / ред. А.П. Деревянко, А. А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2017. – Т. 1. – С. 151–155.
121. Маслодудо, С.В. Многослойное поселение Усть-Менза-2 (новый этап изучения) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 153–161.
122. Маслодудо, С.В. Усть-Менза-2: крупные каменные орудия эпохи ранней бронзы / С. В. Маслодудо // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: Материалы LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Омск, 25–27 апреля 2018 года / Ответственные редакторы М.Л. Бережнова, И.В. Толпеко. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. – С. 98-100. – EDN XOFWSD.
123. Маслодудо, С.В. Новый этап исследования поселения Усть-Менза-2 (палеолитический слой 5) / С. В. Маслодудо // Сохранение историко-культурного наследия: опыт, проблемы и перспективы: Сборник статей научно-практической конференции, Чита, 25 ноября 2021 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. – С. 44-48. – EDN GBEPQQ.

124. Маслодудо, С.В. Многослойное поселение Усть-Менза-2 в юго-западном Забайкалье // Известия Лаборатории древних технологий. 2023 Т. 19 № 4 С. 8–22. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-4-8-22>. EDN: BCDFBC.
125. Маслодудо, С.В. Каменные структуры палеолитических слоёв поселения Усть-Менза 2 // 300 лет научных исследований в Забайкалье: материалы межд. науч. конф. / Забайкальский государственный университет; отв. ред. А.В. Константинов, И.И. Разгильдеева. - Чита: ЗабГУ, 2024а. - С. 69-73.
126. Маслодудо, С.В. Геологическая стратиграфия и археологическая структура поселения Усть-Менза-2 (юго-западное Забайкалье) / С.В. Маслодудо // Палеоэкология и динамика культуры в плейстоцене Евразии. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2024б- С. 31-33. - ISBN: 978-5-6050962-9-0 DOI: 10.31600/978-5-6050962-9-0
127. Медведев, Г.И. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья / Г. И. Медведев, Г. Н. Михнюк, И. Л. Лежненко // Древняя история народов юга Восточной Сибири / Печатается по решению Редакционно-издательского совета Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова. Выпуск 1. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 1974. – С. 60-90.
128. Медведев, Г.И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири / Г.И. Медведев // Описание и анализ археологических источников: Сборник научных трудов, Иркутск, 20–23 мая 1975 года / Печатается по решению Редакционно-издательского совета Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 1981. – С. 16-33.
129. Михно, П.С. Чикойский всадник / П.С. Михно, Б.Э. Петри // ТСА РАНИОН. Том IV.М.: 1928. С. 323-328.

130. Мороз, П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06 / П.В. Мороз, ИН-т истории материальной культуры РАН. – СПб: Чита: ЗабГГПУ, 2008. - 22 с.
131. Мороз, П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья: к IV Междунар. науч. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Чита, 2013) / П.В. Мороз. – Чита: ЗабГУ, 2014. – 182 с.
132. Мостиц, А.П. Археологические находки в окрестностях слободы Усть-Кяхты // Протоколы ТКОПОИРГО. – 1894. - № 3. – С. 17 – 18.
133. Мостиц, А.П. Следы каменного века в долине р. Селенги // Протоколы общего собрания ТКОПОИРГО. – 1896. - № 1/2. – С. 5 -17.
134. Мостиц, А.П. Следы доисторического человека в долине р. Чикоя // Протоколы обыкновенного общего собрания ТКОПОИРГО. – 1897. - № 1/2. – Прил. - С. 4 - 9.
135. Мочанов, Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии / Ю.А. Мочанов. – Москва: Наука, 1969. – 255 с.
136. Мочанов, Ю.А. Периодизация и абсолютная хронология археологических памятников Якутии / Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск, 1975. – С. 51-59.
137. Нехорошев, П.Е. Технологический метод первичногорасщепления камня среднего палеолита – СПб: «Европейский дом» - 1999 - 174 с.
138. Оводов, Н.Д. Фауна палеолитических стоянок Сибири и проблема хронологических и палеоландшафтных толкований // Соотношение древних культур Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск, Наука, 1975. – С.35-38.
139. Ожегов С.И. Словарь русского языка – М: Изд-во «Советская энциклопедия», 1968 - 900 с.

140. Окунцов, П. Предисловие: Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова: Сборник / Забайкальск. отд. Госуд. русск. географич. о-ва, Читинск. краев. музей им. А.К. Кузнецова и Читинск. отд-ние Всесоюзного о-ва б. политкаторжан и ссыльно-поселенцев; — Чита: Печатное дело, 1929. - 72 с.
141. Окладников, А.П. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях села Кабанска // Бурятоведческий сборник. – Иркутск: Бурят-Монгольская секция ВСОРГО, 1927. – Вып. 3/4. – С. 102-105.
142. Окладников, А.П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия – 1928 - № 3- С. 63-69.
143. Окладников, А.П. Краткий отчёт о работах Бурят-Монгольской археологической экспедиции летом 1947 г. // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики, 1948а. – Вып. VIII. – С. 106-115.
144. Окладников, А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. // ВДИ, № 3. 1948б, - 155-163.
145. Окладников, А.П. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР – КСИИМК, 1949, вып. 26. С 7-11.
146. Окладников А.П. Археологические исследования в низовьяхр. Селенги. (Предварительные сообщения о раскопках, произведённых в 1948 г.) // КСИИМК, вып. 35. – М.-Л., 1950. – С. 85-90.
147. Окладников, А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва-Ленинград. – 1950. – № 18. – Ч. 1-2. – 412 с.
148. Окладников, А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // Известия АН СССР: серия истории и философии. Т. VIII. – 1951. - № 5. – С. 440-450.
149. Окладников, А.П. Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947-1950 годах. - КСИИМК, 1952. Вып. 45. С. 40-47.
150. Окладников, А.П. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом. – КСИИМК, 1953. Вып.51. – С.10-22.

151. Окладников, А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч.3. (Глазковское время) // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1955. – № 3. – 373 с.
152. Окладников, А.П. Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья // Тезисы докладов Всесоюз. Междуведомств. Совещ. По изучению четверт... периода. 16-17 мая 1957 г.: Секция истории ископаемого человека. – М., 1957. – С. 7-8.
153. Окладников, А.П. Археологические исследования в бассейне р. Уды летом 1958 г. / А.П. Окладников, Н.А. Флоренсов // Записки Бурят. НИИ культуры, 1958. -Вып. 25. -С. 204-207. Окладников А.П. Палеолит Забайкалья: Общий очерк // Археологический сборник. – Улан-Удэ: Бурят. Комплекс. НИИ СО АН СССР, 1959, № 1. -С. 5-25.
154. Окладников, А.П. Триподы за Байкалом // Советская археология. – 1959. – № 3. – С. 114-132.
155. Окладников, А.П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры верховьев Амура // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Древние культуры верховьев Амура. – Москва-Ленинград, 1960. – Т. 1. – С. 9-71.
156. Окладников, А.П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // Тр. Кяхтинского музея краеведения им. Академика В.А. Обручева и Кяхтинского отделения ГО СССР. – Улан-Удэ, 1961. – Т.18. – С. 19 – 37.
157. Окладников, А.П. Многослойное поселение Санний Мыс на реке Уде. Раскопки 1968 г. // Мат-лы полево. исслед. Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск, 1971. Вып. 2. – С. 7-83.
158. Окладников, А.П. Ранняя история Забайкалья в свете новых исследований: Итоги и проблемы // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов: материалы научной конференции. – Чита, 1972. – С. 21-30.

159. Окладников, А.П. Древнее Забайкалье (Культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. (Забайкалье). – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 6-20.
160. Окладников, А.П. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы / А.П. Окладников, И.И. Кириллов // Новосибирск: Наука, 1980. – 177 с.
161. Патронова, А.Г. А.К. Кузнецов / А.Г. Патронова, М.В. Константинов // Малая Энциклопедия Забайкалья: Археология – Новосибирск: Наука. 2011. – С. 185-186
162. Петри, Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья: Научно-популярный очерк / Проф. Б. Э. Петри; Студенческий науч. кружок краеведения при Иркутск. госуд. ун-те. Секция "Человек". — 2-е изд., испр. и доп. — Иркутск: [б. и.], 1928. - 73 с.
163. Петри, Б.Э. Задачи дальнейшего исследования туземцев Сибири и метод обследования целых народностей / Проф. Б. Э. Петри. - Томск: [б. и.], 1928. - 5 с.
164. Полинтова, О.В. Геолого-структурные элементы бассейна реки Чикой // Древнее Забайкалье: культура и природа Чита: ЗабГГПУ, 2009 – С. 73-79
165. Поляков, И.С. Отчет о поездке в Восточные Саяны // Отчет о действиях СО ИРГО за 1868 г. – СПб, 1869. – С. 109-198.
166. Попов, В.В. Очерк палеоэтнологических исследований и достижений Восточно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества за 75 лет 1851-1926 / А.В.Попов. - Иркутск: Тип. изд-ва "Власть труда", 1926. - 19 с.
167. Попов, В.В. Михно как краевед // Бурятоведение. – 1927б. – № 3, 4 – С. 59-64.
168. Разгильдеева И.И. Новый памятник Усть-Менза-14 (Лагерная) [Забайкальский край. Эпоха палеолита] / И. И. Разгильдеева // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии : материалы докл. ведущих ученых на V (L) Рос. (с междунар.

участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых (Иркутск, 4-9 апр. 2010 г.). - Иркутск, 2010. - С. 208-210

169. Разгильдеева, И.И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья: монография / И.И. Разгильдеева; Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2018. – 208 с.

170. Разгильдеева, И.И. Планиграфия палеолитических жилищ Студеновского археологического комплекса (Западное Забайкалье): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / И.И. Разгильдеева. – Владивосток, 2003. – 28 с.

171. Решетова, С.А. Реконструкция растительности и климат Забайкалья в позднеледниковье и голоцене (по палинологическим данным) автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук, специальность 25.00.25 «Геоморфология и эволюционная география» / Решетова Светлана Александровна; Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т. - Томск 2017. - 19 с.

172. Рыжов, Ю.В. Геоморфологические и палеогеографические условия формирования четвертичных отложений археологических памятников Усть-Менза-6 и Усть-Менза-16 / Ю.В. Рыжов, Д.В. Кобылкин, В.А. Голубцов, М.В. Константинов, Н.О. Викулова // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани: в 4 т. – Казань: Отечество, 2014. – Т. IV. – С. 369-372.

173. Рыжов, Ю.В. История формирования высоких террас р. Чикой в позднем неоплейстоцене по данным исследований в Усть-Мензинском геoarхеологическом районе / Кобылкин Д.В., Голубцов В.А., Константинов М.В., Викулова Н.О., Филатов Е.А. // Актуальные проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена: материалы Всерос. конф. с междунар. участием. – Москва: МГУ, 2015. – С.174–176.

174. Рыжов, Ю.В. Нижнее террасы Прибайкалья и Забайкалья: строение, этапы формирования и заселение древним человеком / Ю.В. Рыжов. М.В. Константинов. // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и

основные направления дальнейших исследований. Материалы X Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Москва 25–29 сентября 2017 г. – М.: ГЕОС, 2017 – С. 347-349.

175. Рыжов, Ю.В. Низкие речные террасы в бассейне реки Селенги: строение и этапы формирования отложений / Ю.В. Рыжов, М.В. Константинов, В.А. Голубцов // XXXVI пленум Геоморфологической комиссии Российской академии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Барнаул, 24–28 сентября 2018 года. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2018. – С. 329-333.

176. Семина, Л.В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск, 1985. – С. 104-122.

177. Семина, Л.В. Кристинкина пещера – памятник раннего металла Южного Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск, 1983. – С. 61-70.

178. Семина, Л.В. Эпоха неолита и палеометалла юго-западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.06 / Л.В. Семина. – Ленинград, 1986. – 16 с.

179. Сергеева, Н.Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири / Н.Ф. Сергеева. – Новосибирск: Наука, 1981. – 152 с.

180. Симченко, Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: этнографическая реконструкция / Ю. Б. Симченко; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. - Москва: Наука, 1976. – 309 с.

181. Словарь иностранных слов (под редакцией И.В. Алёхина и Ф.Н. Петрова). Изд. 4, перераб. и дополн. – М: Гос. Изд-во иностр. и национ. словарей, 1964 – 856 с.

182. Соловова, А.Т. Красночикойский район // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. – Новосибирск: Наука, 2006. – Т. III: И-Р. – С. 141-142.

183. Сосновский, Г.П. Краткий отчет о летней работе археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции АН СССР в 1928 г. // Буртиеведение. – Верхнеудинск. 1928. - № 4 (8). – С. 162-166.
184. Сосновский, Г.П. Археологический отряд Бурят-Монгольской экспедиции. 1928 г. // Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. – Л.: Изд-во АН СССР. 1929а. – Отд. 2: Отчет о научных командировках и экспедициях. – С. 178-180.
185. Сосновский, Г.П. Археологический отряд Бурят-Монгольской экспедиции. 1929 г. // Осведомительный бюллетень комиссии экспедиционных исследований АН СССР. – Л., 1929. – С. 166-167.
186. Сосновский, Г.П. Археологический отряд Бурят-Монгольской экспедиции. 1929 г. // Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. – Л.: Издательство АН СССР, 1930. – Отд. 2: Отчет о научных командировках и экспедициях. С.153-155.
187. Сосновский, Г.П. О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгинской Даурии // Сообщение ГАМК. – 1932. - №2. – С. 19-24.
188. Сосновский, Г.П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода при Академии наук. – 1933. - №3, вып. 1. – С.23-40.
189. Сосновский, Г.П. Палеолитические стоянки Северной Азии // Тр. II Междунар. Конф. Ассоциации по изучению Четвертичного периода Европы. – М.; Л., 1934. – Вып. 5. – С.246-304.
190. Сосновский, Г.П. Итоги работы Бурят-Монгольского отдела Академии наук СССР за 1928-1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР: Тр. I конф. По изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. – М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1936. – С. 318-321.
191. Старцев, А.Ф. Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX - XX в.) // Владивосток: ДВО РАН, 1996. — 155 с.

192. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова; авт. Б.В. Андрианов, Н.А. Боковенко, Э.Б. Вадецкая и др. М.: Наука, 1992. 494 с.
193. Талько-Грынцевич, Ю.Д. Древние памятники Западного Забайкалья (с картой их распределения) // Труды XII Археологического съезда в Харькове (1902), том 1. Издание: М., 1905. – С. 492-505.
194. Талько-Грынцевич, Ю.Д. Сибирские страницы жизни / Ю.Д. Талько-Грынцевич; [Пер. с пол. и предисл. Н.В. Эйльбарт]; Забайк. гос. пед. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, Забайк. отд-ние Акад. гуманитар. наук. - Чита: [Изд-во ЗабГПУ], 2000. - 98 с.
195. Ташак, В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты // Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005 – 130 с.
196. Ташак, В.И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье// Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2016. 185 с.
197. Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции. 24-27 мая 2016 года. Санкт-Петербург, Россия – СПб: ИИМК РАН, 2016 – 256 с.
198. Туголуков, В.А. Следопыты верхом на оленях. - Москва: Наука, 1969. - 215 с.
199. Туголуков, В.А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока / В.А. Туголуков; отв. ред.: С.А. Арутюнов. - Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. - 335 с.
200. Туров, М.Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории / М. Г. Туров. – Иркутск: Амтера, 2008. – 228 с.
201. Уваров, А.С. Археология России: Каменный период – М: 1881 – Т1. – 440 с.
202. Уланов, И.В. Древнее гончарство юга Байкало-Енисейской Сибири: культурные и технологические традиции: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 5.6.3. / Уланов Илья Викторович; [Место защиты:

ФГБУН Институт истории материальной культуры Российской академии наук; Диссовет 24.1.066.01 (Д 002.052.01)]. - С.-Петербург, 2022. - 25 с.

203. Федосеева, С.А. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 2. Иркутск: ИГУ, 1974. С. 146-158.

204. Федосеева, С.А. Ымыяхтахская культура Северо-восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. 224 с.

205. Филатов, Е.А. Новые памятники Усть-Мензинского комплекса: Усть-Менза-16 (Воровское), Усть-Менза-17 (Березовая роща), Усть-Менза-18 (Медвежья) / Е.А. Филатов, И.В. Ковалева // Международная полевая школа в Болгаре: сборник материалов итоговой конференции, Болгар, 15–28 августа 2016 года / Ответственный редактор: А.Г. Ситдииков. Том Выпуск 3. – Болгар: Издательский дом "Казанская недвижимость", 2016. – С. 25-31.

206. Хамзина, Е.А. Археологические памятники Бурятии / Е.А. Хамзина. – Новосибирск: Наука, 1982. – 152 с.

207. Хотинский, Н.А. Голоцен Северной Евразии / Н.А. Хотинский. – Москва: Наука, 1977. – 198 с.

208. Хлобыстин, Л.П. Бронзовый век Восточной Сибири / Л.П. Хлобыстин, С.В.Студзицкая // Археология СССР в 20 томах: Эпоха бронзы лесной полосы – М: Наука, 1987. С. 327-350.

209. Хлобыстин, Л.П. Неолит Забайкалья / Л.П.Хлобыстин, М.В Константинов. // Археология. Неолит Северной Евразии – М: Наука, 1996. С. 306-310.

210. Хроника земли Чикойской: очерки о Красночикоийском районе. – Чита: Экспресс-Издательство, 2013. – 312 с.

211. Цейтлин, С.М. Геология палеолита Северной Азии / С.М. Цейтлин. – Москва: Наука, 1979. – 288 с.

212. Цейтлин, С.М. Приисковая – новый палеолитический памятник / С.М. Цейтлин, А.В. Константинов, А.Г. Одоев., А. Дружинин, В.Золотарёв // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Тезисы

докладов Всесоюзной конференции (2-8 июня 1986 г, Улан-Удэ) - Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1986.С. 76-78.

213. Цейтлин, С.М. Палеолитическое поселение Приисковое / С.М. Цейтлин, А.В. Константинов, А.Г. Одоев // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. Сб. ст. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1986. С. 141-150

214. Цыбиктаров, А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья / А.Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. – 288 с.

215. Цыбиктаров, А.Д. Формирование кочевого скотоводства в Центральной Азии в свете данных археологии и палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья и его влияние на культурно-историческое развитие населения бронзового века // Этнология и этноархеология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: ИГТУ, 2007. – С. 194-197.

216. Цыбиктаров, А.Д. Хэнтэйская культура эпохи раннего металла севера Центральной Азии / А.Д. Цыбиктаров // Социогенез в Северной Азии: материалы конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – 241 с.

217. Цыбиктаров, А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – первая половина II тыс. до н.э.) / А.Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. – 236 с.

218. Цыбиктаров, А.Д. Этнокультурные процессы в юго-западном Забайкалье в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Известия лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14. – № 4. – Иркутск: ИНИТУ. – С. 42-63.

219. Черенщиков, О.Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино-4 и его место в палеолите Северной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О.Ю. Черенщиков – Новосибирск, 1998 – 18 с.

220. Черский, И.Д. Сообщение из письма о находке на берегу р. Селенги // Древности: Тр. Моск. Археол. Об-ва. – 1880. – Т.8: Протоколы заседаний. – С. 36.

221. Черский, И.Д. Отчет о поездке на Селенгу в 1881 г. - Т. 13, №3, 1981а - С 1-2.
222. Черский, И.Д. Отчет о работах в 1881 г в Забайкальской области – Т. 12, «2/3. 1981а - С. 87-90.
223. Юргенсон, Г.А. Петрография каменного инвентаря археологических памятников Усть-Мензы / Г.А. Юргенсон, П.В. Мороз // Проблемы геологической и минералогической корреляции в сопредельных районах России, Китая и Монголии: труды VII Международного симпозиума (Чита, 22-24 мая 2007 г.). – Чита: ЗабГГПУ. – С. 213-217.
224. Юргенсон, Г.А. Зачикойская горная страна / Г.А. Юргенсон, М.В. Константинов // Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие – Новосибирск: Наука 2009 – С 199-202.
225. Ямских, А.Ф. Осадконакопление и террасообразование в речных долинах Южной Сибири. – Красноярск: КГПИ, 1993. – 226 с.
226. Ямских, А.Ф. Реконструкция внутриконтинентального долинного геоморфогенеза (на примере Южной Сибири): автореф. дисс на соиск. Степ. докт. геогр. наук – Иркутск, 1993 - 62 с.

1.

•

Таблица 1. Вскрытая площадь по культурным слоям						
Культурный слой	Вскрытая площадь по раскопам (кв.м)				Общая площадь вскрытия (кв.м)	Примерная площадь с культурными остатками (кв.м)
	1-2	2А	2Б	3		
КС 1	504	210	120	372	1206	850
КС 2 Г 1	504	210	120	372	1206	1062
КС 2 Г 2	504	210	120	372	1206	938
КС 3	504	210	120	372	1206	579
КС 4	504	210	120	-	834	674
КС 4.2	504	210	120	-	834	141
КС 4.3	504	210	120	-	834	9
КС 4.4	504	210	120	-	834	6
КС 5	504	210	120	-	834	663
КС 6	504	-	120	-	624	290
КС 7	410	-	-	-	410	12
КС 8	410	-	-	-	410	208
КС 9А	410	-	-	-	410	19
КС 9Б	410	-	-	-	410	17
КС 9В	410	-	-	-	410	9
КС 9Г	410	-	-	-	410	9
КС 10А	368	-	-	-	368	120
КС 10Б	368	-	-	-	368	12
КС 11	224	-	-	-	224	30
КС 12	145	-	-	-	145	12
КС 13	145	-	-	-	145	20
КС 14	113	-	-	-	113	16
КС 15	113	-	-	-	113	12
КС 16	113	-	-	-	113	8
КС 17	113	-	-	-	113	30
КС 18	113	-	-	-	113	37
КС 19	113	-	-	-	113	30
КС 20	113	-	-	-	113	108
КС 21	76	-	-	-	76	67
КС 22	76	-	-	-	76	62
КС 23	76	-	-	-	76	18
КС 24	76	-	-	-	76	37
КС 25	47	-	-	-	47	15
КС 26	24	-	-	-	24	12
КС 27	20	-	-	-	20	5

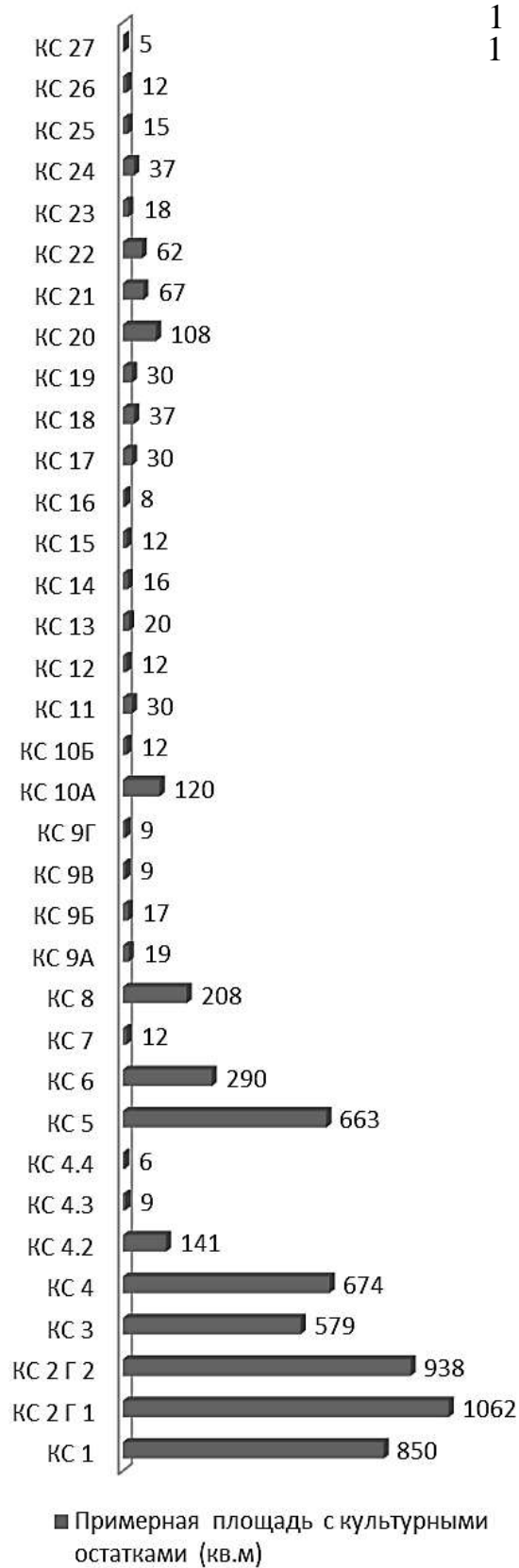
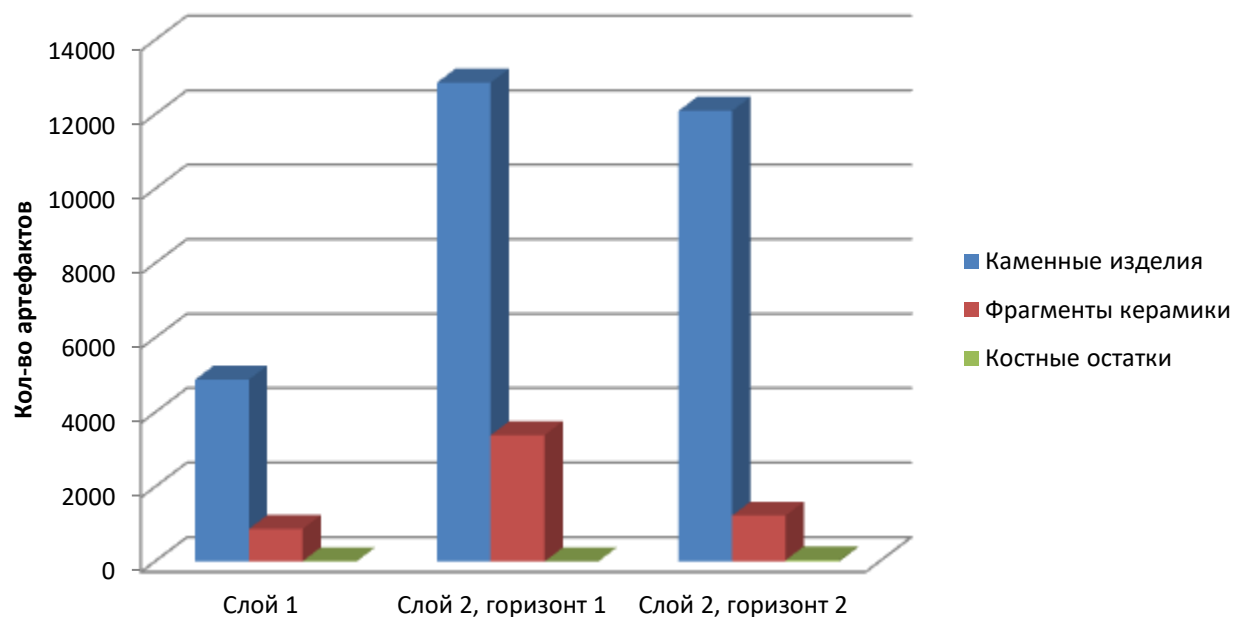


Таблица 2. Виды найденных артефактов в верхних слоях (КС 1-2)

Виды артефактов	Слой 1					Слой 2, горизонт 1					Слой 2, горизонт 2				
	Кол-во артефактов														
	Раскоп				Итого	Раскоп				Итого	Раскоп				Итого
	1-2	2А	2Б	3		1-2	2А	2Б	3		1-2	2А	2Б	3	
Каменные изделия	2376	1354	1111	39	4880	7107	1459	578	3714	12858	5715	1938	860	3588	12101
Фрагменты керамики	202	406	251	14	873	2227	278	423	462	3390	159	350	247	476	1232
Костные остатки	-	4	-	5	9	-	-	-	-	-	-	35	1	1	37
Всего	2578	1764	1362	58	5762	9334	1737	1001	4176	16248	5874	2323	1108	4065	13370

Общее кол-во артефактов (КС 1-2): 48750

2
2

<i>Таблица 3. Керамические изделия (КС 1-2)</i>															
Виды керамических изделий	Слой 1					Слой 2, горизонт 1					Слой 2, горизонт 2				
	<i>Кол-во сосудов и других керамических изделий</i>														
	<i>Раскоп</i>				<i>Итого</i>	<i>Раскоп</i>				<i>Итого</i>	<i>Раскоп</i>				<i>Итого</i>
	<i>1-2</i>	<i>2А</i>	<i>2Б</i>	<i>3</i>		<i>1-2</i>	<i>2А</i>	<i>2Б</i>	<i>3</i>		<i>1-2</i>	<i>2А</i>	<i>2Б</i>	<i>3</i>	
Сосуды круглодонные	12	22	3	8	45	54	7	10	-	71	15	20	2	10	47
Сосуды плоскодонные	5	6	2	1	14	5	3	4	-	12	2	3	2	1	8
Триподы	2	1	-	-	3	-	-	-	-	0	-	-	-	-	0
Плитки	-	2	1	2	5	-	-	-	1	1	-	1	-	1	2

3

3

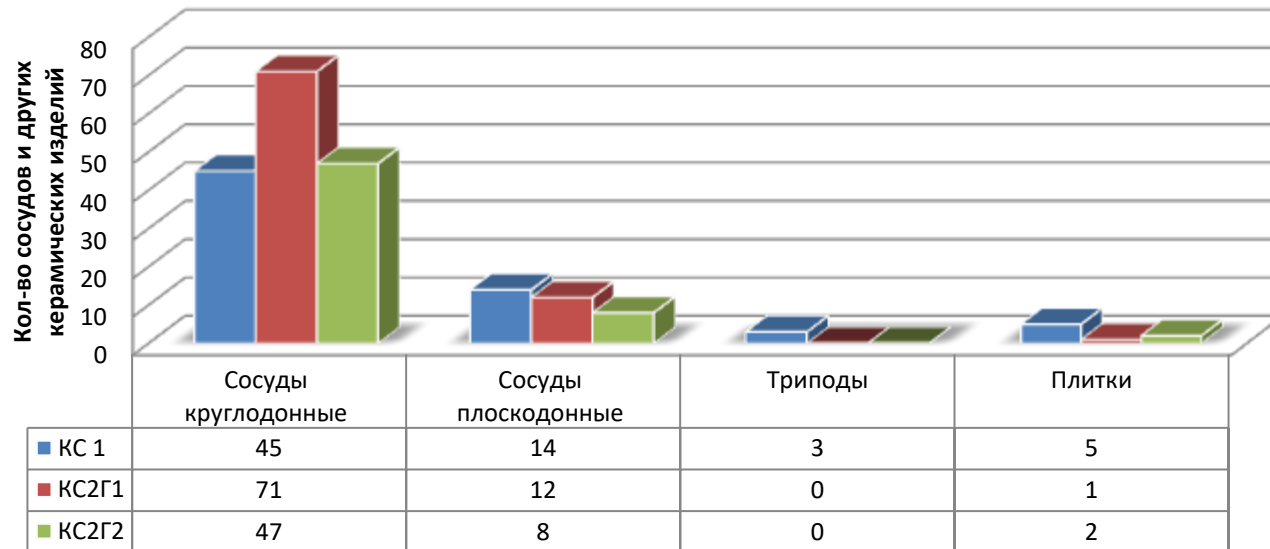


Таблица 4. Керамические фрагменты (КС 1-2)

Виды керамических фрагментов	Слой 1					Слой 2, горизонт 1					Слой 2, горизонт 2				
	Кол-во фрагментов														
	Раскоп				Итого	Раскоп				Итого	Раскоп				Итого
	1-2	2А	2Б	3		1-2	2А	2Б	3		1-2	2А	2Б	3	
Орнаментированные фрагменты	35	170	53	1	259	679	87	51	101	918	84	87	94	105	370
Без орнамента	167	236	198	13	614	1548	191	372	361	2472	75	263	153	371	862
Всего фрагментов	202	406	251	14	873	2227	278	423	462	3390	159	350	247	476	1232
Общее кол-во керамических фрагментов: 5495															

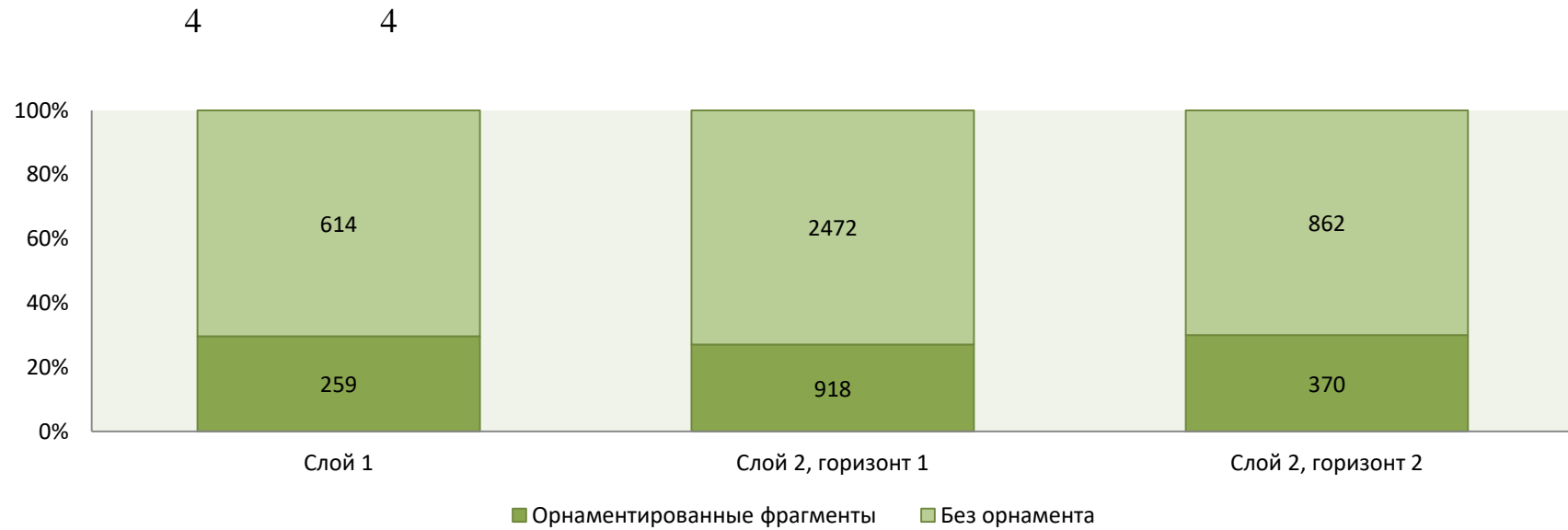


Таблица 5. Виды орнаментации керамических фрагментов (КС 1-2)

Элементы орнаментации		Слой 1					Слой 2, горизонт 1					Слой 2, горизонт 2				
		Кол-во фрагментов керамики с орнаментацией														
		Раскоп				Итого	Раскоп				Итого	Раскоп				Итого
		1-2	2А	2Б	3		1-2	2А	2Б	3		1-2	2А	2Б	3	
	Желобчатые	5	16	26	-	47	43	5	14	18	80	43	11	15	16	85
	Пунктирные	21	52	15		88	197	57	36	32	322	33	27	35	38	133
	Прямоугольный	-	19	4	-	23	31	-	-	7	38	6	4	10	12	32
	Прямой	1	2	2	-	5	57	-	-	-	57	-	9	12	10	31
	Прочерченные линии	3		2	-	5	-	-	-	-	0	-	-	-	-	-
	Угловатый зигзаг	-	3	-	-	3	33	-	-	16	49	-	-	5	-	5
	Серповидный	-	24	1	-	25	149	-	-	18	167	-	-	8	8	16
	Личинковидный	-	-	-	-	0	1	-	-	-	1	-	-	-	-	0
	Угольчатый	-	14	-	-	14	66	-	-	2	68	2	21	8	10	41
	Гребенчатый	3	14	1	-	18	74	12	-	2	88	-	10	1	6	17
	Штрихи	-	2	-	1	3	-	4	-	5	9	-	-	-	-	-
	Округлый	-	9	1	-	10	11	9	1	1	22	-	5	-	3	8
	Сквозные отверстия	1	4	-	-	5	8	-	-	-	8	-	-	-	2	2
	Налепной рассеченный валик	1	11	1	-	13	9	-	-	-	9	-	-	-	-	-

Диаграмма 5 по таблице 5

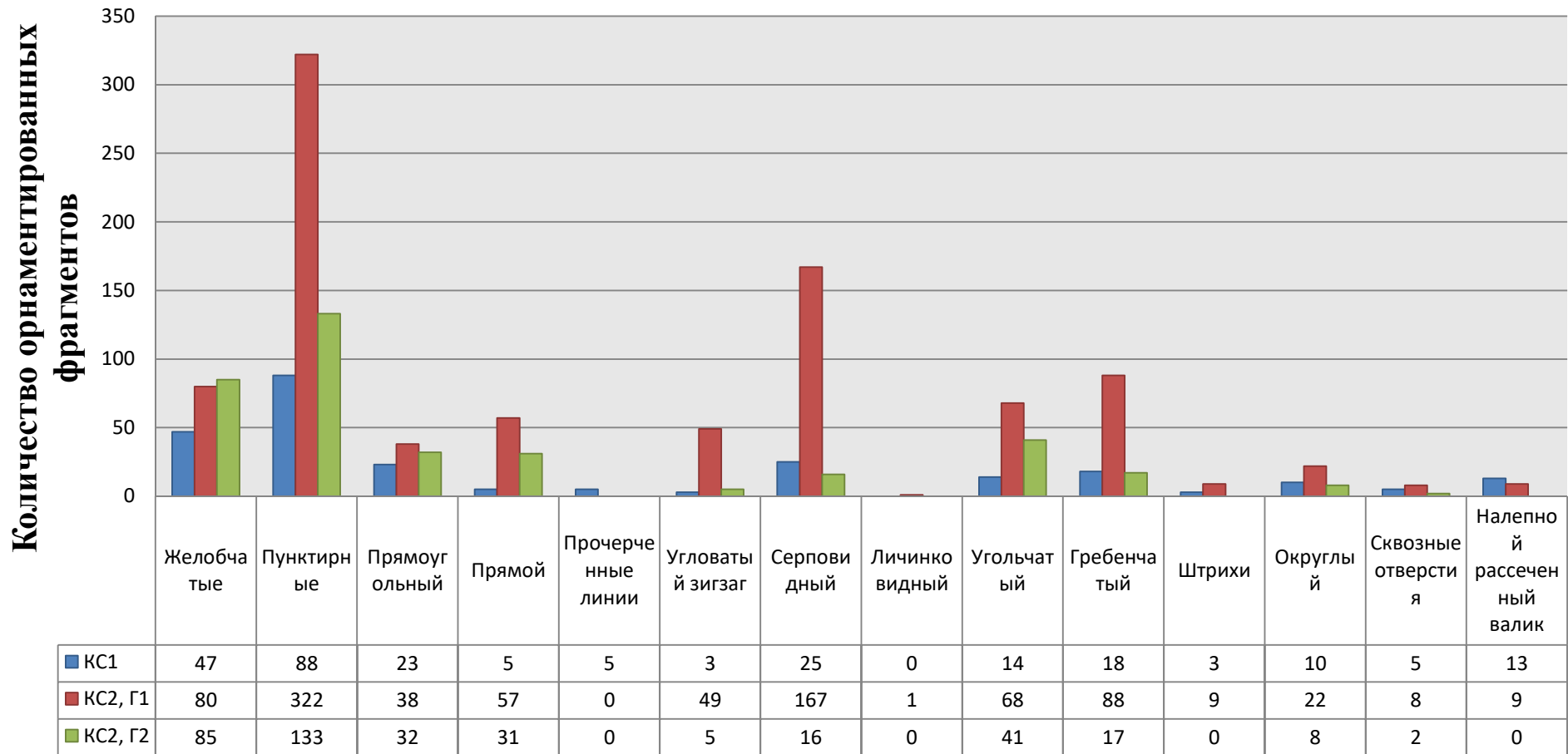


Таблица 6. Типы венчиков (артефакты из керамики по культурным слоям 1-2)

Типы венчиков		КС 1					КС 2, горизонт 1					КС 2, горизонт 2				
		Раскоп				Итого	Раскоп				Итого	Раскоп				Итого
		1-2	2А	2Б	3		1-2	2А	2Б	3		1-2	2А	2Б	3	
	Прямой	4	13	1	5	23	50	6	-	-	56	15	20	1	-	36
	Скошенный внутри	6	2	-	-	8		1	-	-	1	-	-	-	-	-
	Утолщенный	2	1	2	3	8	4	-	-	-	4	-	-	1	-	1
	Заоваленный	-	6	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого		12	22	3	8	45	54	7	-	-	61	15	20	2	-	37

Диаграмма 6 по таблице 6.

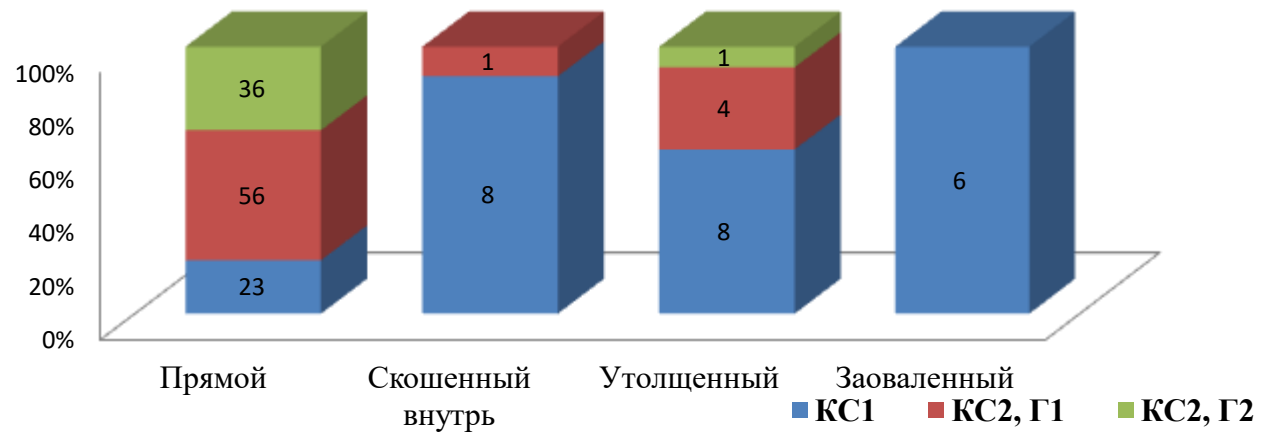


Таблица 7. Типы каменных изделий в верхних слоях (КС 1-2)

Типы изделий	КС 1					КС 2, горизонт 1					КС 2, горизонт 2				
	Кол-во артефактов														
	Раскоп				Итого	Раскоп				Итого	Раскоп				Итого
	1-2	2А	2Б	3		1-2	2А	2Б	3		1-2	2А	2Б	3	
<u>1</u>	<u>2</u>	<u>3</u>	<u>4</u>	<u>5</u>	<u>6</u>	<u>7</u>	<u>8</u>	<u>9</u>	<u>10</u>	<u>11</u>	<u>12</u>	<u>13</u>	<u>14</u>	<u>15</u>	<u>16</u>
Нуклеусы галечные	-	-	-	-	-	1	1	1	3	6	1	-	1	1	3
Микронуклеусы	24	32	28	3	87	183	17	16	91	307	73	53	2	69	197
Пластины	-	-	-	2	2	2	1	-	13	16	20	4	-	22	46
Пластинки	17	25	6	-	48	143	1	5	49	198	13	7	20	81	121
Микропластинки	704	887	657	3	2251	3905	533	289	1451	6178	2858	824	500	1270	5452
Боковые сколы	26	1	9	-	36	140	48	-	18	206	48	11	1	3	63
Отщепы	1517	334	368	12	2231	2336	795	199	2001	5331	2422	965	273	2048	5708
Пластинки с ретушью	-	7	-	-	7	8	1	4	-	13	8	4	2	5	19
Микропластинки с ретушью	27	17	9	5	58	101	9	13	3	126	139	25	2	-	166
Отщепы с ретушью	-	-	-	-	-	-	4	1	9	14	-	-	-	6	6
Резцы из микропластинки	-	7	-	-	7	11	4	5	2	22	1	5	4	4	14
Резцы из отщепов	3	-	1	-	4	4	3	-	-	7	-	-	-	-	-
Острия из микропластинки	6	4	4	-	14	25	-	6	2	33	4	5	7	4	20
Острия из отщепов	-	-	1	-	1	-	-	-	-	0	2	1	-	-	3
Провертки	1	1	-	-	2	4	-	-	-	4	3	-	-	-	3
Нуклеусы-дрили	-	-	3	-	3	9	-	1	5	15	1	4	-	7	12
Скребла	1	1	-	-	2	6	1	3	13	23	17	-	10	10	37
Скребки концевые	-	3	5	-	8	54	-	1	9	64	21	6	8	4	39
Скребки округлые	22	24	15	-	61	75	12	8	10	105	30	12	17	17	76
Скребки высокой формы	-	-	-	-	-	15	5	2	5	27	9	5	2	6	22
Скобели	2	1	-	-	3	-	-	-	1	1	1	-	-	-	1
Вкладыши бифасиальные	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ножи (режущие)	2	3	-	-	5	10	-	1	-	11	5	2	-	1	8

Продолжение таблицы 7.

<u>1</u>	<u>2</u>	<u>3</u>	<u>4</u>	<u>5</u>	<u>6</u>	<u>7</u>	<u>8</u>	<u>9</u>	<u>10</u>	<u>11</u>	<u>12</u>	<u>13</u>	<u>14</u>	<u>15</u>	<u>16</u>
Наконечники копий	-	-	-	-	-	2	-	3	-	5	8	-	1	-	9
Наконечники стрел подтреугольные	1	-	4	-	5	4	9	5	2	20	2	-	-	4	6
Наконечники стрел даурские	2	5	1	1	9	13	7	-	-	20	3	-	-	-	3
Долотовидные	-	1	-	-	1	4	-	1	-	5	2	-	-	1	3
Топоры	1	1	-	1	3	4	2	4	1	11	10	1	1	3	15
Кирки	1	-	-	-	1	-	-	-	-	0	-	-	-	-	-
Чопперы	1	-	-	2	3	10	2	9	7	28	2	-	-	10	12
Песты	1	-	-	3	4	1	1	-	1	3	-	3	5	2	10
Молоты	-	-	-	-	-	2	2	-	2	6	1	-	-	1	2
Отбойники	8	-	-	7	15	31	1	-	13	45	8	-	1	7	16
Наковаленки	2	-	-	-	2	1	-	-	-	1	-	-	2	-	2
Грузила	1	-	-	-	1	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Абразивы	4	-	-	-	4	2	-	1	2	5	3	1	1	2	7
Шлифованные	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-
Всего					4880					12858					12101

Диаграмма 7 по таблице 7.
Культурный слой 1.

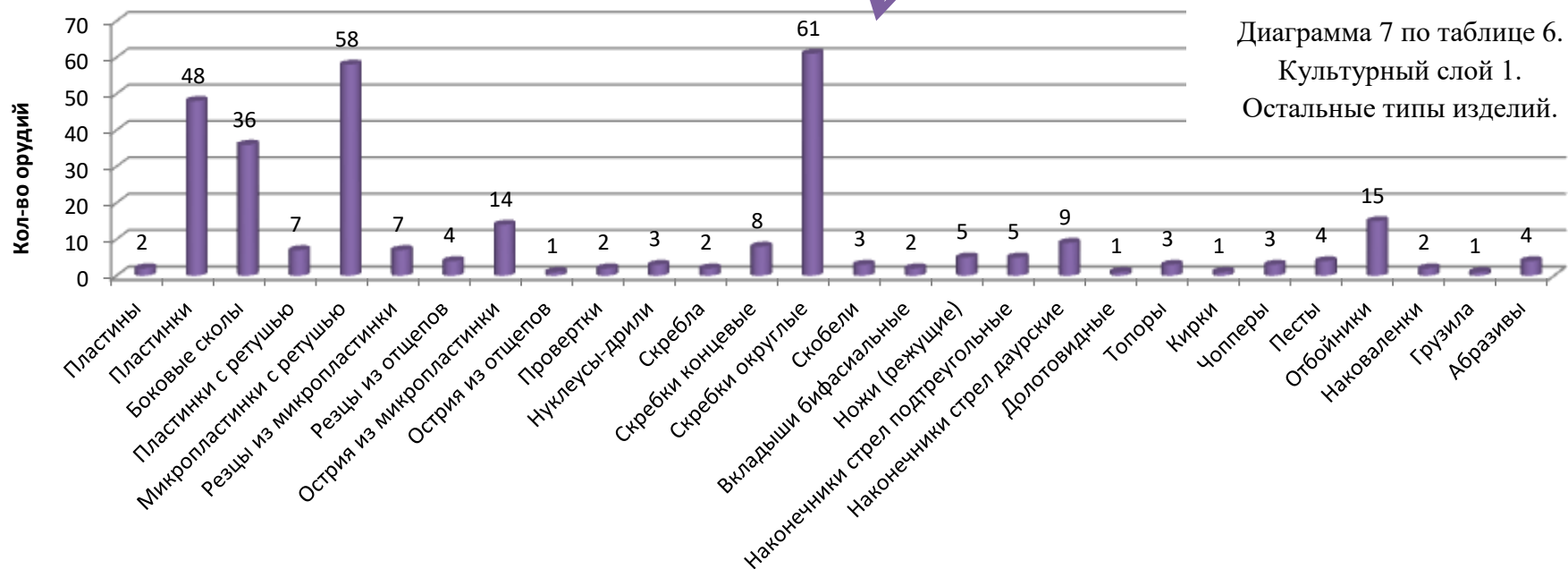


Диаграмма 8 по таблице 7.
Культурный слой 2.
Горизонт 1.

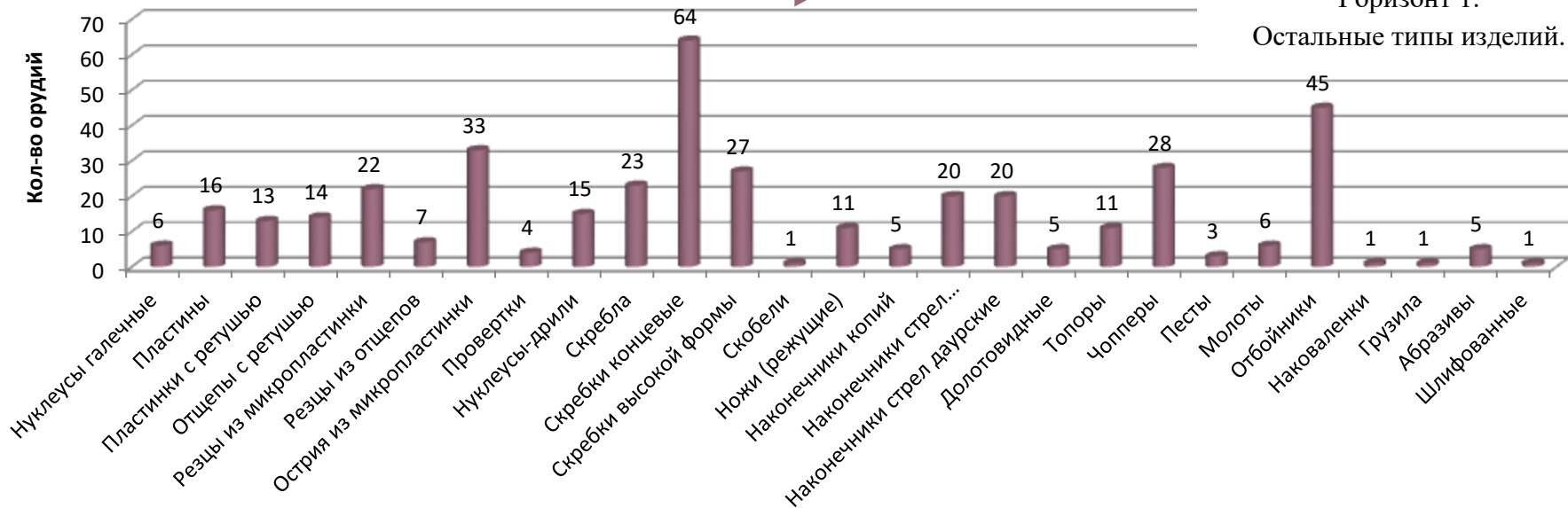
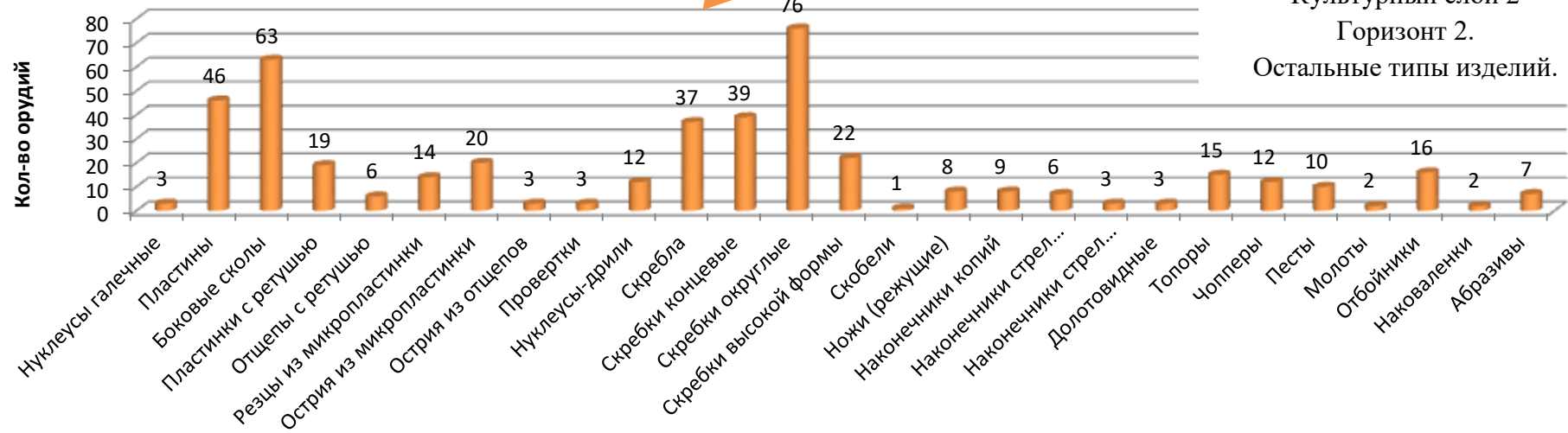


Диаграмма 9 по таблице 7.
Культурный слой 2.
Горизонт 2.



<i>Таблица 8. Артефакты культурных слоев 3, 4, 4/1, 4/2, 4/3, 4/4</i>													
<i>Тип изделия</i>	КС 3				КС 4				КС 4/2		КС 4/3	КС 4/4	
	<i>Кол-во артефактов</i>												
	<i>Раскоп</i>			<i>Итого</i>	<i>Раскоп</i>			<i>Итого</i>	<i>Раскоп</i>		<i>Итого</i>	<i>Раскоп 2А</i>	
	<i>1-2</i>	<i>2А</i>	<i>2Б</i>		<i>1-2</i>	<i>2А</i>	<i>2Б</i>		<i>2А</i>	<i>2Б</i>			
Отщепы	235	185	90	510	190	180	148	518	372	8	380	2	1
Отщеп с ретушью	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-
Пластинки	-	5	4	9	-	9	-	9	-	-	-	-	-
Пластинки с ретушью	-	-	-	-	1	2	-	3	1	-	1	-	-
Пластины	-	1	1	2	-	-	-	-	28	2	30	-	-
Микропластинки	64	61	29	154	25	60	109	194	105	7	112	-	-
Микропластинки с ретушью	-	1	-	1	2	6	1	9	-	-	-	-	-
Нуклеусы подпризматические	2	1	2	5	-	1	-	1	-	-	-	-	-
Микронуклеусы	10	1	1	12	5	15	2	22	-	-	-	-	-
Скребла	3	1	1	5	2	1	-	3	-	-	-	-	-
Скребки	17	5	1	23	3	10	1	14	3	-	3	-	-
Провертки	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нож из отщепа	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Резцы	-	2	-	2	-	3	-	3	-	-	-	-	-
Острия	1	1	-	2	-	4	-	4	-	-	-	-	-
Чопперы	1	-	-	1	-	4	5	9	1	-	1	-	-
Долотовидные орудия	2	-	-	2	-	4	-	4	-	-	-	-	-
Остроконечник	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-
Отбойник	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-
Оббитые гальки	5	-	-	5	4	-	-	4	-	-	-	-	-
Обломки костей	2	-	5	7	15	6	1	22	-	3	3	-	-
Всего				742				822			530	2	1

Таблица 9. Артефакты культурных слоев 5, 6, 7, 8, 9А, 9Б, 9В, 9Г, 10А, 10Б

Тип изделия	КС 5				КС 6			КС 7	КС 8	КС 9А	КС 9Б	КС 9В	КС 9Г	КС 10А	КС 10Б	
	Кол-во артефактов															
	Раскоп			Итого	Раскоп		Итого	Раскоп 1-2								
	1-2	2А	2Б		1-2	2Б										
Отщепы	400	30	215	645	382	14	396	16	218	6	19	6	-	111	22	
Отщепы с ретушью	-	-	5	5	-	-	-	1	-	14	-	-	-	-	-	
Пластинки	-	-	-	-	3	-	3	-	1	-	-	-	-	-	-	
Пластинки с ретушью	-	-	-	-	3	-	3	2	-	-	-	-	-	-	-	
Пластины	-	-	-	-	7	-	7	-	-	-	-	-	-	17	-	
Микропластинки	155	2	105	262	15	-	15	5	12	-	3	-	-	10	-	
Микропластинки с ретушью	-	-	5	5	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	
Нуклеусы подпризматические	-	-	-	-	1	-	1	-	4	-	-	-	-	1	-	
Микронуклеусы	25	2	6	33	2	2	4	7	9	-	-	-	-	7	-	
Скребла	-	4	-	4	2	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	
Скребки	-	1	9	10	10	1	11	-	9	-	1	-	1	5	-	
Резцы	-	-	4	4	-	-	-	1	-	-	-	1	-	1	-	
Острия	-	1	2	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Чопперы	-	-	-	-	2	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	
Долотовидные орудия	-	2	5	7	11	1	12	1	12	1	-	1	-	1	-	
Проколки	-	-	-	-	1	-	1	-	1	-	1	-	-	-	-	
Остроконечники	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	
Отбойники	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	
Оббитые гальки	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	
Костяные орудия	-	-	-	-	-	-	-	2	1	-	4	-	-	3	-	
Обломки костей	-	1	5	6	8	2	10	34	53	28	7	2	7	25	1	
Всего				985				469	69	323	49	35	10	8	184	23

Таблица 10. Артефакты культурных слоев 11-27

Тип изделия	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС	КС
	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
	Кол-во артефактов																
Раскоп 1-2																	
Отщепы	54	51	21	21	2	16	95	-	45	148	1	19	6	137	29	224	1
Пластинки	-	-	1	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-
Пластины	-	3	-	-	-	-	7	1	-	-	-	-	-	-	-	3	-
Микропластинки	-	-	-	-	-	-	75	-	5	36	-	2	-	19	35	27	-
Микропластинки с ретушью	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нуклеусы подпризматические	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Микронуклеусы	-	2	4	-	-	-	1	1	2	7	-	-	-	-	2	2	-
Скребла	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Скребки	2	1	1	-	-	-	-	-	1	3	-	1	-	-	-	-	-
Резцы	-	-	1	-	-	-	1	-	-	2	-	1	-	-	-	-	-
Острия	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Долотовидные орудия	-	2	1	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-	-	-	-	1
Проколки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1	3	-	-	-	-	-
Отбойники	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Оббитые гальки	-	-	3	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Костяные орудия	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	2	-	1	1
Обломки костей	20	3	19	6	4	14	316	20	95	112	56	50	32	176	149	15	3
Всего	76	64	54	27	7	33	496	22	148	315	60	77	38	338	215	272	6

Диаграмма 10 по таблице 8.
Культурный слой 3.

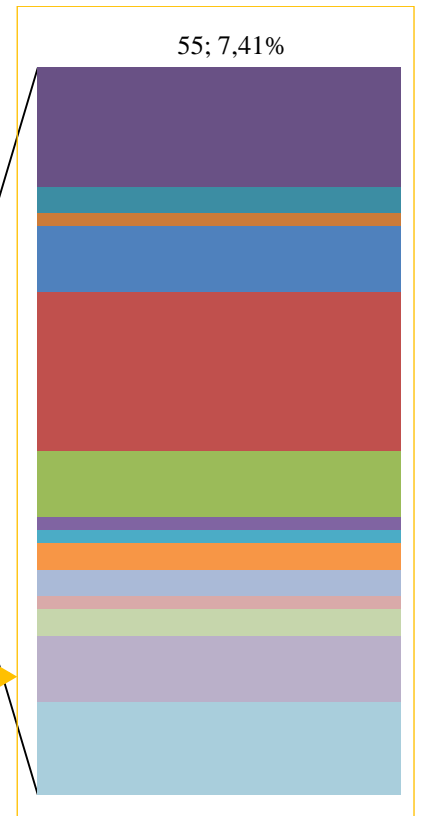
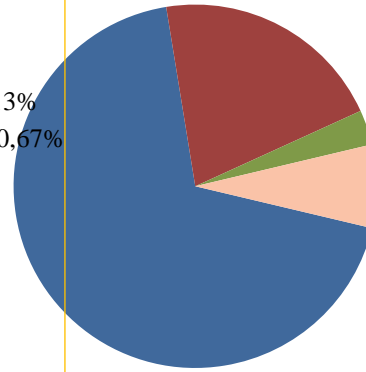


Диаграмма 11 по таблице 8.
Культурный слой 4.

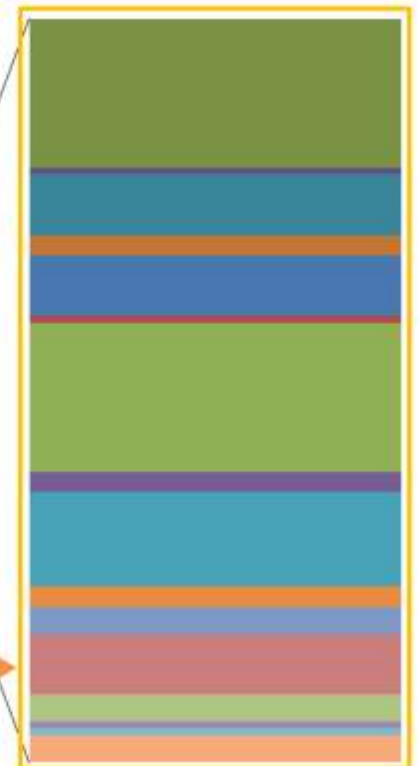
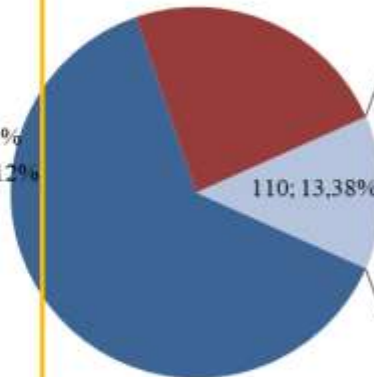


Диаграмма 12 по таблице 8
Культурный слой 4/2.

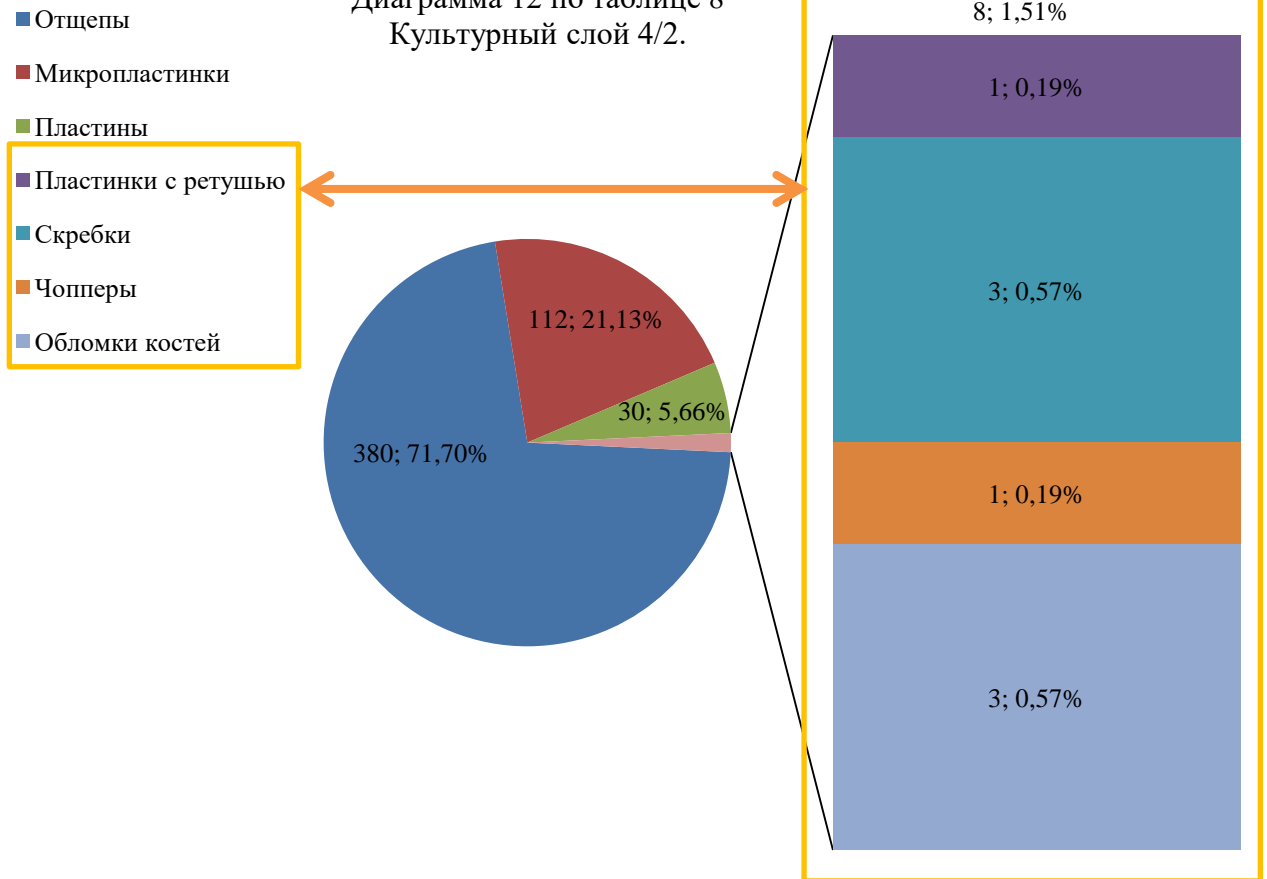


Диаграмма 13 по таблице 9.
Культурный слой 5.

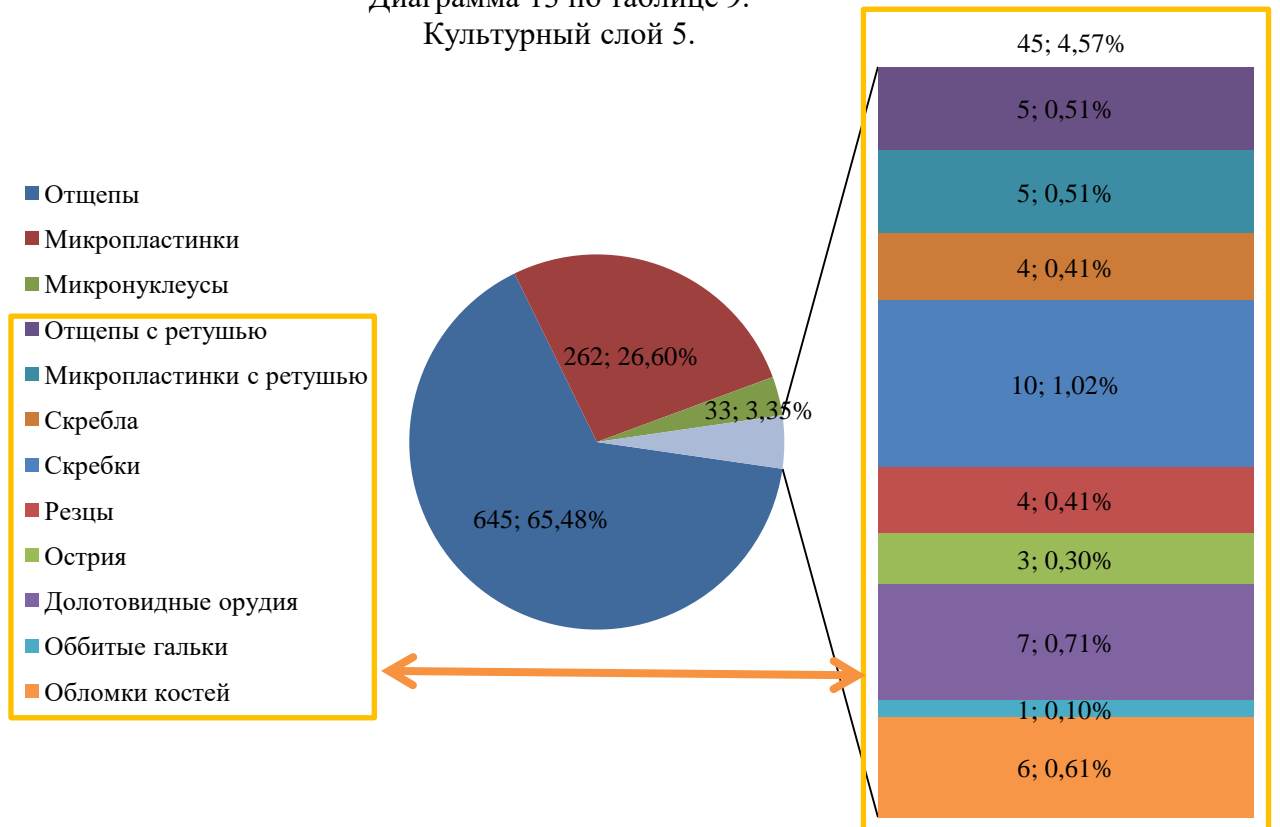
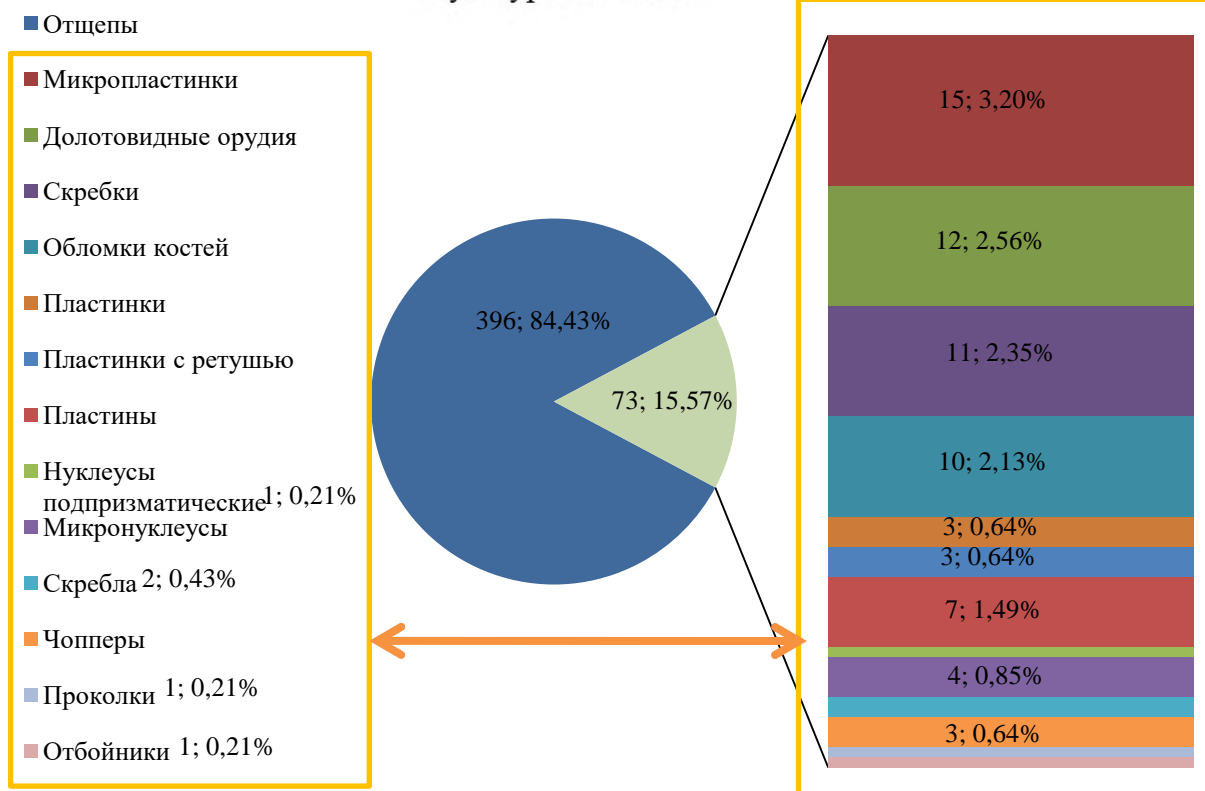


Диаграмма 14 по таблице 9.
Культурный слой 6.



Виды жилых зон и кладок	Культурный слой 2		Итого
	Горизонт 1	Горизонт 2	
Каменная кладка / погребение	3	2	5
Очаг с жилой зоной	2	1	3
Яма с скоплением массивных орудий	-	2	2
Углистое пятно или остатки кострища	-	3	3
Итого	5	7	13

Виды жилых структур Культурные слои	Жилище с одним очагом	Жилище с тремя очагами	Жилые площадки	Структура в виде линии камней	Структура "Склад-запас камней"	Итого количество структур по КС
<u>1</u>	<u>2</u>	<u>3</u>	<u>4</u>	<u>5</u>	<u>6</u>	<u>7</u>
3	-	-	2	5	-	7
4	4	2	1	2	1	10
4/2	2	-	1	1	-	4
4/3	-	-	1	-	-	1
4/4	-	-	1	-	-	1
5	7	-	1	1	-	9
6	-	-	2	1	-	3
7	-	-	2	-	-	2
8	-	-	2	-	-	2
9А	-	-	1	-	-	1
9Б	-	-	1	-	-	1
9В	-	-	1	-	-	1
9Г	-	-	1	-	-	1
10А	-	-	1	-	-	1
10Б	-	-	1	-	-	1
11	-	-	1	-	-	1

<u>1</u>	<u>2</u>	<u>3</u>	<u>4</u>	<u>5</u>	<u>6</u>	<u>7</u>
12	-	-	1	-	-	1
13	-	-	1	-	-	1
14	-	-	1	-	-	1
15	-	-	1	-	-	1
16	-	-	1	-	-	1
17	1	-	1	-	-	2
18	-	-	1	-	-	1
19	-	-	1	-	-	1
20	-	2	-	-	-	2
21	1	-	-	-	-	1
22	1	-	-	-	-	1
23	-	-	1	-	1	2
24	-	-	2	-	-	2
25	-	-	1	-	-	1
26	-	-	1	-	-	1
27	-	-	1	-	-	1
Итого количество структур по видам	16	4	34	10	2	66

Диаграмма 16 по таблице 12. Количество структур по видам из КС 3-27

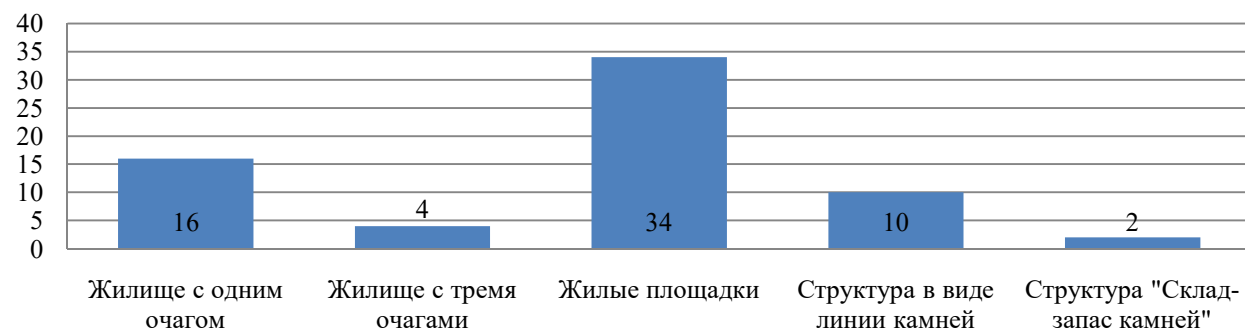


Диаграмма 17 по таблице 12. Количество структур по КС 3-27

